

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

**ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ
И МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
В XXI ВЕКЕ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 8 ноября 2012 г.

Российский совет по международным делам

Москва 2013 г.

УДК 327.5(100)(063)

ББК 66.4(0),30я431

М34

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Члены коллегии:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов** (председатель);

докт. ист. наук, акад. РАН **В.Г. Барановский**;

докт. ист. наук, акад. РАН **А.М. Васильев**;

докт. экон. наук, акад. РАН **А.А. Дынкин**;

докт. экон. наук **В.Л. Иноземцев**;

канд. ист. наук **А.В. Картунов**;

докт. экон. наук **В.А. Мау**;

докт. ист. наук, член-корр. РАН **В.В. Наумкин**;

докт. ист. наук, акад. РАН **С.М. Рогов**;

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев** (ученый секретарь)

Редактор:

В.Ю. Сухнев

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; канд. полит. наук **Н.С. Евтихевич**

Материалы подготовлены по итогам международной конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке», организованной Российским советом по международным делам (РСМД) в партнерстве с международной организацией Global Zero и МГИМО (У) МИД России, которая прошла 8 ноября 2012 г. в Москве. В брошюре представлены выступления докладчиков на четырех тематических секциях: «Российско-американское ядерное сдерживание как основа стратегической стабильности: есть ли альтернативы?», «Обсуждение доклада Комиссии Global Zero о политике в ядерной области. Перспективы российско-американского сотрудничества в области международной безопасности, ядерного разоружения и ПРО», «Многостороннее ядерное разоружение: пути достижения», «Международное сотрудничество в области противодействия угрозам ядерного терроризма и распространения ядерного оружия».

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Материалы международной конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке» / [гл. ред. И. С. Иванов]. – М. : Спецкнига, 2013. – 128 с. – ISBN 978-5-91891-222-5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ, президент Российского совета по международным делам, член-корреспондент РАН	7
МАЛЬГИН АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ, проректор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России	9
БЕРТ РИЧАРД, руководитель проекта Global Zero («Мир без ядерного оружия»), один из руководителей делегации США на переговорах по ограничению стратегических наступательных вооружений (соглашение СНВ-I, 1991 г.)	10
РОГОЗИН ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации	13
ПОЛЕМИКА	18

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ?	22
---	-----------

ДВОРКИН ВЛАДИМИР ЗИНОВЬЕВИЧ, главный научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, генерал-майор	22
---	-----------

РЯБКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	26
БЕРТ РИЧАРД, руководитель проекта Global Zero («Мир без ядерного оружия»), один из руководителей делегации США на переговорах по ограничению стратегических наступательных вооружений (соглашение СНВ-I, 1991 г.)	31
ПОЛЕМИКА	34

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА КОМИССИИ GLOBAL ZERO О ПОЛИТИКЕ В ЯДЕРНОЙ ОБЛАСТИ. ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И ПРО	44
--	----

БЛЭР БРЮС, соучредитель Global Zero	44
---	----

ЕСИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ, ведущий научный сотрудник Центра проблем военно-промышленной политики Института США и Канады РАН, генерал-полковник	49
---	----

ШИХАН ДЖОН, бывший Верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Атлантике, генерал	52
--	----

РОГОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, директор Института США и Канады Российской академии наук, академик РАН	54
--	----

ПОЛЕМИКА	59
-----------------------	----

ПАЙФЕР СТИВЕН, директор инициативы по контролю над вооружениями Института Брукингс, Чрезвычайный и Полномочный Посол США	60
--	----

АНТОНОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ, заместитель министра обороны Российской Федерации	63
---	----

ПОЛЕМИКА	67
-----------------------	----

МНОГОСТОРОННЕЕ ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ: ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ	73
ЛЕОНТЬЕВ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ, заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России	73
БЕРТ РИЧАРД, руководитель проекта Global Zero («Мир без ядерного оружия»), один из руководителей делегации США на переговорах по ограничению стратегических наступательных вооружений (соглашение СНВ-I, 1991 г.)	76
КИЛЬЕ ПОЛЬ, министр обороны Франции (1985–1986 гг.), министр внутренних дел Франции (1992–1993 гг.)	78
КОРАБЕЛЬНИКОВ ВАЛЕНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ, генерал армии	81
ДУРРАНИ МАХМУД, бывший советник по национальной безопасности премьер-министра Пакистана, Чрезвычайный и Полномочный Посол Пакистана в США (2006–2008 гг.)	88
БЛИЦ ДЖЕЙМС, редактор отдела обороны и дипломатии Financial Times	90
БЕН-АМИ ШЛОМО, министр иностранных дел Израиля (2000–2001 гг.), министр национальной безопасности Израиля (1999–2000 гг.)	92
ПОЛЕМИКА	95
 МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ ЯДЕРНОГО ТЕРРОРИЗМА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ	105
БЕРДЕННИКОВ ГРИГОРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, посол по особым поручениям МИД России	105
САФОНОВ АНАТОЛИЙ ЕФИМОВИЧ, вице-президент ЗАО «Русатом Оверсиз», генерал-полковник	107

МУСАВИАН СЕЙД ХУССЕЙН, руководитель комитета по международным отношениям Совета по национальной безопасности Ирана (1997–2005 гг.)	110
ХЛОПКОВ АНТОН ВИКТОРОВИЧ, Директор Центра энергетики и безопасности, главный редактор журнала «Ядерный клуб»	113
ПАЙФЕР СТИВЕН, Директор инициативы по контролю над вооружениями Института Бругингс, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол США	114
БЕН-АМИ ШЛОМО, министр иностранных дел Израиля (2000–2001 гг.), министр национальной безопасности Израиля (1999–2000 гг.)	116
ПОЛЕМИКА	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ, президент Российского совета по международным делам, член-корреспондент РАН	124
БЛЭР БРЮС, соучредитель Global Zero	125

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ, президент Российского совета по международным делам, член-корреспондент РАН

Уважаемые коллеги, от имени Российского совета по международным делам позвольте приветствовать всех участников международной конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке». Хочу выразить признательность нашим соорганизаторам: международному движению Global Zero и Московскому государственному институту международных отношений, которые внесли значительный вклад в организацию столь масштабного мероприятия. Нам очень приятно видеть наших зарубежных гостей, которые специально приехали в Москву для участия в конференции. Американским коллегам пришлось вылететь в Россию сразу же после президентских выборов в США, отложив на время свои домашние дела. Мы ценим такое внимание и надеемся, что сегодняшние выступления и дискуссии не разочаруют никого из участников. Особенно хотел бы поблагодарить Дмитрия Олеговича Рогозина, заместителя Председателя Правительства Российской Федерации. Дмитрий Олегович уникально сочетает знания и опыт именно в той области, о которой пойдет речь на нашей конференции, поэтому его суждения представляют для нас и последующих обсуждений особый интерес.

Результаты состоявшихся в США президентских выборов, безусловно, окажут воздействие на многие измерения мировой политики. Вместе с тем мы отдаем себе отчет, что ядерное измерение еще долго будет оставаться одним из центральных измерений российско-американских отношений вне зависимости от того, кто в данный момент находится у власти в Белом доме или в Кремле. Более того, ядерное оружие по-прежнему оказывает весьма

существенное воздействие на всю систему мировой политики, далеко выходя за рамки российско-американского ядерного баланса. Мне представляется, что при обсуждении ядерного фактора в мировой политике в XXI веке сохраняют свою актуальность фундаментальные вопросы, которые мы задаем себе с начала ядерной эры. А именно: при каких обстоятельствах и против кого ядерное оружие может быть применено; какие угрозы можно отразить с помощью ядерного оружия; к каким результатам может привести ядерный конфликт? Размышляя над этими вопросами, снова и снова приходишь к выводу, что ядерное оружие не может быть использовано в военном конфликте без катастрофических последствий для всех: и тех, против кого оно применяется, и тех, кто его применяет. Об этом много говорили и писали в годы холодной войны и позже. Сценарии наступления «ядерной зимы» сегодня ничуть не менее актуальны, чем были в 1980-е годы. Однако, если ядерное оружие не может служить инструментом военных целей, его следует рассматривать, в первую очередь, как инструмент политики. Поэтому относиться к ядерному оружию мы должны именно как к политическому, а не военно-техническому явлению. Этот вывод может кому-то показаться тривиальным, но мне он представляется весьма существенным для поисков механизмов укрепления международной безопасности.

Сегодня в этом зале собрались, пожалуй, самые квалифицированные и уважаемые эксперты в ядерной сфере. В скобках замечу, что за последние десятилетия мы основательно растеряли экспертные знания по ядерным вопросам. И у нас, и на Западе остается все меньше людей, способных профессионально анализировать эти вопросы, готовить переговорные позиции и работать над соответствующими соглашениями. И мне очень приятно, что в работе нашей конференции принимают участие студенты, аспиранты, молодые ученые МГИМО и других российских университетов. Это говорит о том, что ядерная проблематика по-прежнему привлекает новые поколения исследователей, а значит, у нас есть надежда на пополнение нашего экспертного резерва в этой области.

Не хочу предвосхищать предстоящие обсуждения, но мне представляется, что центральным элементом проблематики международной безопасности в XXI веке остается вопрос об исторических судьбах ядерного сдерживания. Справедливо ли утверждать, что ядерное сдерживание не имеет реальных альтернатив? Должны ли мы ограничиваться тем, чтобы закрепить ядерное равновесие на возможно более низких уровнях? Или все-таки от ядерного сдерживания, этого крайне живучего рудимента холодной войны, так или иначе следует избавляться? Каковы в таком случае ближайшие и перспективные шаги, которые способствовали бы достижению этой долгосрочной цели? Сегодня наши американские коллеги представят доклад комиссии Global Zero, в котором предлагаются ответы на многие из этих

вопросов. Предложения, вероятно, небесспорные, но заслуживающие самого пристального внимания.

Российский совет по международным делам также ведет активную работу по ядерной проблематике. И наши ведущие эксперты сегодня представят свое видение перспектив ядерного разоружения. Не меньшую ценность для нас имеют взгляды представителей других ядерных держав, специалистов в сфере ядерного нераспространения и проблем ядерного терроризма. Хочется надеяться, что обсуждение будет полезным и для его участников, и для тех политиков и дипломатов наших стран, которые занимаются практическими вопросами ядерной безопасности.

**МАЛЬГИН АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ,
проректор Московского государственного
института международных отношений
(Университета) МИД России**

Конференция, проводимая в наших стенах, тогда имеет прикладной смысл для университета, когда участниками или как минимум слушателями, являются студенты. Действительно, для МГИМО и, наверное, в целом для российского экспертного сообщества очень важно вернуться к проблематике ядерного оружия как в двустороннем его российско-американском аспекте, так и в многостороннем измерении. В измерении, которое становится доминирующим в современной ядерной картине мира. Интерес к этой теме показывает, что огульное снятие с повестки дня военной проблематики, наблюдавшееся 20 лет назад, или засекречивание невоенных сюжетов международных отношений оказались инструментально непригодными. По-прежнему реальные вопросы безопасности связаны с вооруженной, военной активностью. Вне зависимости от того, проявляется ли она традиционными игроками международных отношений, новыми актерами — экстремистскими структурами и криминализованными группами — или идеологическими движениями, имеющими свои военные элементы.

Вместе с тем ядерный фактор по-прежнему является центральным компонентом поля безопасности. И российско-американский стратегический диалог не является сейчас исчерпывающим элементом ядерной сферы, как 20–30 лет назад. Но это по-прежнему важнейший элемент ядерной картины мира, на основе которого создаются методологические подходы, закладывается дух сотрудничества и, будем надеяться, принципы разоружения. А еще — что очень важно — формируется тот корпус международных экспертов, тот объем экспертных знаний, которые можно применять и на других направлениях.

Невозможно в современном мире говорить о том, что двусторонний российско-американский диалог является исчерпывающим. В принципе, динамика ядерной картины мира создается, скорее, за пределами российско-американского диалога — за счет тех вызовов, которые ставят перед старыми ядерными державами страны или негосударственные акторы, стремящиеся получить оружие, технологии, доступ, потенциальное влияние в этой сфере. К счастью, целый ряд аспектов, связанных с ядерной проблематикой, обсуждается пока только в теоретическом плане. Прежде всего, речь идет о ядерном терроризме. Но он имеет измерения, которые могут, к сожалению, ему предшествовать. Это криминализованная торговля технологиями, нелегальный рынок расщепляющихся материалов и возможный доступ через национальные системы безопасности для тех, кто не должен быть допущен к важному стратегическому инструментарию.

Очевидно, отдельной темой становятся проблематика мирного атома, ядерной энергетики и ограничение ее от сугубо военной составляющей. Существуют методологические императивы, чтобы четче отделять заверения некоторых стран о мирной ядерной программе, прикрывающие создание ядерного оружия, от реального развития в этих странах ядерной энергетики с целью изменить свое место в глобальной экономике. В такой ситуации перед современными исследователями, а затем и политиками, стоит задача создания как минимум автономного, но детализированного режима регулирования мирного атома. А чтобы его детально прописать, надо понять, как функционирует уже существующий режим. Такое понимание нужно не экспертам, которые прекрасно знают особенности режима регулирования, а политикам современного мира.

**БЕРТ РИЧАРД,
руководитель проекта Global Zero
(«Мир без ядерного оружия»),
один из руководителей делегации США
на переговорах по ограничению
стратегических наступательных вооружений
(соглашение СНВ-I, 1991 г.)**

Нельзя было выбрать лучшее время для проведения конференции. Закончились президентские выборы в США, и сейчас вполне логично возобновить диалог России и США по ядерной проблематике в XXI веке. Прежде всего, мне хотелось бы выразить сожаление со стороны Global Zero, что не

все смогли к нам присоединиться, в частности, генерал Джеймс Картрайт. Он сыграл важную роль в подготовке доклада, который был выпущен летом 2012 года. В докладе рассматриваются возможные шаги, которые должны предпринять США и Россия в данной области.

Мне хотелось бы упомянуть три-четыре аспекта, которые характеризуют развитие отношений между Россией и США по ядерному направлению.

Рассматривая внутренний контекст в области ядерной политики Соединенных Штатов и Российской Федерации, прежде всего, необходимо учитывать будущее международной экономики и последствия ее развития для наших стран. Мне хотелось бы процитировать в данной ситуации бывшего министра иностранных дел Австралии Кевина Радда, который недавно заявил, что США потребуется немного времени для восстановления экономики. Это действительно так, поскольку у нас прошли выборы, и президент со своей администрацией и республиканской оппозицией в Конгрессе, наконец, могут выработать соглашение, которое позволит Соединенным Штатам, с одной стороны, повысить государственные доходы благодаря новой системе налогообложения, а с другой стороны, снизить бюджетный дефицит. В этом сегодня — основная политическая задача Вашингтона. Результаты выборов показывают, что Соединенные Штаты смогут добиться этих целей, снять главные проблемы бюджетного дефицита и налогообложения, чтобы укрепить американскую экономику. Это в свою очередь позволит активизировать сотрудничество в сферах международной торговли и инвестиций, придать новый импульс международным отношениям, включая отношения с Российской Федерацией.

Я участвовал в форуме по инновациям в московском «Экспоцентре», который вел премьер-министр Дмитрий Медведев. Российское руководство и ведущие предприниматели призывали активизировать инновационные процессы в российской экономике. Важность такой активизации понимают и в США. Форум, который прошел в России, показал актуальность диверсификации экономики, перехода от ориентации на добывающие отрасли к развитию инноваций и высоких технологий. В этом плане важен не только проект «Сколково», но и необходимость развития потенциала человеческих ресурсов. Это особенно злободневно, я вижу много молодых лиц в этой аудитории.

Необходимо, чтобы в России заработала экономика XXI века. Для меня решение экономических задач XXI века означает повышение роли и США, и России в чрезвычайно конкурентной всемирной экономике наступившего века. Россия вступила в ВТО — это очень важный шаг. В Конгрессе США должны принять решение об отмене поправки Джексона-Вэника, чтобы мы могли воспользоваться вступлением России во Всемирную торговую организацию для расширения наших деловых контактов. Надо сделать все в

самом ближайшем будущем, чтобы показать, насколько мы стремимся нормализовать экономические отношения с Россией.

Однако озабоченность в Америке вызывает российская практика в работе с иностранными компаниями, в заключении договоров, в отношении к иностранным НПО. Нас не может не настораживать ваше недоверие к деятельности иностранных НПО, которые получают финансирование из-за рубежа. Сразу возникает вопрос: а до какой степени Россия тогда хочет интегрироваться в мировую экономическую систему?

Что касается внешней политики, то известны усилия, которые предпринимались обеими сторонами во время так называемого «периода перезагрузки». Но сегодня мы видим, что нас отвлекают от «перезагрузки» другие проекты. Российский президент неоднократно заявлял о важности создания Евразийского союза, о необходимости восстановления отношений со всеми странами постсоветского пространства. При этом подчеркивалась не только необходимость укрепления экономических связей с Казахстаном и Беларусией, но и включения этой повестки дня в деятельность Евразийского союза. В экономическом плане такие подходы для России имеют смысл. Но опять же возникает вопрос: до какой степени ее интересует необходимость интеграции с Западной Европой и с США? Этот вопрос касается не только развития взаимоотношений США и России, но и — в более широком плане — возможностей заниматься совместной предпринимательской деятельностью. Итак, до какой степени взаимоотношения России и США являются приоритетными и для Соединенных Штатов, и для Российской Федерации?

Мне не совсем понятно, остается ли США приоритетным партнером для России? Также неясно, будет ли Россия приоритетом во внешней политике во время второго срока работы администрации Обамы? Может быть, президент Барак Обама и не разделяет мнение кандидата Ромни, что Россия является геополитическим противником. Но до какой степени новая администрация Обамы будет уделять внимание России как важной опоре, важному элементу внешней политики США? На этот вопрос пока еще нет ответа.

Таким образом, мы подходим к проблеме ядерного оружия. В движении Global Zero считают, и я разделяю такую точку зрения, что взаимоотношения ядерных держав в сфере ядерного оружия все менее и менее актуальны для глобальной политики. Возможность того, что между США и Россией может возникнуть ядерный конфликт, либо равна нулю, либо стремится к нулю. В то же время взаимоотношения в ядерной сфере между США и Россией по-прежнему оказывают серьезное влияние на региональные конфликты, на реальные проблемы ядерной стабильности за пределами США и России. Это настойчиво напоминает о том, что мы должны укреплять наши

связи и заниматься региональными конфликтами. Иначе в будущем могут возникнуть весьма серьезные проблемы.

На этом направлении важно не упускать из виду несколько аспектов. Например, перспективу обсуждения с другими странами, имеющими ядерное оружие, его сокращение и ядерную стабильность. На полях обсуждения есть возможность создать модель для решения всех проблем нераспространения. Надо подумать, как привлечь другие страны к этому обсуждению, чтобы оно не вылилось только в российско-американский диалог.

Мы работаем вместе, чтобы остановить распространение ядерного оружия. И Северная Корея — очень хороший тому пример. Юго-Восточная Азия и Азия в целом становятся все более важными направлениями для России в сферах экономики и безопасности. Это продемонстрировал недавний саммит АТЭС, который вел президент Владимир Путин. Возможности экономического роста в Азии очень высоки. Но ядерная программа Северной Кореи остается серьезным вызовом стабильности. На Ближнем Востоке значительные проблемы создают последствия «арабской весны». Часть этой проблемы связана с ядерной программой Ирана. И я очень доволен, что наш хороший друг господин Хоссейн Мусавиан из Ирана присутствует на этой конференции. Решение проблемы Ирана — в достижении дипломатических прорывов. И я считаю, что такая возможность выросла после переизбрания Барака Обамы. Появилась надежда заключить соглашение, которое соответствовало бы и требованиям ДНЯО, и интересам Ирана, и интересам остальных стран региона. В рамках группы «Пять плюс один» есть реальная возможность достичь успехов на этом направлении.

Недавно газета Moscow Times выражала озабоченность: будет ли перезагрузка, не будет ли ее? Предлагаю выйти за рамки перезагрузки, чтобы переходить к реструктуризации, к редизайну. Конечно, надо учитывать наши озабоченности в сфере ядерного вооружения и стремиться к дальнейшим сокращениям ядерного оружия. Однако пора заново перестраивать наши взаимоотношения. Не перезагружать их, а по-настоящему перестраивать.

**РОГОЗИН ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ,
заместитель Председателя
Правительства Российской Федерации**

Несмотря на то, что я являюсь Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации, сейчас отвечаю за другие аспекты работы правительства России. Они связаны с реализацией государственного оборонного заказа, с развитием оборонной промышленности. Поэтому, в отличие от

коллег-дипломатов, буду вынужден говорить не столько о мечтах, сколько о реальности.

Еще Отто фон Бисмарк говорил: «Надо учитывать не намерения, а потенциалы». Дискуссия, которая у нас сегодня ведется о безъядерном мире, о «ядерном нуле» — из области прекраснодушных пожеланий. Такие дискуссии тем не менее надо поощрять и развивать. Вместе с тем надо внимательно наблюдать за тем фоном, на котором разворачиваются подобные дискуссии.

Надо иметь в виду, что ядерное оружие всегда и везде выступало в качестве великого уравнителя шансов между большим государством или группой государств и небольшим государством, которое потенциально ощущает себя возможной жертвой нападения более крупного «самца» в этом, так сказать, «зоопарке международных отношений». Ядерное оружие всегда являлось также и великим уравнителем шансов большой, крупной армии и компактной армии. Это тоже надо иметь в виду. Кстати говоря, отношение к ядерному оружию сложилось не вчера. Ядерный стратегический баланс между Востоком и Западом, между Советским Союзом и его сателлитами и Соединенными Штатами с их группой сателлитов продержался достаточно долго. Несмотря на крайне выраженную конфронтацию в идеологическом и политическом плане, именно этот фактор — фактор угрозы гарантированного, взаимного, причем многократного уничтожения с помощью применения оружия массового поражения — сыграл умиротворяющую роль, когда два враждующих политических мира не рискнули напрямую войти в боевое соприкосновение. Если где они и конфликтовали, то только в странах третьего мира. Поэтому свою задачу ядерное оружие как политический сдерживатель агрессии выполнило. Нравится это кому-то признавать или не нравится, но это факт.

Возвращаясь к фону, на котором разворачиваются дискуссии, надо иметь в виду, что он становится все более тревожным. И на этом фоне, в каком-то смысле, ядерное оружие является все больше и больше средством даже не столько сдерживания, сколько ответа, ответного удара, который могут нанести, в том числе и неядерные, средства поражения страны, которая подвергается агрессии. Поэтому хотел бы отдельно остановиться на проблеме противоракетной обороны.

Кому-то кажется, что термин «оборона» означает защиту, ответные действия. Но это не всегда так. Не так давно я выступал в Стэнфордском университете и разговаривал с очень известными американскими профессорами, раньше работавшими в республиканских администрациях. Они мне сказали, что Соединенные Штаты никогда не делали ставку на оборонительные системы. Всегда в конечном счете любая оборонительная система являлась сегментом, частью наступательного потенциала. В чем смысл той

же противоракетной обороны, в чем ее дестабилизирующий смысл? Прежде всего, в том, что современная система противоракетной обороны США и НАТО на европейском континенте — это не оборонительная структура, которая базировалась бы на национальных территориях стран НАТО или Соединенных Штатов Америки. Это система, действия которой выходят далеко за пределы зоны ответственности Североатлантического альянса. Российская Федерация, может быть, и не возражала бы против того, какими средствами и способами наши западные коллеги могут обеспечивать свою собственную безопасность на своей национальной территории. Но ведь зона ответственности ПРО НАТО, зонтик противоракетной обороны, расширяется на территорию Российской Федерации вплоть до Уральских гор и покрывает практически все зоны дислокации наших стратегических ядерных сил. Мы это расцениваем исключительно лишь как попытку обнулить российский стратегический ядерный потенциал, как попытку поставить под сомнение систему международных отношений в вопросах безопасности, которая удерживала мир от сползания к ядерной катастрофе в течение всего послевоенного периода. У нас нет иного восприятия.

Более того, когда мы с вами говорим о ЕвроПРО, надо иметь в виду, что это лишь сегмент глобальной системы. Мы видим, что на российском Дальнем Востоке разворачивается еще одна плавучая противоракетная оборона. Участие в ней принимают страны — союзники США в Тихом океане. И «зона ответственности» этой азиатской ПРО распространяется на регионы Дальнего Востока, не говоря о том, что она покрывает территорию Китайской Народной Республики, и тем самым, естественно, не может не провоцировать КНР к развитию собственного ядерного потенциала и средств его доставки. Более того, непредсказуемость и дестабилизирующий характер американской противоракетной обороны состоит еще и в мобильном ее снаряжении. Раньше речь шла (по договору 1972 года о ПРО) о том, что две большие страны договорились иметь противоракетную оборону в одном позиционном районе, и каждая страна его определила, согласуя с партнером. В настоящий момент американская ПРО, которая базируется в основном на морских носителях, — это как Фигаро: сегодня здесь, а завтра там. И сегодня, например, базируясь в испанских портах, американская плавучая ПРО вовсе не дает никаких гарантий, что завтра при определенных тревожных обстоятельствах она не появится, например, в норвежских фьордах. И тем самым будет полностью дестабилизирован российский стратегический ядерный потенциал.

Это мы говорим о фоне. Второй момент — развитие такого высокоточного оружия, как крылатые ракеты, и оружия, которое стремится к преодолению гиперзвуковых скоростей, то есть скоростей, превышающих скорость звука как минимум в пять раз. Фактически такого рода системы

при их массированном применении имеют перед собой цель физического подавления политического и военного управления страны-противника, разрушения системы его противовоздушной обороны. А дальше — берите голыми руками... Высокоточное оружие и способы его применения, которые мы наблюдали в последней военной кампании в странах Северной Африки, на Ближнем Востоке, говорят о том, что это новая концепция. Она вполне вписывается в общую стратегию молниеносного глобального удара, который должен привести к парализации оппонента. Совершенно очевидно, что применение высокоточного оружия даже в неядерном оснащении — это тоже провокация против мира и стабильности.

Гонка оборонительных систем никогда не была лучше гонки систем наступательных. С древних времен совершенствование щита всегда приводило к совершенствованию меча. И наоборот. Поэтому большие потенциалы обычных вооруженных сил, мотивированных к экспедиционным функциям и оснащенных высокоточным оружием, способным применяться скрытно, анонимно, дистанционно с морских носителей, недалеко от стран, которые подвергаются такого рода угрозе, — это фактор, который не способствует борьбе за «ядерный ноль».

Третий момент, который также не способствует борьбе за «ядерный ноль». Это дающая о себе знать новая тактика применения вооруженных сил стран НАТО за пределами зоны собственной ответственности. Невзирая на то, что такого рода ограничения существуют не только в Уставе Совета Безопасности ООН и в международном праве, но и, собственно говоря, в 5-й статье Вашингтонского договора. Такого рода повсеместное расширительное толкование возможностей применения военной силы за пределами зоны своей компетенции также не может не настораживать весь мир и во многом способствует тому, что отдельные страны пытаются обзавестись оружием массового уничтожения.

Возьмем в качестве примера ситуацию в Ираке. Мы пока не получили должных объяснений от американской стороны, что они на самом деле думают по поводу истинных причин применения военной силы против Ирака. Внешний повод широко известен: якобы наличие у Саддама Хусейна оружия массового уничтожения. Судя по всему, наши американские коллеги точно знали, что нет там никакого оружия массового уничтожения. Если оно было бы, сложно себе представить, что американцы начали бы наземную операцию для свержения режима Саддама Хусейна. Для них было бы опасно развязывать такую операцию. Поэтому другие страны сегодня ссылаются именно на этот факт, объясняя свое стремление обладать оружием массового уничтожения. Ведь в таком случае против них точно не будет применяться наземная операция.

Когда мы с вами говорим о более чем серьезных вещах — о войне и мире, важно не создавать сегодня новые очаги напряженности. Надо понимать, что применение обычного вооружения, высокоточного оружия, способного на больших дистанциях поражать объекты инфраструктуры противника в условиях высокоиндустриального мира, может приводить к последствиям, сравнимым с применением оружия массового уничтожения. Что, как мне кажется, необходимо делать, для того чтобы этого избежать, и двигаться по пути, о котором мы с вами говорим? Здесь я хотел бы апеллировать к заявлениям высшего политического руководства нашей страны. В отношениях с НАТО мы давно предлагали начать постепенный отказ от военного планирования друг против друга. Но мы знаем, что в Монсе, в Бельгии, по-прежнему работает группа ядерного планирования. Мы же прекрасно понимаем, что российские города и крупные промышленные объекты по-прежнему лежат на карте возможного применения этого оружия. Давайте наконец-то сделаем шаг навстречу друг другу и начнем работу по постепенному отказу от столь варварского использования военной силы!

Другая крайне важная тема — военно-техническое сотрудничество России и Запада. Сегодня Российская Федерация активно вкладывает средства в обновление своего оборонно-промышленного комплекса. До 2020 года мы планируем потратить до 20 триллионов рублей на закупку современного оборудования, вооружения, военной специальной техники для нужд Вооруженных сил Российской Федерации. Около 3 триллионов рублей будет потрачено на модернизацию промышленного потенциала, на кардинальное обновление станочного, стандового парка предприятий. Мы хотим, чтобы российские вооруженные силы были компактными, способными решать задачи защиты нашей страны, наших союзников. Но при этом, безусловно, мы хотим, чтобы они выполняли такого рода функции, обладая современными технологиями. Сегодня у нас есть потребность наладить военно-техническое сотрудничество с ведущими западными компаниями. Однако мы это не можем сделать. Как руководитель Комиссии по экспертному контролю я вам официально заявляю, что вопросы этого контроля в странах Европейского союза решаются таким образом, чтобы блокировать всякое военно-техническое сотрудничество с Российской Федерацией. А ведь на самом деле ВТС — это фактор политических прорывов в отношениях между странами. Ведь оружием с врагом не торгуют. И если страны НАТО, США, Российская Федерация начнут взаимодействовать хотя бы в борьбе с террором, в создании технологий обеспечения безопасности наших граждан перед террористической угрозой — это будет большой прорыв, вызывающий резкое снижение напряжения, которое традиционно до сих пор витает в этих отношениях и приводит к сохранению оперативных планов на театрах военных действий.

Еще один важный момент — это сохранение строгого контроля за нераспространением оружия массового уничтожения. Российская Федерация крайне жестко к этому относится. Мы очень внимательны к вопросам экспортного контроля. Мы не поставляем, в отличие от некоторых «цивилизованных» стран, оружие в «горячие» точки. Мы никогда не нарушали режима контроля поставки расщепляющихся материалов и самого оружия в другие государства. Потому что считаем: Клуб ядерных держав, каким он сложился, должен оставаться неизменным по той простой причине, что ядерное оружие могут иметь только государства, которые осознают катастрофичность его возможного применения.

Мир очень хрупок. И тот, кто думает о возможности применения ядерного оружия, уже безумен. Оружие массового уничтожения слишком серьезная сила, чтобы доверять его людям, которые исключительно заняты только военными делами. Ядерное оружие — это, прежде всего, политическое оружие. Поэтому единственным способом нашего общего движения к «ядерному нулю» есть движение к пониманию того, что с помощью войны нельзя решать политические разногласия между государствами. Эти два процесса должны идти параллельно: отказ от войны как способа решения проблем с другими странами и сведение к минимуму самой возможности применения оружия массового поражения, в том числе и оружия в ядерном исполнении.

ПОЛЕМИКА

А.В. Долинский: Дмитрий Олегович, мой вопрос относительно планов правительства на 20 триллионов рублей. Понятно, что закупка вооружений — очень ответственный шаг и большая часть этих вооружений, если мы говорим о специальной технике, обладает очень длительным циклом производства. Если это атомные подводные лодки, то цикл производства одних реакторов — 24–36 месяцев. И российская промышленность сегодня, наверное, не готова производить оборудование следующего поколения. То есть нам надо сначала модернизировать производство, а потом уже говорить о производстве такого оборудования. Скажите, пожалуйста, у правительства есть планы, где именно будет производиться оборудование для атомных подводных лодок следующего поколения? Какие гарантии потенциальным производителям может предоставить правительство для модернизации их оборудования?

Д.О. Рогозин: Вы совершенно правы в том, что касается производства сложной техники. Действительно, до сих пор горизонт планирования

Министерства обороны Российской Федерации не превышал двух-трех лет. Мы переходим к созданию совершенно новой техники, техники новых поколений. Мы не только «высасываем» остатки советского научно-технического задела, а закладываем в закрома науки новые интересные решения. И надо понимать, что, действительно, работа над новым ядерным ракетным носителем либо над многоцелевой лодкой (я имею в виду лодки класса «Борей», «Ясень» новых модификаций) — это, конечно, 7–8 лет. Именно поэтому мы работаем сейчас по самым разным направлениям. Первое направление — это, конечно, создание более гибкой системы контрактов. В том числе мы внимательно изучаем опыт и Соединенных Штатов Америки в области контрактации сложной техники. Исходим из того, что некоторые компоненты, которые сложно предугадать как результаты новых изобретений, придется, видимо, оплачивать по факту. А на некоторые, насколько это возможно планировать, исходя из прежнего модельного ряда, будем прогнозировать цены, закладывая их индикаторы в государственную программу вооружения. Это что касается финансов. При этом мы активно используем кредитную схему. Сегодня впервые по линии военных расходов подключаем министерство финансов. В целом все правительство работает над тем, чтобы государство научилось жить по кредитным средствам, в счет будущих планов на оборонобезопасность. Люди живут по кредитным и дебетовым карточкам, и если фигурально выражаться, то Российская Федерация жила, прежде всего, по дебетовой карточке. Теперь будем жить и по кредитной.

Что касается производителей сложной военной продукции, то они известны. В частности, по атомным лодкам нового модернизированного ряда мы работаем с предприятием «Севмаш». Соответственно, известны конструкторские бюро, которые предложили сложные технические решения. Лодки, которые мы будем поставлять и головные образцы которых сейчас уже завершают свои государственные испытания, — действительно, современные лодки. И сейчас мы работаем над формированием такого, можно сказать, загоризонтового научно-технического планирования. Создан Фонд перспективных исследований.

Фонд перспективных исследований в интересах оборонобезопасности возьмет на себя две важнейшие задачи. Первая — реализация программы фундаментальных исследований, одобренной Российской академией наук и научно-техническим советом Военно-промышленной комиссии. И вторая задача — начало высокорискованных исследований, которые могут также применяться в области оборонобезопасности. Но для наших американских коллег могу сказать, что мы создаем «русскую DARPA», агентство передовых оборонных исследовательских проектов. И оно заработает уже в

ближайшее время. Для нас это важно, потому что мы подстегнем студенческую молодежь и университетские центры к тому, чтобы искать уникальные решения, которые могут иметь двойное применение как в гражданской сфере, так и в сфере оборонбезопасности.

Вы правы, что нам приходится сталкиваться с двумя параллельно реализуемыми процессами. Первый процесс — подготовка промышленности. Это кардинальная ломка старой схемы работы советской оборонки, концентрация интеллекта, стендовой базы, промышленного потенциала. Создаются новые корпорации, которые соединяют в себе новые возможности для технологического прорыва. И второе — это уже насыщение этих предприятий новыми заказами. Два процесса очень сложно синхронизировать, но приходится это делать, у нас другого шанса нет.

Корреспондент Financial Times: До нынешнего момента Российская Федерация попыталась добиться дальнейшего прогресса в области контроля над вооружением. Мы знаем, что система ПРО американцев не настроена против России. Вам известна ситуация в США: президент Обама переизбран. Каковы ваши соображения в отношении направления переговоров между США и Россией, поскольку политическая ситуация, которая сложится в США в ближайшие годы, после выборов вполне прояснилась.

Д.О. Рогозин: Когда политики находятся в гуще событий, связанных с новой избирательной кампанией, конечно, отвлекаются от многих вопросов и часто маневр их действий скован. Это понятно. Именно поэтому мы надеемся на то, что, будучи переизбранным, президент Обама будет более гибким в учете мнения России и других государств в отношении того, какова должна быть конфигурация противоракетной обороны наших партнеров, НАТО и так далее. По крайней мере, мы на это надеемся. Что касается публичных заявлений относительно того, что ПРО США не направлена против России, то мы словам не верим. Нам важны гарантии. Желательно даже не на бумаге, а в металле. Поэтому главной гарантией для нас является понимание тактико-технических характеристик ЕвроПРО в вопросах дальности действия ракет-перехватчиков, их скоростей, высоты, расположения информационных систем, которые являются неотъемлемой частью противоракетной обороны. Вот только это может быть гарантией того, что создаваемая ПРО действительно ориентирована на перехват ракет малой и средней дальности. Пока что заявленные технические параметры систем, которые планируется разместить в северных европейских морях и на континенте, таковы, что они способны сбивать и тяжелые межконтинентальные ракеты, которые являются основой стратегического ядерного потенциала

России. Поэтому мы считаем, что это, может быть, не против нас, но это точно для нас.

Ю.А. Матвиевский: Дмитрий Олегович, вы отметили в своем выступлении, что в настоящее время параллельно с ядерными системами развиваются новые отрасли высокоточного оружия. Вопрос в том, как российское правительство относится к перспективам создания этого высокоточного, лазерного и прочего оружия, которое, может быть, и связано с ядерным оружием, а может, и нет. Дело в том, что это может втянуть нас в новую гонку вооружений, совершенно непредсказуемую. Как ее хотя бы затормозить?

Д.О. Рогозин: Есть совершенно ясные ограничения. Мы категорически против вынесения оружия в космос. А что касается работ по оружию на новых физических принципах, мы считаем, что здесь должно быть разумное ограничение самих разработок и их боевого применения. Но в целом надо иметь в виду, что прогресс будет дальше развиваться, рано или поздно будет совершенствоваться и форма вооруженной борьбы. Уже сейчас мы видим, что дисперсность, скажем, систем управления боем и самого оружия в рамках так называемой концепции «сетцентрических войн» — уже реальность. А это что-то новенькое. Поэтому мы видим, что происходит пересмотр старых концепций, которые раньше изучали в академии Генерального штаба Вооруженных сил. Мы очень внимательно анализируем все, что сейчас происходит на Западе. И более того, российский оборонно-промышленный комплекс развивается не в изоляции. У нас глаза и уши, и обоняние работают на полную мощность. Мы отслеживаем все мировые тенденции. Мы смотрим, как развивается военно-промышленный комплекс США и стран НАТО. И, безусловно, все тенденции учитываем. Но в целом надо сказать, что мы прозевали в 1990-е годы такие важные разработки как, скажем, беспилотные системы, СВЧ-системы, тепловизионные системы. Больше мы не позволим себе отставать ни по одному из направлений оборонобезопасности.

И.С. Иванов: Дмитрий Олегович, большое спасибо! Еще раз от имени участников конференции хочу вас поблагодарить, что нашли время принять участие в работе нашей конференции. Для нас это важно и с точки зрения содержания вашего выступления, и с точки зрения внимания российского руководства к темам, которые мы рассматриваем. Хотя, как вы справедливо отметили, у нас есть мечтатели, но мы хотим, чтобы результаты нашей конференции имели вполне определенное практическое применение.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ?

ДВОРКИН ВЛАДИМИР ЗИНОВЬЕВИЧ,
главный научный сотрудник
Центра международной безопасности
Института мировой экономики и международ-
ных отношений РАН, генерал-майор

Традиционное определение стратегической стабильности хорошо известно. Его понимание сложилось в СССР, в Соединенных Штатах и в России. Главное — отсутствие стимулов для нанесения разоружающего удара и способность нанести в ответном ударе неприемлемый ущерб. Но это настолько общее и правильное определение, что оно бесполезно для практических оценок и расчетов. Есть еще одно определение из разряда конструктивных, им пользовались военные профессионалы, занимавшиеся моделированием операций. Вот оно: стратегическая стабильность — это устойчивое состояние стратегического ядерного равновесия на длительный период под действием дестабилизирующих факторов. Такое равновесие обеспечивается примерным равенством ядерных вооружений сторон по количественным показателям — по боевому составу, по структуре — и качественным — по боевым возможностям в нанесении различных видов ударов. Это означает примерное равенство контрсилловых потенциалов, то есть потенциалов ответных встречных ударов и потенциалов сдерживания.

В США и СССР изучали кризисную стабильность — стабильность гонки вооружений. В качестве дестабилизирующих факторов в период холодной войны считались системы противоракетной обороны, космическое оружие, противолодочная оборона, ядерное вооружение Великобритании и Франции и высокоточное оружие с обычным оснащением. Вот такие взгляды на

стабильность сложились в США, затем в СССР и были на практике воплощены в договорах СНВ-1, СНВ-2, проекте, в рамочном соглашении по Договору СНВ-3 и дальше в новом договоре по СНВ 2010 года. В конце прошлого и в начале нового века представления о стратегической стабильности значительно расширились за счет новых угроз и дестабилизирующих факторов. Теперь к ним добавились распространение ядерного оружия и ядерных технологий, распространение ракет и ракетных технологий, ядерный терроризм, этнические и религиозные войны с непредсказуемой эскалацией.

Таким образом, в самом понимании стратегической стабильности, по существу, ничего не изменилось, кроме появления новых дестабилизирующих факторов. И в полном объеме продолжает оставаться неизменной концепция взаимного ядерного сдерживания России и Соединенных Штатов. Важно подчеркнуть принципиальное отличие ядерного сдерживания вообще как фактора обеспечения национальной безопасности и взаимного ядерного сдерживания России и США. По всей видимости, принципы ядерного сдерживания сохранятся до тех пор, пока будет существовать ядерное оружие, однако существует очевидная целесообразность пересмотреть и переоценить роль сдерживания в обеспечении безопасности великих держав и их союзников. Особое значение в этом случае придается тому, что сохраняющийся принцип взаимного ядерного сдерживания в отношениях России и США и реликтовая концепция взаимного ядерного сдерживания не имеют никакого смысла после окончания противостояния двух мировых систем. Более того, они служат препятствием для полноценного сотрудничества во многих сферах безопасности, о чем уже много лет говорят и пишут многие авторитетные эксперты.

Российская четверка «мудрецов»: Игорь Иванов, Евгений Примаков, Евгений Велихов, Михаил Моисеев — все знаковые фигуры — призвали к переходу от ядерного сдерживания к всеобщей безопасности. Напомню, что в резолюции Сената США о ратификации нового договора по СНВ прямо сказано: состояние взаимного ядерного сдерживания между США и Россией не отвечает интересам безопасности двух держав, его необходимо трансформировать. Однако военно-политическое руководство двух стран в понимании этого сдерживания демонстрирует глухоту. Свою роль играет и консервативность мышления в ракетно-ядерных отношениях России и США не только в официальных кругах, но и среди экспертов. Трансформировать это состояние можно было бы с помощью двух шагов, осуществляемых параллельно или последовательно. Первый шаг — отказ от планов немедленного пуска ракет по информации от систем предупреждения. Доказательством отказа от таких планов стало бы понижение готовности к немедленным запускам в части, прежде всего, стационарных межконтинентальных

баллистических ракет. Этой проблемой мы стали заниматься с Брюсом Блэром еще 17 лет тому назад. К настоящему времени эта задача в полном объеме решена в результате работ российских специалистов. На начальном этапе скептики заявляли о невозможности контролировать пониженную готовность. Тот же генерал Юджин Хэбигер разделял это убеждение, но, по-видимому, он плохо представлял себе систему инспекции по Договору СНВ-1 и по новому договору. А эта система инспекции позволяет со стопроцентной гарантией контролировать понижение готовности ракет к немедленному пуску по информации от систем предупреждения.

Для реализации этого шага России и США было бы достаточно согласовать и принять исполнительное соглашение по отказу от планов пусков ракет по информации от систем предупреждения. Юридически проработанный проект такого соглашения около 10 лет тому назад был разработан и представлен в Совет безопасности России и американской стороне. В этом же проекте определены работы по верификации пониженной готовности. Второй (не по очереди, а по значению) важный шаг — это полномасштабное сотрудничество по европейской и глобальной ПРО. Если это произойдет, то места для взаимного ядерного сдерживания не будет, поскольку Россия, США и НАТО, по существу, становятся союзниками. Достаточно полные материалы по организации и структуре такого сотрудничества содержатся во многих вышедших работах, в том числе в материалах Евроатлантической инициативы по безопасности с участием специалистов России, США, европейских стран НАТО.

Определенные меры по трансформации взаимного ядерного сдерживания России и США содержатся в докладе *Global Zero*, где предлагается одностороннее сокращение ядерных сил США по всем видам и доведение потенциала до 900 боезарядов. Причем половина ядерных потенциалов будет находиться в пониженном состоянии готовности. То есть наши разработки в этом направлении реанимируются. Авторы доклада справедливо полагают, что в таком состоянии американских сил будет явно недостаточно для поражения всех стратегических целей на территории России. Поэтому Россия не должна опасаться разоружающего удара.

Это так, но далее в состоянии полной готовности никаких признаков трансформации взаимного ядерного сдерживания нет. Существует распределение зарядов по целям — по нашим пультам управления, по объектам оборонно-промышленного комплекса, по Москве. Когда я узнал о 80 боезарядах, нацеленных на Москву, мне хотелось сказать: «Наверное, их функции лучше всего знает генерал Картрайт. Ведь планирование — его задача». У профессионалов существует такое понятие, как норма поражения. Я могу совершенно достоверно сказать, что площадь Москвы в пределах Кольцевой дороги составляет 900 квадратных километров. Для сплошного поражения

такой площади требуется 7–8 боезарядов из тех, которые несут «Трайидент II». Может быть, в Соединенных Штатах считают, что Москва до Урала раздвинулась, и все равно такое количество совершенно избыточно. Площадь Нью-Йорка — 5 тысяч квадратных километров, но и для него тоже это много.

Я рекомендую перераспределить заряды. Не надо 80 зарядов на Москву направлять! Есть возможность для маневрирования.

Возвращусь к стратегической стабильности и дестабилизирующим факторам. Эта терминология, «стратегическая стабильность», появилась как следствие баланса стратегических вооружений СССР и США. В совершенно новых условиях баланс США, если мы планируем отказаться от взаимного ядерного сдерживания, уже не должен так влиять на стабильность. Ошибочно и нереалистично консервировать прежнее понимание стратегической стабильности, относящееся к периоду холодной войны. Поэтому я бы предложил отойти от этой терминологии, пересмотрев и перечень дестабилизирующих факторов. Вообще определение «стратегическое» давно затерто. У нас все стратегическое. Партнеры от Монголии, Венесуэлы до Китая — стратегические партнеры. Но с точки зрения стратегической стабильности, речь идет только о балансе стратегических вооружений. Стабильность — это региональная, трансрегиональная и глобальная составляющая, это устойчивый региональный, трансрегиональный и глобальный баланс сил и интересов. Дестабилизирующие факторы — ядерный терроризм, распределение ядерного оружия и ядерных технологий, распространение ракет и ракетных технологий, этнические и религиозные войны с непредсказуемой эскалацией, космическое оружие, высокоточное оружие с обычным оснащением.

Неслучайно в этом списке отсутствует ПРО. Мы недавно закончили исследование опыта пятидесятилетнего создания систем ПРО. Этот опыт очень хорошо показал, что невозможно технически и организационно создать ПРО с любым количеством эшелонов, которая могла бы защитить от ответного удара. А как сегодня воспринимается неприемлемый ущерб? От Роберта Макнамары до Андрея Дмитриевича Сахарова считали, что неприемлемый ущерб наступает в результате ударов 400–500 зарядов мегатонного класса. Потом немецкие специалисты опустили порог до 150 зарядов. А сегодня взрыв одного заряда в любом мегаполисе — совершенно неприемлемое явление. ПРО может быть относительно надежной для защиты от одиночных или групповых пусков. Но ПРО не следует рассматривать как дестабилизирующий фактор ввиду того, что она не может быть эффективной.

На первом месте в перечне дестабилизирующих факторов сегодня стоит ядерный терроризм. В газете «Синьхуа» я прочитал со ссылкой на Сергея Алексеевича Рябкова: сегодня приоритет — недопущение попадания ядерных

материалов в руки террористических организаций. Значит, ядерный теракт в мегаполисе Америки, Европы или России приведет к подрыву глобальной, не говоря уже о региональной, стабильности. Наиболее опасно приведение в действие самодельного ядерного взрывного устройства. Сделать его — хрестоматийная задача для террористической организации. Единственная проблема — достать оружейный уран. Но и здесь, по оценке МАГАТЭ, около 100 исследовательских реакторов в мире используют оружейный уран в качестве топлива. В этой сфере хищения в принципе возможны.

Взрыв самодельного ядерного заряда в современном мегаполисе приведет к потерям в сотни тысяч убитых и раненых и предсказуемым социально-психологическим, политическим последствиям в долгосрочном плане. После терактов в США, Великобритании, Италии и других странах в подавляющем большинстве государств введены беспрецедентные, обременительные для населения, усиленные меры контроля. И общество приняло действия, направленные на обеспечение безопасности. В случае же ядерного теракта население ради выживания будет согласно на любые действия жесткого тотального контроля, значительного ограничения привычных демократических основ. Если «конвенциональные» теракты уже длительное время приводят к усилению антимусульманских настроений и движений в странах развитой демократии, то вполне можно представить, что произойдет в этой ситуации. Массовая депортация некоренного населения, жесткие санкции вызовут ожесточенные протесты на мусульманской «улице», вооруженные столкновения, волны терактов. Удовлетворен таким развитием событий может быть только автор «Столкновения цивилизаций» Сэмюэль Хантингтон. Еще раз хотел бы привлечь внимание к принципиально новому пониманию стабильности. В принципе, это задача исследований на различных уровнях — и на государственном, и на экспертном.

**РЯБКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
заместитель министра иностранных дел
Российской Федерации**

Концепция стратегической стабильности восходит к первым десятилетиям холодной войны. В традиционной формулировке она описывается как ситуация взаимного сдерживания сторонами друг друга от развязывания военного конфликта угрозой нанесения агрессору неприемлемого ущерба, несопоставимого с возможными выигрышами. Подобное сдерживание основано на понимании государственным руководством невозможности добиться своих целей военными методами даже в случае нанесения первого

ядерного удара, поскольку другая сторона сохраняла бы возможность сокрушительного ответа при любых условиях начала войны.

Несмотря на то, что российско-американские отношения в последние годы улучшились, а ядерные потенциалы сторон были значительно сокращены по двусторонним соглашениям о СНВ, стратегическая стабильность в отношениях между нашими странами по-прежнему основывается на взаимном сдерживании. В этой связи стороны продолжают уделять повышенное внимание обеспечению живучести своих стратегических ядерных сил в условиях нападения извне и поддержанию их потенциала на уровне, позволяющем гарантированно решать поставленные задачи. Понятно, что речь идет о гипотетических сценариях, вероятность практической реализации которых крайне мала.

Эти нюансы отражаются и в экспертных дискуссиях на различных политологических площадках. В этом плане показателен доклад о концепции «взаимно гарантированной стабильности», подготовленный в августе этого года экспертами действующего при госдепартаменте США Совета по вопросам международной безопасности (ISAB). Авторы исходят из того, что в современных условиях ядерное оружие теряет свою прежнюю центральную роль, а ядерное сдерживание утрачивает актуальность. Безопасность предлагается обеспечивать через развитие сотрудничества в решении общих задач и продвижении общих ценностей, интеграцию и усиление взаимозависимости.

Поиск новых путей обеспечения стабильности не должен, как представляется, уводить в сторону от реальных проблем в области международной безопасности. Напротив, дискуссии на эту тему должны быть нацелены, прежде всего, на снятие имеющихся у сторон озабоченностей и предотвращение появления предпосылок для возникновения между ними конфликтных ситуаций. Именно в этом суть нашего подхода к наполнению стратегического диалога с американскими партнерами.

Мы понимаем под стратегической стабильностью между Россией и США состояние двусторонних отношений, которое характеризуется рядом факторов.

В военной сфере это:

— устойчивое равновесие в совокупных военных потенциалах, включая наступательные и оборонительные вооружения, обеспечиваемое, прежде всего, целенаправленным воздержанием от дестабилизирующих шагов в области военного строительства, включая разработку и развертывание вооружений, размещение войск, принятие и реализацию доктрин и концепций, от формирования и реконфигурации военно-политических союзов, от создания военных баз на иностранной территории, а также иных действий,

которые воспринимались бы другой стороной как угрожающие ее национальной безопасности и вынуждали к принятию ответных мер, направленных на восстановление нарушенного равновесия;

— обеспечение сторонами высокого уровня доверия, транспарентности и предсказуемости.

В политической сфере:

— строгое соблюдение принципов и норм международного права, регулирующих вопросы применения силы и принятие принудительных мер в соответствии с положениями Устава ООН;

— укрепление и совершенствование системы международно-правовых инструментов в области разоружения, нераспространения и контроля над вооружениями;

— уважение законных интересов друг друга при решении актуальных международных проблем и при рассмотрении региональных ситуаций.

Исходим из того, что обеспечение стратегической стабильности и равной безопасности для всех является залогом формирования условий для устойчивого развития нашей страны на долгосрочную перспективу. В отношениях с международным сообществом опираемся на принципы поддержания стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений.

Центральным элементом обеспечения национальной безопасности России является стратегическое сдерживание. Оно предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств).

Стратегическое сдерживание не ограничивается сугубо военными, а тем более только ядерными аспектами, и предполагает более широкий подход к методам обеспечения национальной безопасности.

Ядерное сдерживание рассматривается в качестве основного элемента сохранения стратегической стабильности всеми государствами, обладающими ядерным оружием. Это подтверждается, в частности, действующими программными документами США в области национальной безопасности, а также предпринимаемыми американской стороной практическими действиями по совершенствованию ракетно-ядерного комплекса. В интересах обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Россия осуществляет меры по поддержанию паритета с США в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания глобальной системы противоракетной обороны и реализации концепции глобального молниеносного

удара с возможным использованием стратегических носителей в неядерном оснащении.

Ядерное оружие в обозримой перспективе будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения, которые при определенных условиях также могут перерасти в ядерные. Согласно положениям действующей военной доктрины, Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

Российская концепция применения ядерного оружия определена в соответствии с утвержденными политическим руководством подходами к обеспечению национальной безопасности. Она учитывает совокупность факторов и условий, которые включают в себя и российско-американские отношения. В то же время, при всей их важности, эти отношения являются не единственным элементом, который принимается нами в расчет при выработке и реализации данной концепции.

Наша позиция в отношении дальнейших шагов по сокращению и ограничению ядерных вооружений хорошо известна. Возможность таких шагов должна рассматриваться с учетом всего комплекса факторов, влияющих на стратегическую стабильность. К ним мы относим планы по развертыванию глобальной системы ПРО США, реализацию упомянутой концепции глобального молниеносного удара, отсутствие прогресса в ратификации ДВЗЯИ, нежелание США и некоторых других государств отказаться от возможности размещения оружия в космосе, наличие количественных и качественных дисбалансов в обычных вооружениях.

В области ядерного разоружения приоритетом для нас остается полноформатное выполнение нового Договора о СНВ. В соответствии с требованиями Федерального закона о его ратификации решение о проведении переговоров по дальнейшему сокращению и ограничению ядерных вооружений будет приниматься Президентом Российской Федерации с учетом хода реализации данного Договора, его принципов и положений, а также состояния стратегических вооружений США, третьих государств и в комплексе с другими задачами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Несколько слов об этих задачах. Действующая Стратегия национальной безопасности России в качестве угрозы военной безопасности России рассматривает политику ряда ведущих зарубежных стран, направленную на достижение подавляющего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах. А также путем развития высокоточных,

информационных и других высокотехнологичных средств ведения войны, разработки стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования глобальной системы противоракетной обороны и сохранения открытым вопроса о предотвращении размещения оружия в космосе. Все это грозит привести к новому витку гонки вооружений, а также к распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Особое значение в данном контексте имеет проблематика ПРО. Диалог о дальнейших сокращениях вооружений невозможен без решения проблемы ПРО и устранения антироссийского потенциала развертываемой США глобальной противоракетной системы. При этом значение имеет не только европейский сегмент глобальной ПРО США, но и другие ее элементы. Информирование о ходе реализации американских планов по наращиванию потенциала ПРО не может служить альтернативой полномасштабным правовым гарантиям ее ненаправленности против российских СЯС, либо отказа от ее неограниченного развертывания.

США не хотят распространять режим контроля над вооружениями на свои средства противоракетной обороны. А мы призываем действовать по схеме, принятой Москвой и Вашингтоном в контексте нового Договора о СНВ: обеспечить равноправие, паритет и взаимный учет интересов и озабоченностей в сфере безопасности. Исходя из этой логики, предлагаем согласовать и зафиксировать не только надежные гарантии ненаправленности глобальной ПРО США против российских СЯС, но и военно-технические критерии, позволяющие оценивать соответствие систем ПРО заявленным целям; разработать соответствующий верификационный режим, меры транспарентности и укрепления доверия.

Укрепление международной безопасности и стабильности требует подключения к процессу сокращения и ограничения ядерных вооружений всех без исключения стран, обладающих военным ядерным потенциалом. В новом Договоре о СНВ зафиксировано понимание необходимости придания в перспективе усилиям в данной сфере многостороннего характера. Исходим из того, что любые дальнейшие шаги в области сокращения и ограничения ядерных вооружений должны носить многосторонний характер. Это позволит осуществлять их таким образом, чтобы укреплялись международная стабильность и мир на основе принципа равной и неделимой безопасности, а также обеспечивались проверяемость и необратимость предпринимаемых мер.

Мы заинтересованы в поддержании и укреплении стратегической стабильности между Россией и США, в продолжении двустороннего и многостороннего диалога по комплексу вопросов, имеющих отношение к укреплению международной безопасности и стратегической стабильности.

**БЕРТ РИЧАРД,
руководитель проекта Global Zero
(«Мир без ядерного оружия»),
один из руководителей делегации США
на переговорах по ограничению
стратегических наступательных вооружений
(соглашение СНВ-I, 1991 г.)**

Не знаю, являюсь ли я оптимистом или пессимистом. Мне хочется быть, скорее, аналитиком. Нам необходимо продумать вопрос взаимного сдерживания и взаимоотношений в условиях стратегической стабильности. Во времена холодной войны, конфронтации между Западом и Востоком, существования биполярной системы международных отношений было очень много общего между американским и советским пониманием системы взаимной гарантии неуничтожения и стратегической стабильности. Но все больше и больше за последние 20 лет эти понимания расходятся. Стратегическая стабильность в наши дни зависит от большого количества переменных, а не только от того, смогут ли США и Россия уничтожить друг друга.

Фактор взаимного сдерживания между США и Россией в настоящий момент по-прежнему существует. С моей точки зрения, никто не подвергает сомнению тот факт, что у США есть возможности нанести ядерный удар по России, как никаких сомнений нет и в способности Российской Федерации нанести сокрушительный удар по Соединенным Штатам Америки. Но каково соотношение между реальностью и стратегической стабильностью? Это еще надо посмотреть. Если спросить, что является наиболее важным фактором, влияющим на стратегическую стабильность, то люди, скорее всего, ответят: «Возможность, что расщепляющие материалы могут попасть в руки таких групп, как «Аль-Каида». Люди, участвующие в опросе, добавили бы к факторам нестабильности ситуацию в Пакистане, который обладает ядерным оружием. Здесь существует возможность распада гражданского общества и вероятность того, что ядерный арсенал окажется в опасности. Люди упомянут также иранскую ядерную программу и угрозу дальнейшего распространения ядерного оружия в этом нестабильном регионе. Кроме того, конечно же, будут говорить о возвышении Китая как активного игрока в ядерном Клубе, и его ядерной доктрине. Мало кто вспомнит о ПРО.

Господин Рябков только что упоминал в своем выступлении усилия США в адаптации ПРО к потребностям Америки и России контролировать вооружение. Это очень хороший пример, поскольку программа, которую реализует США со своими союзниками по НАТО, не предназначена для того, чтобы

защищаться против удара со стороны России. Эта система создается из необходимости принимать во внимание возможность осуществления аналогичных программ в других странах, например, в Иране. К тому же необходимо принимать во внимание обязательства США по защите своих союзников.

Попытки свести стратегическую стабильность лишь к взаимному ядерному сдерживанию ошибочны, они вызывают еще большие проблемы. В настоящий момент Российская Федерация не выказывает особого желания участвовать в продолжении переговоров по дальнейшему сокращению ядерного потенциала. Но и в этих условиях, я думаю, мы можем сохранить взаимное ядерное сдерживание при снижении уровня вооружений. Просто надо подходить творчески к этим вопросам.

Поскольку мы не в состоянии плавно перейти к следующему раунду переговоров по сокращению вооружений, то необходимо воспользоваться возможностью оглянуться назад. Обдумать наши взаимоотношения и связь между стабильностью и сдерживанием. И, может быть, выйти на заявление о согласованных принципах, которые бы Россия и США приняли, признавая общие угрозы XXI века. Я не собираюсь сейчас обсуждать все детали такого возможного заявления о согласованных принципах, но хотел бы показать, что оно могло бы в себя включать. Прежде всего, в заявлении должно признаваться, что взаимоотношения между Россией и США в ядерной сфере являются важным фактором международной безопасности. С учетом этого необходимо выработать принципиальное соглашение по активизации действия уже принятых документов в рамках нынешнего СНВ. Нет никаких оснований тормозить эти шаги.

Стоит также признать, что существует согласие по приоритету проблем, которые необходимо обсудить в рамках следующего раунда переговоров между Россией и США. Темы этих переговоров должны включать дальнейшее сокращение развернутых стратегических наступательных вооружений. Далее обсудить ограничения, впервые установленные на неразвернутые средства доставки стратегических вооружений, которые обе стороны имеют. Наконец, необходимо добиться соглашения, что использование такого рода вооружений также должно рассматриваться в последующих переговорах. Мне не хотелось бы вдаваться в глубокую дискуссию по тактическим вооружениям и стратегическим ядерным вооружениям. В 2012 году Global Zero представил свой доклад на международной конференции по вопросам безопасности в Мюнхене. В нем обсуждались подходы к решению вопроса безопасности тактических ядерных вооружений и вывод ядерных вооружений США с европейской территории.

Необходимо также признать законную озабоченность Российской Федерации в отношении создания ПРО и угроз со стороны третьих стран

как для США, так и для России. Мне бы хотелось подчеркнуть еще один момент. Система, которую собирается разворачивать НАТО, в настоящий момент не обладает угрожающим потенциалом для России. Мы говорим о поэтапном разворачивании. Оно завершится только на четвертом этапе, что произойдет не раньше 2020 года, если такая система вообще будет размещена. Необходимо вести открытый диалог о реальных, а не потенциальных угрозах, об угрозах, которые могут возникнуть на данном направлении. Это важный компонент соглашения или декларации о принципах, которую я упоминал.

Также следует упомянуть, что США и Россия участвуют в развитии и создании ядерных потенциалов третьих стран. Поэтому обе стороны должны существенным образом поддерживать вовлечение других стран в переговоры об ограничении таких вооружений в будущем. Региональная безопасность выступает важным фактором в укреплении контроля над вооружениями со стороны России и США. Вообще региональная составляющая играет важнейшую роль в контроле над вооружениями в XXI веке. Нам нужно заниматься проблемой Северной Кореи, иранской программой. При этом как США, так и Российская Федерация должны признавать необходимость дипломатических подходов в решении этих проблем, признать права Ирана по ДНЯО, констатировать, что усилия по смене режима в данной стране незаконны.

Кроме того, надо развивать более тесное сотрудничество по вопросам ядерного терроризма.

Наконец, следует разработать принципиальную декларацию о том, что обе стороны осознают важность соглашения о проведении более интенсивного диалога по вопросам, связанным со стратегической безопасностью. Соглашение должно включать аспекты нестабильности, политических изменений в арабском мире. Надо продолжать совместную работу по достижению дипломатических шагов в соглашении по Ирану. Это означает обсуждение вопроса о безъядерной зоне на Ближнем Востоке и более широкой проблематики общего мирового ядерного режима, обсуждение контроля над ядерными вооружениями. Надо выяснить, готовы ли ядерные державы в рамках ДНЯО рассматривать обязательства других стран открывать свои ядерные объекты для международной инспекции. Это нужно, чтобы впервые в истории создать глобальную систему, позволяющую знать, какая страна и в каком объеме обладает расщепляющими материалами. Такой подход позволит развивать инициативу, которую предложил господин Обама в области ядерной безопасности. Это поможет нам вдохнуть новую жизнь в дискуссии между Вашингтоном и Москвой по вопросам ядерного контроля.

ПОЛЕМИКА

С.Б. Брилев: Владимир Зиновьевич, Вы рассуждали о том, при каких условиях возможен отказ от взаимного ядерного сдерживания между Россией и Соединенными Штатами, и поделились своим взглядом на новую формулу глобальной стабильности. Но вы отталкивались в основном от российско-американской матрицы, а с самого начала конференции звучит мысль о том, что через тридцать лет после того, как это было актуально, мы находимся в новой реальности. Когда существует такое количество самопровозглашенных ядерных игроков, что можно вообще говорить о российско-американской формуле?

В.З. Дворкин: Кроме большой ядерной пятерки — Великобритании, Франции, США, России и Китая — есть Индия, Пакистан, Израиль. Несколько боезарядов, как считается, есть у Северной Кореи. Готовится их получить, по всей вероятности, Иран. Этот ядерный многоугольник требует отдельного анализа, и в этом отношении принципы ядерного сдерживания будут работать с большим риском, потому что подключаются новые страны. Наверное, Индия и Пакистан сейчас работают над предотвращением несанкционированных пусков, но системы контроля, я думаю, у них совсем не такие, как в России и в Соединенных Штатах. А риск применения на региональном уровне ядерного оружия остается чрезвычайно высоким. В Институте мировой экономики и международных отношений рассматривали возможность вывода на прозрачность ядерных потенциалов Индии и Пакистана. С Израилем трудно разговаривать на такие темы. Примером в развитии прозрачности должна стать большая пятерка. Практически ничего не известно о китайском потенциале. Есть разные экспертные оценки того, сколько Китай наработал оружейного урана и плутония, — оценки, которые расходятся в разы. То есть существует сложнейший клубок проблем, которые требуют отдельного анализа.

С.Б. Брилев: Я не могу отказать себе в возможности поделиться мрачным наблюдением о том, что на фоне развития общемировой ситуации Договор о нераспространении ядерного оружия, по-моему, является просто бумажкой, которая совершенно не работает. Хочу задать два непростых вопроса. Мы можем предположить, что во время второго срока Обамы почти сразу выйдет на первый план американская идея вновь обсудить такую «мелочь», как российское тактическое ядерное оружие. А оно является важным элементом в обеспечении баланса сил при соприкосновении российской и натовской военных машин. У американцев тоже есть тактическое оружие

в Европе. На каких условиях российская дипломатия готова вернуться к теме тактического ядерного оружия? В контексте ДОВСЕ или вообще к нему не возвращаться? Из уст Ричарда Берта мы сегодня вновь слышали пожелание об отказе от ядерного оружия. Что можно сделать по тактическому оружию?

С.А.Рябков: Я не сторонник употребления термина «условия», потому что термин «условия» предполагает, что может быть у того, кто эти условия выставляет, замысел не договориться, а просто найти предлог, чтобы уйти от диалога. Обстоятельства нам всем понятны. По большому счету, они не меняются с начала 1990-х годов, когда Российская Федерация в одностороннем порядке на три четверти сократила свои арсеналы тактического ядерного оружия и складировала боезаряды, переведенные из оперативно-развернутого состояния, на централизованных базах. В то время в отношениях между США и их европейскими союзниками в данной крайне чувствительной сфере изменений не произошло. Осталось не только значительное количество оперативно развернутых боезарядов на номинально тактической дальности от российских объектов, но при этом в НАТО продолжилась реализация известной политики Nuclear Sharing. Я думаю, что диалог по этой теме будет продолжен. Условиями продуктивности такого диалога является ликвидация европейской инфраструктуры тактических ядерных вооружений и вывод их на территорию США. Но рассмотрение темы тактического ядерного оружия, как и других аспектов ядерного разоружения, по нашему убеждению, должно идти в многостороннем формате после полного выполнения Договора об СНВ с учетом совокупности остальных факторов.

С.Б. Брилев: Хочу поделиться одним очень свежим для меня воспоминанием. Мы готовили недавно фильм к 50-летию Карибского кризиса, ездили в Гавану. Там за старой крепостью есть поле, где размещена старая военная техника. Рядом с пустой Р-12 весьма символично стоит «Луна», вся роль которой выяснилась только через 30 лет. Я хотел вернуть нас, собственно, к природе разговора о ядерном сдерживании. События пятидесятилетней давности доказывают, что до тех пор, пока не появились ракеты, а не 40 тысяч советских военнослужащих, с которыми возможно прямое боестолкновение, угроза вторжения на Кубу сохранялась. Мы, конечно, можем рассуждать категориями сокращения ядерного оружия России и США. Тем более его накоплено столько, что мы можем уничтожить планету несколько раз. Собственно говоря, во время кубинского кризиса мы так испугались этой возможности, что это стало уроком для наших двух стран.

Но как же тогда избавить малые страны, которые не всегда представляют собой либеральные и дружественные демократии, от соблазна заполучить оружие ядерного уничтожения на фоне того, о чем говорил здесь чуть ранее Дмитрий Рогозин? С учетом мнения, что это — лучшая гарантия собственной неприкосновенности? В этом видится одна из глобальных проблем, что бы мы ни решали на российско-американском треке. А как мы объясним северокорейцам или иранцам, отталкиваясь от слов Владимира Зиновьевича, который полагает, что они находятся на пути к ядерному оружию? Как объяснить другим народам, что им не надо обзаводиться ядерным оружием, когда они видят, что произошло с Ираком? Соблазн все-таки велик. Это вопрос для вас, мистер Берт.

Р. Берт: Полагаю, необходимо проявить большую осторожность, когда заявляют: пример с Ираком доказывает — ядерное оружие разрабатывается, чтобы избежать нападения со стороны более крупной державы. Президент Буш в отношении вторжения в Ирак использовал аргумент о том, что Ирак владел оружием массового поражения. Я хорошо помню дискуссии того времени. Конечно, кто-то делал безответственные заявления о возможности появления ядерного зонтика, поскольку в Ираке есть ядерные объекты. Но никто не предоставил убедительных доказательств, что в Ираке было ядерное оружие или что Ирак собирался разработать такого рода вооружения. В то время полагали, что у Ирака большие запасы химического оружия. Полагаю, что вторжение в Ирак не было вызвано необходимостью блокировать программы по развитию тех или иных видов вооружения. Историки будут не менее ста лет спорить о причинах вторжения США в Ирак. Основной версией считается, что это была неизбежная реакция на террористические акты в Нью-Йорке 11 сентября. И сейчас есть люди, которые искренне верят, что эти теракты были так или иначе связаны с Саддамом Хусейном. Хотя доказать это невозможно. Я солидарен с неоконсерваторами во взглядах на природу вторжения. А они считают, что использование военной силы в отношении Саддама Хусейна должно было подтолкнуть к заключению мирного договора на Ближнем Востоке.

С.Б. Брилев: Так следует ли иметь ядерное оружие в качестве сдерживания для Северной Кореи?

Р. Берт: Международное сообщество должно продемонстрировать, что оно не позволит государствам в нарушение обязательств по ДНЯО разрабатывать ядерное оружие. Лучшим примером, с моей точки зрения, является стремление России, Китая, Соединенных Штатов Америки,

Великобритании, Франции и Германии взять на себя лидирующую роль во введении действенных санкций в отношении Ирана. Для меня это хороший пример того, какого рода консенсуса нам необходимо добиваться среди лидирующих держав мира. Нельзя позволять режиму нераспространения выходить из-под контроля. Сами по себе санкции недостаточны для того, чтобы решить иранскую проблему. Нам необходимы и дипломатические усилия. И в данном случае такого рода действия возможны. Но санкции стали важным фактором воздействия на умонастроения руководителей Ирана. Такой должна быть модель отношения к проблеме, подобной иранской. Если Иран создаст ядерное оружие, то принять аналогичное решение могут Саудовская Аравия, Египет, Турция.

С.Б. Брилев: У Израиля, как все считают многие годы, есть ядерное оружие. Значит ли, что Саудовская Аравия или, допустим, Египет могут разработать его в ответ? Если Иран получит ядерное оружие и некоторые соседние страны попытаются создать ядерное оружие в ответ, сработает ли та же самая логика?

Р. Берг: Вы — журналист. Представьте, что я — ваш главный редактор. Даю задание: купите билет на самолет, слетайте в Саудовскую Аравию и спросите, как там отреагируют на то, что Иран разрабатывает ядерное оружие. Затем слетайте в Анкару или в Стамбул. Спросите турок, что они сделают, если Иран получит ядерное оружие. Я провел много времени в этом регионе, общался с жителями этих государств. В Саудовской Аравии не скрывали своих намерений. В Турции, может быть, не так публично об этом говорили, но смысл ответов сводился к тому, что через два года после того, как Иран получит ядерное оружие, Турция начнет развивать собственную ядерную программу. Что меня пугает: нет единого, универсального ответа. В каждой конкретной стране свои подходы.

С.Б. Брилев: Мы в большей степени говорим в контексте российско-американских отношений... Но если замахиваться на дальнейший процесс сокращения российского и американского ядерного потенциала, то на каком этапе с технической, военной, политической точек зрения надо подключать остальных членов ядерного клуба — и формальных, и неформальных?

В.З. Дворкин: Я думаю, что в ближайшей перспективе нет никаких шансов привлечь другие страны, хотя бы «большую ядерную пятерку» или три страны, к переговорам. Можно вести речь только о консультациях. Великобритания, по существу, это сделала, Франция — тоже: взяли обязательство

не наращивать в дальнейшем свое ядерное оружие и принять часть тех мер прозрачности, которые уже давно существуют в практике России, США по договору. Это будет труднее сделать в отношении Китая. Пока это только поэтапный процесс консультации, ни о каком договоре не может быть речи. Потому что результаты договора — это проверки. А проверять тактическое ядерное оружие совершенно невозможно, никакого опыта нет. Индия и Пакистан должны получить очень хороший стимул на примере того, что делают другие ядерные страны. Но правильно тут говорилось, что неустойчивая обстановка в Пакистане должна вызвать еще бóльшие усилия, чтобы все поддавалось урегулированию.

С.А. Рябков: На следующем этапе переговоры должны приобрести многосторонний характер. Дальнейшие переговоры в сфере контроля над вооружениями на двусторонней российско-американской основе мне не представляются возможными.

Р. Берг: Я не соглашусь с официальной российской точкой зрения. У США и России слишком много ядерного оружия, чтобы привлечь другие страны к переговорному процессу о контроле над вооружениями. Надо провести еще один этап серьезных сокращений, я считаю, до тысячи ядерных единиц, чтобы другие государства, особенно КНР, заинтересовались процессом. Во взаимоотношениях между Китаем и Россией наблюдается интересная динамика: если китайцы знают, что русские готовы сократить свои ядерные боеприпасы, то у китайцев появляется стимул для своего участия. Думаю, русские могли бы оказать воздействие на китайцев, на их желание присоединиться к процессу и участвовать в переговорах.

А.И. Владимиров: Генерал Владимиров Александр Иванович, президент Коллегии военных экспертов России. В прошлом боевой пехотный генерал. По своей должности занимаюсь национальной стратегией в практическом смысле слова. Вот к какому выводу я пришел, слушая очень профессиональные и очень интересные доклады. Что бы вы сейчас ни говорили, но наше обсуждение ведется только в общем контексте страха смерти. И все, что мы сейчас говорим, — это сколько раз мы друг друга сможем уничтожить, как сделать, чтобы мы смогли убить друг друга меньшее количество раз. Это страшно, понимаете? Когда мы говорим, что стабильность у нас зиждется на ядерном равновесии, то рано или поздно этого равновесия не будет. И что тогда? Почему мы вообще не обсуждаем вторую константу стратегической стабильности? А она заключается в отсутствии мотивации к применению ядерного оружия. Это возможно только тогда, когда мы вместе

будем строить новый мировой порядок. Пока что он строится в основном Западом. Самое главное, сначала мы создадим новую геополитическую этику в отношениях держав, а потом от взаимного сдерживания перейдем к партнерству и взаимному содействию в развитии. Никто почему-то не говорит о развитии. В свою очередь, очень важно понять и методологически-философскую часть этого дела. Если и дальше понимать национальную безопасность как систему состояния отсутствия угроз, мы всегда будем пересчитывать дозагрузку, запасные части, танки и другие потолки. А если понимать национальную безопасность как условия для развития, тогда будет смысл говорить о перспективе. Я предлагаю не прекращать диалог, но начинать думать о том, как совместить общее желание великих держав жить в мире, добрососедстве с конкретными проектами развития. Выстроив новую этику отношений, можно переходить к разоружению.

Участник переговоров по СНВ-1: У меня вопрос к российским участникам и к послу Берту. Пожалуйста, поясните, какой вклад в укрепление стратегической стабильности должна внести новая тяжелая МБР, которая разрабатывается в России? Какую реакцию со стороны США мы можем ожидать на создание новой тяжелой МБР?

Р. Берт: Я думаю, что правые силы в Америке с интересом послушают такое обсуждение. Это разговор из 1970–80-х годов, буду с вами откровенен. Тогда тоже многие говорили: «Какая трата денег!» Что привлекает американцев в современной России? Это проект «Сколково», высокие технологии, применение биотехнологий, компьютерные, информационные разработки. Россия больше не является сверхдержавой только из-за того, что у нее есть ядерное оружие. Но она остается сверхдержавой потому, что у нее есть нефть и газ. Если вы не хотите, чтобы ваша экономика зависела только от добывающей промышленности, вам надо ее диверсифицировать. В вашей стране столько умных людей, столько талантов, такой огромный человеческий потенциал! Необходимо использовать все ваши замечательные возможности, как это делают тайваньцы, китайцы, другие азиаты.

С.А. Рябков: Соответствующие планы надо рассматривать под углом поддержания всей триады на современном уровне. Традиционно наша страна располагала значительным арсеналом именно тяжелых жидкотопливных ракет. Не являясь специалистом в сфере военно-промышленного комплекса, думаю, что наличие современной ракеты тяжелого класса является вкладом в укрепление национальной безопасности Российской Федерации.

В.З. Дворкин: Есть одно оправдание разработке тяжелой ракеты. Кстати, не называйте ее тяжелой, это легкая ракета, потому что ее вес составляет 100 тонн, а тяжелое — все, что выше 105–106 тонн. Таково правило. Эта жидкостная ракета может быть оправдана только с точки зрения того, о чем А. Сердюков говорил: мы всплывем до уровня СНВ-2, до уровня нового договора еще только через несколько лет — по количеству носителей и боезарядов. На эту жидкостную ракету можно поставить 10 зарядов и «всплыть» быстрее к этому уровню. А со стратегической точки зрения, стационарные ракеты такого класса — это дестабилизирующий фактор, потому что они чрезвычайно уязвимы и провоцируют первый удар. Это если говорить в старых традициях. У нас, может быть, небольшое количество таких ракет. Возможно, российское руководство примет решение разработать для них не ядерные боезаряды, а обычные высокоточные. В какой-то мере это можно оправдать, но в целом, я считаю, это действительно лишняя трата средств.

В.Б. Кувалдин: В какой мере учитывается асимметрия всей проблематики в повестке дня национальной безопасности той и другой стороны? Я понимаю и готов согласиться, что для Соединенных Штатов ядерная угроза — это угроза № 1 с точки зрения существования американского государства. Вчера это был Советский Союз, сегодня это — международный терроризм. Давайте вспомним опыт Советского Союза. У него был большой ядерный арсенал, но это его не защитило и не спасло. С моей точки зрения, сегодняшняя Россия по целому ряду жизненно важных параметров гораздо более слабое и уязвимое государство, чем был Советский Союз. С учетом этой явной асимметрии, как мне кажется, ядерная проблематика для России не является проблемой № 1. И я не уверен, входит ли она в число первых трех угроз национальной безопасности. Как может влиять такой подход на наш диалог и на отношения в этой сфере?

С.А. Рябков: Я согласен с оценками, которые здесь уже звучали, о том, что значение военно-политической составляющей в российско-американских отношениях по объективным причинам снижается. Те, кто составляет костяк экспертного сообщества, занимающегося проблематикой сокращения вооружений, контроля над вооружениями, могут инстинктивно или осознанно не принимать эту реальность. Вопросы другого характера в большей мере будут влиять на наши отношения, на ситуацию в мире, чем классика разоруженческого жанра. В этом нет ничего драматического. Просто надо найти правильные алгоритмы работы для укрепления безопасности и предотвращения возможного ущерба. К чему мы, собственно, и призываем.

Е.Шестаков: Евгений Шестаков, «Российская газета». Вопрос к российским и американским участникам. Если я правильно понял господина Берта, он говорил об использовании санкционного подхода для того, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия, но никоим образом не говорил об иных подходах, которые гарантировали бы государствам, желающим безопасности, эту безопасность. Что, кроме санкций, могли бы вы предложить для того, чтобы страны, которые не имеют сегодня ядерного оружия, но хотели бы его приобрести для своей безопасности, отказались от этого намерения?

Р. Берг: Это очень хороший вопрос, спасибо. Не выделяя какие-то конкретные примеры, позвольте размышлять теоретически. Страна приобретает ядерное оружие вследствие того, что ощущает угрозу своей безопасности. Но решить проблему безопасности можно и без приобретения ядерного оружия. Часто в этом могут помочь альянсы, союзы. Например, союз США с Японией является таким решением проблемы. Договор между США и Японией помогает предотвратить приобретение Японией ядерного оружия, хотя хорошо известно, что у этой страны есть все технологические возможности перейти к производству и развертыванию ядерного оружия в кратчайшие сроки. Поскольку существуют союзнические отношения и гарантии безопасности со стороны Соединенных Штатов, Япония не видит необходимости в такого рода оружии. Я имею в виду не только гарантии безопасности отдельно взятой страны. Можно говорить о коалиции, которая в состоянии предоставить такого рода гарантии, чтобы снять обеспокоенность той или иной страны, члена коалиции. Взять Иран. Если нам удастся дипломатическим путем решить данную проблему, то частью соглашения с Ираном со временем может стать гарантия его безопасности — договоренности, которые позволят устранить угрозы безопасности Ирана, в том виде, в котором представляет их себе Тегеран. То есть в такой ситуации работает не только экономическое и дипломатическое давление. Необходимо использовать положительные стимулы, с тем чтобы страна не видела единственную возможность обеспечения безопасности в разработке собственного ядерного оружия.

С.А. Рябков: Удивительно, сколько раз в ходе нашей сессии, которая посвящена несколько другим темам, прозвучало слово «Иран». Я не думаю, что есть основания настолько алармированно говорить о ситуации вокруг Ирана, особенно в контексте перспектив ядерного разоружения. Я хотел бы упомянуть, что договор о нераспространении ядерного оружия, который, в отличие от слова «Иран», упоминался в ходе нашей сессии гораздо реже, — это, действительно, золотой фонд многосторонних разоруженческих усилий.

Я не нахожу другого примера настолько выверенного, сбалансированного и долго живущего международного документа, который в такой степени оказал бы стабилизирующее воздействие на международную обстановку на протяжении многих десятилетий. Смысл договора сводится к тому, что государства, являвшиеся ядерными и подписавшими в таком качестве этот договор на момент его подписания, взяли на себя обязательства продолжать усилия в сфере ядерного разоружения. Тогда как все другие подписанты договора взяли обязательства воздерживаться от распространения ядерного оружия. И при этом всем странам должен быть гарантирован доступ к благам мирного атома. Если мы все без исключения будем действовать в соответствии с этой базовой логикой договора о нераспространении ядерного оружия, то тогда могут быть решены проблемы, которые имеют отношение к иранской ядерной программе. Я думаю, что нам надо добиваться, чтобы страны, стоящие вне договора, обладающие военным ядерным потенциалом, присоединились к нему в качестве неядерных. Нам надо развивать работу по созданию зон, свободных от ядерного оружия, в различных частях мира, в том числе работать в направлении создания зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки, на Ближнем Востоке. Из такого рода шагов и вырастает глобальная безопасность.

Внутри системы ДНЯО возникает вполне понятное напряжение и страдает вся система международной безопасности, когда группы стран или отдельные страны чувствуют, что их безопасность ущемляется либо в результате того, что они не имеют доступа или достаточного доступа к ядерным технологиям, либо они чувствуют, что есть основания упрекать ядерные державы в селективном подходе, в неодинаковых стандартах работы в этой сфере. Мы хотим эти дисбалансы ликвидировать, выравнять подходы и договариваться о том, что будет с режимом нераспространения почти через 50 лет после того как отцы — основатели договора о нераспространении ядерного оружия задумались о будущем мире.

В.З. Дворкин: 198 государств — члены ДНЯО. Три государства не стали членами: Индия, Пакистан, Израиль. И два государства, которые нарушили по факту этот договор, подвергаются мощнейшим санкциям. Есть надежда, что санкции повлияют. Существуют гарантии безопасности, которые даются неядерным государствам. Между прочим, устойчивость договора зависит от того, как ведут себя главные ядерные державы. Пока не было никаких переговоров о сокращении: две обзорные конференции по договору о нераспространении практически зашли в тупик. Но как только мы начали с американцами переговоры и заключили новый договор, последняя обзорная конференция была успешной.

С.А. Рябков: Хочу отметить, что мы не считаем, что два государства нарушают договор. Понятно, о ком идет речь в контексте нашей дискуссии. Мы считаем, что одно государство нарушает договор, и в отношении этого государства были приняты соответствующие санкционные меры. А другое государство как раз договор не нарушает, и санкционные меры были приняты в интересах стимулирования переговорного процесса. А санкционные меры, которые приняты в обход Совета безопасности, на наш взгляд, не являются легитимными.

М.А. Гареев: Американские эксперты удивляются, почему страны не хотят отказываться от ядерного оружия. Сама жизнь дает ответ на этот вопрос. Что надо сделать, чтобы не было стимулов к применению или обладанию ядерным оружием? Надо менять политику ведущих государств на международной арене. Если такая политика, как сейчас, будет продолжаться, можно любые аргументы приводить, но они не будут иметь прямого отношения к делу. Представьте себе, кто-нибудь в России заявил бы: «Америка — это геополитический враг № 1 для России». Вполне понятно, как бы отнеслись к такому заявлению во всем мире. Если бы у нас в России какой-нибудь губернатор сказал: «Я не пущу никаких наблюдателей», на Западе все поднялись бы: ОБСЕ, Евросоюз. А на Западе губернатора, делающего подобные заявления, признают чуть ли не предводителем самой высшей демократии в мире. Можно много примеров приводить, но сама жизнь показывает: чтобы не было стремления к обладанию ядерным оружием, для того чтобы налаживать сотрудничество, в котором все заинтересованы, надо коренным образом менять политику ведущих государств.

Р. Берг: Я не настолько красноречив, как наш уважаемый господин генерал. Но хотел бы заявить, что в общем и целом согласен с этими комментариями. И еще хотел бы напомнить, что губернатор, который сказал, что Россия является геополитическим врагом Америки № 1, потерпел на выборах сокрушительное поражение.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА КОМИССИИ GLOBAL ZERO О ПОЛИТИКЕ В ЯДЕРНОЙ ОБЛАСТИ. ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И ПРО

БЛЭР БРЮС,
соучредитель **Global Zero**

Для меня большая честь представить результаты исследования, которые были опубликованы как доклад Global Zero. В группу по подготовке доклада входили генерал Джеймс Картрайт, посол Ричард Берт, господин Томас Пикеринг, бывший посол Соединенных Штатов в России, сенатор Кей Хейган, а также генерал Джон Шихан. Мой хороший друг и коллега Виктор Есин выскажет свои комментарии к докладу с российской точки зрения. Будь он американцем, мы бы попросили его присоединиться к работе над докладом, поскольку наша комиссия в значительной степени использовала документы, которые готовил господин Виктор Есин со своими коллегами Сергеем Роговым и Павлом Золотаревым. Мы много почерпнули из работ господина Алексея Арбатова, генерала Владимира Дворкина, полковника Валерия Ярынича, профессора Анатолия Дьякова. Наши российские коллеги подготовили основу для обсуждения практически всех тем в рамках конференции. И главная тема — выход за пределы концепции взаимного уничтожения.

Многие из наших коллег уже говорили здесь, на конференции, высказывались в средствах массовой информации о неудовлетворенности существующей концепцией взаимного гарантированного уничтожения. Она строится на планах массированного нападения значительными силами на ядерные арсеналы другой стороны, на командные пункты, поддерживающую промышленность — как внутри, так и за пределами крупнейших городов. Это, конечно же, жестокое наследие холодной войны, анахронизм, от которого нам необходимо избавляться.

Подобные концепции неактуальны в настоящий момент ни с политической, ни с психологической, ни с социальной точки зрения, особенно

когда это касается взаимоотношений по проблемам безопасности между Россией и США. По крайней мере, так дело обстоит с точки зрения Вашингтона. Идея о взаимном гарантированном уничтожении уже не так релевантна, повторяюсь, как это было в годы холодной войны. Но понятие «взаимное гарантированное уничтожение» — не просто ментальный конструкт, это взаимная угроза, приобретшая институционный характер после 40–50 лет воплощения в жизнь. Концепция взаимного гарантированного уничтожения глубоко укоренилась в умах руководителей Пентагона, военизированных и боевых подразделений, экономического сектора и военно-промышленного комплекса. И, конечно же, это стало частью нашей внутренней политики.

Существует, к сожалению, заинтересованность в концепции с обеих сторон. Обе стороны не исключают возможность такой угрозы. Мы работаем, чтобы усилить сотрудничество в данной области. Очень непросто отказаться от концепции взаимного гарантированного уничтожения, избавиться от этого гнетущего наследия прошлого. Для этого необходимо предпринять существенные усилия, проявить политическую волю руководителей наших стран. Мы в Global Zero считаем, что политическая воля в значительной степени проявляется при поддержке общественности. Но даже при широкой поддержке мировой общественности, мы не можем ожидать существенных изменений, если на них не решится политическое руководство.

С точки зрения США, статус-кво означает, что и дальше в сфере ядерной политики будут главенствовать директивы президентов, в настоящее время — президента Обамы. Эти директивы включают планы массированных атак с помощью специальных информационных систем против российских и китайских военных сил, их ключевых командных штабов. А в случае одновременного конфликта с Россией и Китаем, такого рода директивы предполагают упреждающие удары. В них содержатся команды использовать новейшие достижения техники и разведки с тем, чтобы распознавать самые скрытые цели, располагающиеся на дне океана или в лесах.

Понятно, что составленные таким образом директивы позволяют нашей оборонной системе повышать готовность отразить любой удар со стороны Российской Федерации. И технические параметры здесь не играют главной роли. Если не проявлять политическую волю, чтобы отказаться от таких схем в ядерной политике и обороне, если законсервировать существующий порядок вещей, то трудно будет что-то изменить.

Авторы доклада Global Zero в значительной степени пытаются преодолеть существующую инерцию, показать, как убрать препятствия на пути стратегической стабильности. Я останавливаюсь на основных аспектах, которые мы обозначили в докладе.

Начнем с того, что ядерное оружие непригодно при устранении угроз безопасности, с которыми сталкивается любое государство в XXI веке. Существующие ядерные арсеналы препятствуют коллективным усилиям США, Китая и других государств устранять вызовы, с которыми мы сталкиваемся в нынешнем веке. Трудно поверить, что государства, которые угрожают уничтожить друг друга с помощью ядерного оружия, в состоянии достичь приемлемого уровня сотрудничества и доверия. Именно доверие нужно для решения многих насущных проблем, в том числе в борьбе с эпидемиями, наркотрафиком, торговлей людьми. А ведь есть еще и такие проблемы, как несостоявшиеся государства, бедность, голод, разнообразные источники нестабильности, которые сегодня вызывают обоснованную обеспокоенность молодого поколения. Оно озабочено пережитками холодной войны, в числе которых и ядерное оружие. Понятно, что это наследие их отцов, от которого пора отказаться, чтобы перейти к решению действительно важных проблем, стоящих сегодня перед нами.

Второй момент. Нынешние запасы ядерных вооружений намного больше объемов, необходимых для сдерживания. Модернизация крупных арсеналов, которую проводят в России и в Соединенных Штатах, в некоторых других государствах, обходится весьма дорого. Это тяжелое бремя даже для США, где ежегодный оборонный бюджет составляет примерно половину годового национального ВВП России. Мы не можем в Соединенных Штатах одновременно модернизировать все три составляющие нашего потенциала сдерживания, потому что это приведет буквально к банкротству страны. Мы можем себе позволить только одно направление, допустим, модернизировать подводные лодки. А это означает, что долгие годы не будет использоваться как минимум 75 процентов бюджета, направленного непосредственно на строительство военно-морского флота. В Пентагоне немало адмиралов, которые предпочли бы использовать средства на обычные вооружения, а не на ядерные, которые в действительности нельзя применить.

Существует большая возможность двусторонних сокращений по всем категориям ядерных вооружений. В нашем докладе предлагается обсуждать соглашения по сокращениям в рамках следующего раунда переговоров. Мы считаем, что многие запланированные мероприятия по модернизации можно отложить и достичь существенной экономии. В докладе основывается необходимость сократить ядерное вооружение до 900 единиц. Мы утверждаем, что это более чем достаточно для осуществления сдерживания.

Вернусь к схеме, которую господин Дворкин представлял в своем выступлении. Что можно сделать с 900 единицами? Этого хватит, чтобы накрыть любые цели — от пусковых установок до центров руководства страны, чтобы разрушить такой город, как Москва. То же самое касается Сирии,

Ирана, Северной Кореи. То есть 900 единиц ядерного оружия более чем достаточно для осуществления сдерживания. Мы устанавливаем эту планку для иллюстрации того, что 900 боеголовок могут нанести ущерб запредельного масштаба любым целям. Поэтому наши лидеры должны стремиться к завершению сокращений в течение ближайших десяти лет. Соединенные Штаты должны основывать планирование не на триадах, а на диадах средств доставки, например, «Трайидент» и бомбардировщик В-2. Другие средства доставки должны быть конвертированы для использования в конвенциональных целях.

Третий момент, который мы прописываем в докладе. В системах предупреждения скрывается большая вероятность ошибок. Нужно создавать новые системы, которые позволяли бы нашим командующим принимать взвешенные решения по применению ядерных сил. В докладе Global Zero подчеркивается, что нынешняя система предупреждения предоставляет всего лишь минуты, даже секунды на принятие решений лидерами и на то, чтобы отреагировали их подчиненные. На всестороннюю оценку угрозы с тем, чтобы выдать соответствующие указания для того или иного способа использования ядерных сил, как представляется, необходимо от 24 до 72 часов. За этот же срок можно обосновать приоритеты выдачи команды на использование ядерных сил. Поэтому такого рода полномочия не должны быть делегированы исключительно военным. Предлагаемые изменения в подходах к реагированию на угрозы нападения в значительной степени снизят риск случайного или ошибочного, неавторизованного использования ядерного вооружения.

Четвертый момент. Предыдущее положение только снижает угрозу внезапного первого ядерного удара. Далее необходимо задействовать механизмы мониторинга, что усилит стратегическую стабильность. Предположим, российские стратегические силы, которые в настоящий момент находятся в порту, могут в момент кризиса перейти на скрытую диспозицию в океане задолго до того, как в США получают сигнал о наступающей угрозе. То есть возникает ситуация, в которой у Соединенных Штатов снижается возможность предвосхитить удар наступательных сил России, поскольку системы ПРО позволяют уничтожать только установки, находящиеся на стабильном базировании. Однако и в этом случае рекомендации Global Zero помогают устранить такого рода угрозу, уменьшить потенциал недоверия России и, как следствие, снизить возможность нашего ответного удара. Комиссия рекомендует: только 50 процентов арсенала США должно быть развернуто на постоянную боевую готовность 24–72 часа в сутки. То есть на ежедневном дежурстве Соединенные Штаты должны иметь менее 300 боеголовок, которые могут быть развернуты в течение 24–72 часов. Таким образом,

стратегические силы США не будут представлять значительную угрозу, как в настоящий момент.

В-пятых, в контексте этих подходов Соединенные Штаты Америки хотели бы с большей уверенностью использовать ПРО и обычные конвенционные вооружения. Это особенно важно для периода в 24–72 часа, в течение которого во время кризиса будет проходить подготовка вооруженных сил.

При рассмотрении такого рода кризисов мы не учитывали собственно Россию. Мы очень деликатно подходили к тому, чтобы избежать самого упоминания о том, что наше обычное вооружение может использоваться для устранения угроз со стороны России. Мы заявляем, что Россия не является врагом Соединенных Штатов, что США не являются врагом России. Наши возможные противники — это такого рода страны, как Северная Корея и Иран, а также террористические организации. Китай также фигурировал в нашем докладе.

В-шестых, наше предложение состоит в том, чтобы регулирование вооружений носило универсальный характер. Особый интерес для нашей комиссии представляло расширение процесса сокращения ядерного вооружения с тем, чтобы вовлечь в него все страны и все виды вооружений. Мы занимались на протяжении 50 лет переговорами по разоружению исключительно друг с другом. Они шли только между Россией и Соединенными Штатами Америки. Все другие ядерные игроки не участвовали в подобных переговорах. Пришла пора вовлечь их в эти переговоры. Существенную опасность для стратегической стабильности представляют сегодня не проблемы во взаимоотношениях России и США, а стремление других стран получить ядерные вооружения, развернуть их в регионах, где ситуация и так носит нестабильный характер. То есть очень важно начинать многосторонний процесс, который бы вовлек различные государства для участия в переговорах. Для этого необходим весомый пример, которым могут стать договоренности России и США о еще одном раунде существенных сокращений вооружений.

Мы полагаем, что в результате этих договоренностей можно выйти на тысячу, 900, а может быть и на 500 единиц ядерного оружия в арсеналах США и России. Такие шаги помогут вовлечь третьи страны в переговоры.

Движение Global Zero делает все зависящее для мобилизации экспертного сообщества и поддержки чаяний простых граждан, для того, чтобы обеспечить партнерство в области безопасности, прозрачность в отношениях и достижение полноценного сотрудничества между нашими и третьими странами. Мы, действительно, очень глубоко увязли в проблемах, доставшихся от времен холодной войны, но, надеюсь, нам удастся их решить.

Мы уверены в конструктивности выводов нашего доклада, и президент Обама с этим согласен. Прежде всего, с оптимизмом, который заложен в

документе. Не знаю, как доклад воспримут в России. В любом случае, Россия — наш постоянный партнер в работе, направленной на глубокие сокращения вооружений, которая в конечном итоге должна привести к уничтожению ядерного оружия.

**ЕСИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ,
ведущий научный сотрудник Центра
проблем военно-промышленной политики
Института США и Канады РАН,
генерал-полковник**

Доклад комиссии Global Zero, который мы сегодня обсуждаем, произвел на меня большое впечатление своей нетривиальностью и теми новыми подходами к американской политике в ядерной области, которые, как представляется, заслуживают пристального внимания и изучения. В Институте США и Канады было решено поразмышлять над тем, что можно предложить, чтобы ядерная политика России в перспективе стала в большей степени соответствовать современным реалиям.

Сотрудниками Института США и Канады Российской академии наук под руководством академика Сергея Михайловича Рогова был разработан доклад по обеспечению стратегической стабильности и ядерному разоружению в XXI веке. Я в своем выступлении не собираюсь затрагивать все аспекты этого доклада, а коснусь только тех вопросов, которые имеют отношение к ядерной стратегии России и оперативному статусу ее ядерных сил.

В настоящее время, если абстрагироваться от военно-политических амбиций, имеющиеся у России и США ядерные арсеналы значительно превышают то, что необходимо для удовлетворения разумных потребностей сдерживания между этими двумя странами, а также по отношению к третьим странам. Генерал Владимир Дворкин уже говорил о 80 ядерных зарядах, нацеленных на Москву. В свое время я занимался ядерным планированием, и когда Генеральный штаб нам ставил задачу распределить заряды в части, касающейся ракетных войск стратегического назначения, у нас тоже оставался излишек — больше сотни зарядов. И куда их нацеливать? Мы смотрели: Нью-Йорк — территория большая, давай туда десяток добавим. То есть это свидетельство того, что современные запасы, даже сниженные по сравнению с тем периодом, когда я этим делом занимался, избыточны. С учетом этого представляется возможным и достижимым в течение предстоящих 10 лет России и Соединенным Штатам снизить свой ядерный потенциал

более существенно, чем это предусмотрено имеющимися договоренностями, в частности, новым договором по стратегическим наступательным вооружениям.

Американский коллега Брюс Блэр изложил свое видение состава ядерных сил Соединенных Штатов к 2022 году. Теперь позвольте мне высказать свои соображения по возможному составу ядерных сил России к этому же периоду, то есть к 2022 году. Я предлагаю на рассмотрение три варианта.

Первый вариант. В ядерных силах 2 500 боезарядов: 1 800 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 700 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия. При этом для осуществления ядерного сдерживания в развернутом состоянии 900 единиц стратегического ядерного оружия, а остальное находится в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 350 межконтинентальных баллистических ракет, оснащенных тысячей боеголовок (500 развернутых, 500 в резерве). Затем 12 подводных лодок со 192 баллистическими ракетами и 600 боеголовками на них (300 развернутых, 300 в резерве). И 25 тяжелых бомбардировщиков с 200 крылатыми ракетами (100 развернутых, 100 в резерве).

Вариант второй. В ядерных силах 2 000 боезарядов: 1 400 единиц стратегического ядерного оружия модифицированной оперативной готовности и 600 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия. При этом для осуществления ядерного сдерживания содержится в развернутом состоянии 700 единиц стратегического ядерного оружия, остальное находится в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 310 межконтинентальных баллистических ракет, оснащенных 750 боеголовками (375 развернутых, 375 в резерве), 10 подводных лодок со 160 баллистическими ракетами и 460 боеголовками на них (230 развернутых, 230 в резерве) и 20 тяжелых бомбардировщиков с 190 крылатыми ракетами (95 развернутых, 95 в резерве).

Наконец, третий вариант. В ядерных силах 1 500 боезарядов: тысяча единиц стратегического ядерного оружия модифицированной оперативной готовности и 500 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия. При этом для осуществления ядерного сдерживания содержится в развернутом состоянии 500 единиц стратегического ядерного оружия, остальное находится в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 270 межконтинентальных баллистических ракет, оснащенных 540 боеголовками (270 развернутых, 270 в резерве), 8 подводных лодок со 128 крылатыми ракетами и 280 боеголовками на них (140 развернутых, 140 в резерве) и 15 тяжелых бомбардировщиков с 180 крылатыми ракетами (90 развернутых, 90 в резерве).

Ядерное оружие, содержащееся в активном резерве, может быть взято из хранилища и загружено на носители в течение периода от нескольких недель до нескольких месяцев. Причем бóльшую часть (как представляется, до 80–85 процентов) развернутого стратегического ядерного оружия допустимо содержать в пониженной готовности с восстановлением, как и предлагают американские коллеги, в течение 24–72 часов. При повседневной деятельности достаточно иметь две подводные лодки на боевом патрулировании в море в часовой готовности к пуску баллистических ракет, оснащенных суммарно 70 боеголовками. В чрезвычайной ситуации еще две подводные лодки, находящиеся в базах и вооруженные 70 дополнительными боеголовками, могут быть выведены в море в течение нескольких часов. А за 24–72 часа может быть восстановлена готовность 135 межконтинентальных баллистических ракет с 270 боеголовками, а на все 15 тяжелых бомбардировщиков загружено 180 крылатых ракет.

Таким образом, спустя 72 часа количество развернутого и готового к немедленному применению стратегического ядерного оружия России достигнет 590 единиц. Этого вполне достаточно для адекватного реагирования на чрезвычайную ситуацию. При затяжном ядерном кризисе или при резком ухудшении геостратегических отношений, положим, между Россией и США или Китаем, длящийся период в несколько недель или месяцев предоставит возможность привести в готовность всю тысячу единиц стратегического ядерного оружия. Способность стратегических ядерных сил России доставить к целям тысячу ядерных боезарядов создает угрозу нанесения неприемлемого ущерба для любого потенциального агрессора, и тем самым задача ядерного сдерживания гарантированно решается.

Я так детально остановился на оценке третьего варианта потому, что он представляется мне предпочтительным, если исходить из серьезности намерений политического руководства России и США продвигаться к безъядерному миру. Об этом российский и американский президенты заявляли многократно. Но, исходя из реалий, а от них никуда не денешься, все, что я только что предложил, может быть осуществимо лишь при условии адекватных шагов со стороны Соединенных Штатов, причем необязательно симметричных. А главное — при условии урегулирования тех дестабилизирующих проблем, о которых речь шла на первой сессии.

Я все-таки повторю эти условия. Они связаны с развертыванием и наращиванием систем стратегической противоракетной обороны, высокоточных и обычных вооружений большой дальности и необходимостью введения запрета на развертывание в космосе любых ударных систем. Помимо этого понадобится, чтобы третьи ядерные державы, особенно Китай, проявили определенную сдержанность в части, касающейся их ядерных арсеналов.

Как представляется, без нахождения приемлемого решения этих проблемных вопросов напрасно лелеять надежды на дальнейшее продвижение по пути ядерного разоружения. Об этом на первой сессии говорил Сергей Рябков, и с его подходом я полностью согласен. Полагаю, что академик Сергей Рогов в своем выступлении в ходе второй сессии нашей конференции более подробно аргументирует влияние перечисленных мною и других дестабилизирующих факторов на стратегическую стабильность в ее современном понимании, и я на этих вопросах останавливаться не буду.

Я выскажу еще одно соображение. Высокая оперативная готовность к пуску стратегических ядерных ракет России и Соединенных Штатов создает неоправданный риск и порождает недоверие между нашими странами. В то же время, невозможно ныне представить ситуацию, когда Россия или Соединенные Штаты вдруг решились бы нанести упреждающий ракетно-ядерный удар в отношении друг друга. Для этого просто нет разумной мотивации. Поэтому готовность к пуску ядерных ракет должна быть снижена и приведена в соответствие с существующими военно-политическими реалиями в российских и американских отношениях. Об этом генерал Владимир Дворкин говорил. Сегодня готовность к пуску ракет остается, к сожалению, такой же, что и во времена холодной войны, которая закончилась более 20 лет тому назад. Эта парадоксальную ситуацию нужно исправлять, а для этого вполне достаточно, чтобы президенты России и США проявили политическую мудрость и волю.

Больше того, рискну озвучить совсем уж крамольную мысль. Если пойти на такой шаг, как перевод всех ядерных ракет России и Соединенных Штатов в пониженную готовность, то от этого способность России и Соединенных Штатов осуществлять ядерное сдерживание не пострадает, поскольку у других ядерных государств в обозримой перспективе отсутствует какая-либо мотивация к внезапному ядерному нападению на Россию или Соединенные Штаты. Высказанные мною соображения, конечно же, небесспорны, но, как представляется, все же заслуживают того, чтобы их можно было обсуждать.

**ШИХАН ДЖОН,
бывший Верховный главнокомандующий
Объединенными вооруженными силами
НАТО в Атлантике, генерал**

Перед нами стоит задача достичь мира без ядерного оружия. Чтобы через 30 лет такого оружия не было. Брюс Блэр говорил о промежуточных шагах, которые нужны для достижения этой цели. Такой шаг — сокращение

до 900 боеголовок арсенала Соединенных Штатов. Следовательно, необходимо демонтировать и наземные установки. Но это не означает, что США станут разоружаться. Оставшийся потенциал будет давать возможность Соединенным Штатам наносить как ответный удар, так и первоначальный. С этим потенциалом можно охватить очень большое количество целей.

Есть еще одно понятие, которое нужно осознавать: сдерживание — это не стратегия. Сдерживание существует как результат, как возможность, но только в контексте боеготовности. Я отвечал за оперативную боеготовность и рассматривал мир с точки зрения целей. И США, и Россия — набор целей. В 1950–1960 годах были большие армии. Сейчас армии маленькие, мобильные. Промышленные базы, о которых говорил Брюс, когда-то воспринимались как отдельная сфера. Это восприятие диктовали очень важные соображения — и временные, и географические. Сейчас промышленность включена в сферу гражданского общества. Если принимать во внимание технологические возможности США, то и наша промышленная база сейчас неотделима от общества в целом. Поэтому при поражении цели в промышленном комплексе пострадает очень много невинных людей. То есть побочный эффект — гибель гражданского населения в результате выбора в качестве цели предприятия в США. Вот почему в последние годы столько говорится о недопустимости уничтожения мирного населения. Раньше в качестве целей видели военные объекты, мало принимая во внимание побочный эффект. Сегодня речь идет об оружии высокой точности, кибероружии, которое в значительной степени позволяет снять вопрос о побочном эффекте. В докладе, подготовленном Global Zero, говорится о негативных моментах, которые вызывают разногласия.

Сам доклад представляет собой дорожную карту выхода к миру без ядерного оружия. Мы все должны заниматься решением этой проблемы. Глобализация промышленной базы, развитие технологий позволяют многим странам использовать возможности двойного назначения в рамках нашей стратегии. Сегодня конверсия кому-то выгодна, а у кого-то вызывает вопросы. Россия продвигается к созданию более мобильной, технологически вооруженной армии. Мы тоже прошли этот путь. Этот процесс занял у нас 20 лет. Говорю об этом не потому, чтобы не советовать России следовать по такому пути. Нет. Надо по нему идти, но в то же время помнить, что содержание даже 900 боеголовок требует огромного количества ресурсов.

У нас ушло 15 лет, чтобы изменить менталитет наших военных, учесть опыт Вьетнама и перейти на добровольную, хорошо подготовленную, чисто профессиональную армию. Это поколение «Нинтендо», которое использует компьютеры, консоли — это совершенно другая армия. Некоторые говорили о нынешней ситуации с идеалистической точки зрения, но я не идеалист.

Дважды ранен, и знаю, что такое война. Но если у нас не будет никакого конкретного плана, как перейти к миру без ядерного оружия через 30 лет, то через 30 лет появится новое поколение, которое будет задаваться такими же вопросами.

В докладе учтены самые различные точки зрения. Есть и совпадающие моменты. Как я уже говорил, доклад представляет план перехода к миру без ядерного оружия. Когда мы пойдем по этому пути, возрастут стоимостные издержки как продолжение процесса. Говоря о возможности развития, надо помнить, что развитие состоит из экономических, политических и военных аспектов. Не нужно преувеличивать значение военного компонента. Надо больше инвестировать в политические структуры, в человеческий фактор.

С моей точки зрения, в Global Zero подготовили отличный доклад. Основная идея состоит в том, чтобы через 30 лет создать новый мир — без ядерного оружия. В некоторых сегодняшних выступлениях прозвучали достаточно пессимистические оценки современной ситуации и перспектив ее развития. В докладе мало таких оценок, и это важный шаг к взвешенному, беспристрастному пониманию наших задач. Конечно, необходимо помнить о развитии технологии, о том, для чего вообще нужны ракетные установки. Но такое обсуждение пора начинать, чтобы не лишать надежды и наше, и следующее поколение.

**РОГОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
директор Института США и Канады
Российской академии наук, академик РАН**

Хотел бы остановиться на нескольких аспектах доклада, подготовленного коллективом авторов Института США и Канады РАН, о которых не упомянул мой коллега В. Есин.

Коллеги уже говорили, что существует большой разброс мнений. Некоторые участники упоминали о ядерном разоружении так, как будто это задача сегодняшнего дня. Другие участники, особенно российские, с большим скепсисом отнеслись к любым дальнейшим сокращениям ядерного оружия. И, на мой взгляд, существует определенная путаница в отношении термина «стратегическая стабильность», который является ключевым для рассмотрения интересующего нас вопроса. Некоторые участники расширяли это понятие до международной безопасности, включали в него самые разные аспекты, в том числе региональные. Прозвучал и тезис о необходимости включить экономическое развитие. Это все важно, но не относится к стратегической стабильности.

Хочу напомнить, что в годы холодной войны, а именно ровно 40 лет назад, когда СССР и США заключили первое соглашение об ограничении стратегических вооружений, SALT-1 и договор по ПРО, мы договорились об очень узком понимании стратегической стабильности. Оно включало только ядерное вооружение большой дальности — свыше 5 500 километров. И даже другие ядерные вооружения — ракеты средней дальности и тактические средства — не были включены. Мы пытались добиться их включения еще на тех переговорах, но американская сторона убедила, что стратегическими надо считать ракеты, начиная с 5 500 километров дальности. И это представление о стратегической стабильности, которое сводится к количественному и качественному паритету возможностей стратегических ядерных сил, существует 40 лет.

Мы считаем, что надо переходить к более широкому определению стратегической стабильности. Что для начала считать стратегическим оружием? Любые средства, способные поражать стратегические цели и уничтожать их или выводить из строя и тем самым способствовать достижению решающих целей войны? Ведь именно так стали считать, когда появилось ракетно-ядерное оружие. Весь набор средств, который позволяет поражать стратегические цели, надо включать в широкое понимание стратегической стабильности. И второй аспект, о котором сегодня уже не раз говорилось. 40 лет назад СССР и США обладали 99 процентами всех ядерных вооружений. Сегодня мы живем в многополярном мире, и существует многосторонняя конфигурация ядерных вооружений. Первое измерение широкого понимания стратегической стабильности — это военно-техническое, а второе — это определение, связанное с многосторонним характером нынешнего ядерного баланса.

Поэтому можно и нужно говорить о шести компонентах военно-стратегического баланса, которые надо учитывать, помимо стратегических ядерных вооружений. В первую очередь, это обычные высокоточные средства большой дальности. Сегодня неоднократно упоминались силы программы глобального быстрого удара. В России существует огромная озабоченность другими американскими высокоточными вооружениями, пусть не межконтинентальной дальности. В США в 2012 году у американских ВМС имеется 3 755 крылатых ракет морского базирования. Это внушительная цифра, но ежегодно закупается, в том числе и в 2012 году, 361 крылатая ракета. И этих средств морского базирования, как считают в России, слишком много. Они могут поражать часть стратегических объектов на территории России.

Второй компонент — противоракетная оборона. Напомню, что в 1972 году был заключен договор по ПРО. Тогда ограничивали количество средств

разрешенной противоракетной обороны 200 ракетами-перехватчиками. Потом решили оставить 100 ракет-перехватчиков. США десять лет назад вышли из договора по ПРО. И ведут сегодня широким фронтом работу по противоракетной обороне. Но хочу напомнить, что 40 лет назад у Советского Союза, как и у США, было больше 2 000 межконтинентальных баллистических ракет. По последним данным, на 1 сентября 2012 г., данным обмена между Россией и США по выполнению договора СНВ, у нас теперь только 490 ракет и тяжелых бомбардировщиков. Отсюда возникает опасение, что на каком-то уровне количество американских стратегических перехватчиков может серьезно мешать поддержанию устойчивой ситуации, особенно тому, что называют кризисной стабильностью. Соединенные Штаты вышли из договора по ПРО, но, по нашему мнению, даже через десять лет после выхода у американцев как не было стратегической ПРО, так и нет. Сегодня есть 36 перехватчиков, это меньше, чем было разрешено протоколом 1974 года. И кстати, меньше, чем у нас вокруг Москвы. Эти 36 стратегических перехватчиков не являются серьезным фактором. Зато таким фактором является дальнейшее совершенствование «Standard Missile 3» с перспективой на четвертой фазе разработки создать ракету-перехватчик, которая на скорости 5–6 километров в секунду будет перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты. У нас преувеличивают, на мой взгляд, опасность размещения американской ПРО в Румынии и Польше. У американцев 94 крейсера-эсминца, и каждый способен нести до 90 ракет-перехватчиков. Вот что вызывает, я думаю, у нашего Генерального штаба серьезную бессонницу.

Следующий компонент — это нестратегические ядерные вооружения. В докладе Global Zero в основном речь идет о стратегических ядерных вооружениях, поскольку у США сегодня осталось мало тактических ядерных боезарядов. В Европе их когда-то было 7 000, сегодня — меньше 200. И американцы в 2012 году окончательно снимают с вооружения крылатые ракеты морского базирования с ядерной боеголовкой. Все остающиеся у США крылатые ракеты, эти 3 750, только с обычной боеголовкой.

В России ситуация иная. Наверное, в чем-то напоминает ситуацию 1950–1960 годов, когда администрация Эйзенхауэра, чтобы компенсировать советское превосходство в обычных вооруженных силах в Центральной Европе, приняла решение начать массированное развертывание тактического ядерного оружия. И в России, об этом уже было сегодня сказано на официальном уровне, рассматривается тактическое ядерное оружие как компенсация за тот огромный дисбаланс в обычных вооруженных силах, которые существуют в Европе. Американская сторона, сенат, при ратификации договора СНВ, потребовали, чтобы любые новые соглашения включали

тактические ядерные вооружения. И НАТО тоже требует, чтобы Россия вывела их из Европы. Россия отказывается это делать. Мы говорим, что до вывода американских тактических ядерных средств из Европы мы вообще не будем говорить на эту тему.

Четвертый нестратегический компонент — перспектива развертывания космических вооружений. В космосе существует множество военных систем, но нет пока ударных средств, которые могут поражать спутники, ракеты и боеголовки, то есть использоваться в целях ПРО. А также могут поражать наземные цели. Наконец, это кибероружие. Конечно, это не оружие массового поражения, но это оружие массового разрушения. Применение кибероружия сделает ураган «Сэнди», мягко говорят, легким ветерком. И тут возникает проблема. Мы привыкли к тому, что стратегическая стабильность регулируется с помощью юридически обязательных договоров. И сегодня вы слышали: заместитель премьер-министра и заместитель министра иностранных дел вновь говорили о необходимости получения юридических гарантий от США по ограничению американской противоракетной обороны. Америка вышла из договора по ПРО 10 лет назад, и хотя Обама победил, никаких шансов, что американский Конгресс ратифицирует второй договор по ПРО, нет.

Получается порочный круг. 40 лет назад американцы нас убеждали, что надо заключать юридические договоры. А теперь американцы говорят: «Нет, верьте нам, Америка — не враг России». Мне кажется, доклад Global Zero в его ядерной части во многом приемлем, если мы найдем решение остальных проблем. Но реально мы сможем их найти с помощью новых юридических обязательных договоров. На договор по ПРО американцы не пойдут. По тактическому ядерному оружию — мы не пойдём. Американцы не пойдут на договор по высокоточным обычным вооружениям. По оружию в космосе Россия с Китаем предлагают договор, а США отказываются. Что делать с кибервооружением? Лучшие умы пытаются сообразить. И что дальше? Режим контроля над вооружениями распадется, мы не будем с американцами больше заключать соглашений по сокращению ядерного оружия. И в многополярном мире начнется хаос.

Мы предлагаем в нашем докладе задуматься над инструментами поддержания стратегической стабильности. Один из них — договоренности о мерах доверия, прозрачности и открытости. Ведь суть соглашения — получить предсказуемые ситуации на 10 лет, на 20. Мы подписали новый договор СНВ всего на 10 лет. Договор по ПРО был бессрочный, но мы знаем, что с ним произошло. Так можно ли получить предсказуемые ситуации на длительный срок — скажем, 10–15 лет — с помощью мер доверия? В докладе Global Zero предлагается ограничить количество средств для быстрого

глобального удара с помощью обычных носителей двенадцатью или двадцатью единицами. Если это будет официальная американская позиция, я думаю, это поможет. Более серьезная проблема возникает с крылатыми ракетами, тем более что американские корабли, 94 крейсера-эсминец, одновременно могут нести как крылатые ракеты, так и ракеты перехватчики, системы «Standard Missile» различных модификаций.

В России рисуется угрожающий сценарий: американские корабли входят в Балтийское и Баренцево море. Они, с одной стороны, с коротким подлетным временем могут поражать цели на территории России, а с другой стороны, создают, что называется, «firewall» для наших МБР, перехватывая их на разгонной фазе или на начальном участке баллистической траектории. Американский флот, а соответственно, и американское правительство, никогда не откажутся от принципа свободы морей. Американская сторона постоянно отвергает любые предложения об ограничении военно-морской деятельности. Но я хочу напомнить, что еще 40 лет назад мы подписали соглашение о предотвращении инцидентов на море, и оно в основном работает.

Почему бы нам не подписать новое соглашение о мерах доверия и прозрачности в военно-морской деятельности? Помните, появилось сообщение: обнаружена российская подводная лодка. И мы, сами знаете, как реагируем, когда американский крейсер входит в Черное море. Надо договориться о зонах, предположим, в 500 миль вдоль атлантического и тихоокеанского побережья США. И в 500 миль до побережья России. В Баренцево, Балтийское, Черное море, Охотское, Японское американским кораблям заходить можно. Но надо заранее проинформировать, что вы направляетесь туда свой корабль, с тем чтобы не возникала опасность тайного формирования группировки, которая может нанести удар по территории другой страны. Опять же, вспомним 1983 год, когда Андропов направил российские подводные лодки к атлантическому побережью США. Какую это вызвало реакцию! Америка начала размещать «Першинги», а Россия — крылатые ракеты наземного базирования. Меры доверия не снимут полностью проблему, но создадут определенную предсказуемость. Более того, мы будем понимать, что если Второй флот или какой-то еще начинает разворачиваться в Баренцевом или Японском море, это однозначное свидетельство, что Америка готовится к удару.

Хочу подчеркнуть основной вывод. Действительно, возникает многополярный мир, появляется много игроков, у которых много вооружения: ядерного, неядерного, верифицируемого, неверифицируемого. И только часть из них можно ограничить или вообще уничтожить с помощью юридически обязательных договоров. Остальные нельзя. Но давайте задумаемся, как решать проблему. Иначе, если мы будем говорить «или-или», ситуация

дестабилизируется. Причем и в широком понимании термина «стратегическая стабильность», и в узком.

ПОЛЕМИКА

Д. Блиц: Мне хотелось бы кое-что прояснить, если позволите. Вы говорите, что много препятствий лежит на пути к соглашению по контролю над вооружениями, существует четвертая адаптивная система ПРО, космическое оружие и так далее. Но лучше всего не пытаться, с вашей точки зрения, сократить общее количество ядерного вооружения, а решать вопросы по укреплению доверия. Это ваш основной посыл?

С.М. Рогов: Мы должны признать, что больше не можем позволить себе поддерживать стратегическую стабильность, занимаясь исключительно стратегическим вооружением дальнего действия и системами доставки. Нам необходимо заниматься решением других проблем, других компонентов стратегической стабильности. Я упомянул 6 таких компонентов, можно говорить о другом числе. Но необходимо признать, что есть другие проблемы, что нам важно начинать поиск их решений, понимая, что нельзя решить их одновременно. У меня, например, нет никакого решения проблем киберпреступления или кибероружия. Не знаю, есть ли вообще такие решения. Нам необходимо начать их поиск. Что касается ПРО и традиционного вооружения дальнего действия, хотелось бы видеть практическое воплощение, если позволите сказать в кавычках, той «гибкости», которую пообещал господин Обама 6 месяцев назад. Если Соединенные Штаты Америки заявят, что не собираются вводить четвертую стадию в Европе, если Иран не создаст баллистические ракеты, если не будет МБР, не будет размещения и разворачивания SM-3, четвертого блока, тогда Россия готова обсуждать дальнейшие ядерные сокращения. Если Соединенные Штаты Америки продолжат заявлять: «Мы вам не угрожаем, наша система ПРО направлена против несуществующих межконтинентальных баллистических ракет в Корею или Иран...» В этом случае можно быть уверенным на 100 процентов, что все предложения Global Zero, все наши предложения по более глубоким сокращениям останутся всего лишь забавными идеями, которые не будут реализованы на практике. Повторюсь, мы не можем решить все проблемы одновременно, но некоторые из этих проблем должны быть решены достаточно быстро, если мы хотим достичь соглашения о более глубоких сокращениях в ближайшие несколько лет. Мы должны пригласить других с тем, чтобы вместе обдумать, как подходить к решению такого рода проблем. Иначе мы окажемся в тупике.

**ПАЙФЕР СТИВЕН,
директор инициативы по контролю
над вооружениями Института Брукингс,
Чрезвычайный и Полномочный Посол США**

Пере выборы господина Обамы создают нам новые возможности в области контроля над вооружениями. Полагаю, что Вашингтону и Москве важно быстрее вернуться к сотрудничеству в сфере ПРО и сокращения вооружений. Прежде всего, на мой взгляд, необходимо добавить к существующим форматам еще одни двусторонние переговоры по сокращению вооружений. Даже после введения СНВ в полном объеме у Соединенных Штатов Америки и у России останется намного больше единиц ядерного оружия, чем необходимо. Их уровень будет примерно в 20 раз превышать количество боезарядов других стран. То есть Вашингтон и Москва должны говорить о расширении процесса ядерного разоружения, поскольку мы не можем оставаться в рамках двусторонних отношений России и США. Кроме того, я предложил бы в следующий раунд переговоров между США и Россией включить обсуждение всех ядерных вооружений.

Новый договор по СНВ, который является хорошим продолжением предыдущих договоренностей, касается лишь 30 процентов американского арсенала. Пора Вашингтону и Москве обсуждение всех проблем, связанных с развернутыми и неразвернутыми стратегическими вооружениями и тактическим вооружением включать в переговоры. Интересное предложение поступило от Global Zero: ограничиться девятью сотнями боезарядов. Но подозреваю, что возобладает более консервативный подход со стороны военных и США, и России. Поэтому на пути к достижению такого низкого предела, может быть, стоит начать с 2000 единиц ядерного оружия, а затем уже выделять тысячу развернутых единиц? Это позволит американцам сократить количество неразвернутых боеголовок и позволит сократить России преимущество в области неразвернутых тактических вооружений. То есть речь идет о 30 процентах со стороны США и, может быть, о чуть большем показателе со стороны России. Но Россия и США по-прежнему будут обладать ядерными силами, которые в значительной степени превысят боезапасы других государств.

Надо отдать должное господину Антонову и его коллегам за то, что они смогли завершить переговоры по новому СНВ всего лишь за год. Я думаю, что следующий раунд переговоров потребует 2–3 лет. Значит, нам надо рассматривать практические шаги, пока переговоры только ведутся. Допустим, ускорить введение в силу ограничений, установленных в СНВ. Я также предложил бы развивать прозрачность в отношении и стратегических, и

неразвернутых стратегических вооружений. Кроме того, создать меры по развитию доверия, которые можно использовать во время продолжающихся переговоров.

Теперь что касается системы ПРО. Было бы полезно в интересах США, НАТО и России рассмотреть вопрос сотрудничества в области европейской обороны. Это позволит нам снять политическое напряжение, которое возникает в России в связи с ПРО. Россия выражает законные опасения, что система ПРО будет наращиваться и количественно, и качественно. На определенном этапе это может подорвать баланс в стратегических наступательных вооружениях между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией.

С трудом верится, что в ближайшие 10 лет нам удастся добиться поворота в отношении ПРО. Вот оптимистические прогнозы в отношении количества наземных перехватчиков и стандартных ракет — 20–22. Это составит менее 100 боезарядов, что не представляет никакой серьезной угрозы стратегическим вооружениям России. Тем более что это не произойдет в ближайшем будущем. Я полагаю, очень важно, чтобы Россия не настаивала на правовых гарантиях. Потому что такие гарантии не будут ратифицированы в нашем Сенате. К сожалению, у определенной части сенаторов система ПРО стала, так сказать, теологическим культом, символом веры. Независимо от той гибкости, которую пообещал господин Обама господину Медведеву, о заключении нового договора можно не говорить, поскольку у него будут нулевые шансы для ратификации в американском Сенате. Уверен, что и российская сторона это сознает: у России квалифицированные дипломаты в Вашингтоне. Если преодолеем проблему правовых гарантий, то в этом случае удастся выйти на возможность согласовать позиции.

Необходимо проводить совместные операции в области планирования. Военные из НАТО и россияне уже провели обсуждение того, как это сделать. Вероятно, многие вопросы можно снять, если обеспечить прозрачность американской системы ПРО, убрать какие-то ограничения. Я рекомендовал бы американцам предоставлять России ежегодную декларацию, в которой были бы прописаны все ключевые элементы системы ПРО, стандарты SM-3, корабли-перехватчики. Тогда в России смогут хорошо представить, какими силами обладает США, какое именно максимальное количество вооружений мы планируем на ближайшие 10 лет. Наряду с этим американцы могут предупредить российскую сторону, что та заранее получит уведомления о внесении изменений в количество, допустим, пусковых установок или перехватчиков. Для того, чтобы ввести новые элементы, требуется два года. Еще 7–10 лет требуется для того, чтобы ввести в строй боевые корабли.

Что США может сделать в этой ситуации без введения ограничений, которые не примет Сенат? Просто предоставлять Российской Федерации четкую ежегодную картину в отношении элементов ПРО. Это позволит российским военным оценивать, в какой степени существующие и планируемые элементы ПРО представляют угрозу стратегическим силам Российской Федерации. Полагаю, было бы полезно, если бы Российская Федерация пошла на встречные шаги и предоставляла аналогичные декларации в отношении элементов своей ПРО.

Теперь об изменениях, которые Соединенные Штаты Америки и НАТО могли бы внести в нынешнюю позицию по системе ПРО. НАТО пока заявляет, что никакие предложения по системе ПРО не повлияют на оборонительные планы организации. Я бы несколько изменил подход. Необходимо рассматривать предложения России по системе ПРО при условии, что они не будут снижать способность НАТО защищать страны-члены организации. Я полагаю, это абсолютно иная позиция, и она может заинтересовать Российскую Федерацию. В общих интересах принять также решение правительству США о введении в рамки европейской безопасности адаптированного подхода. В чем его смысл? Если через несколько лет станет понятно, что Иран не приближается к созданию МБР, то не останется повода размещать стандартные SM-3 ракеты на четвертой стадии. Именно это, насколько понимаю, вызывает наибольшие опасения Российской Федерации, поскольку ракеты SM-3 обладают определенными возможностями против российских МБР.

Если такие предложения будут учтены, это позволит нам принять решение по ПРО. Мы выйдем на ситуацию, когда система ПРО станет объектом сотрудничества. Надо подумать о заключении нового договора между Россией и США, и я выступаю за такое новое соглашение. Потому что, как только мы выйдем на многосторонний уровень, такого договора будет очень трудно добиться. И все же, если Россия и США будут проводить переговоры по соглашению, которое придет на смену новому СНВ, надо проводить переговоры с другими государствами в отношении использования различных механизмов. Допустим, Совета Безопасности ООН. И когда пойдет речь о пересмотре ДНЯО, необходимо вовлечь третьи страны, чтобы они привыкли к мысли: ядерное сокращение не может оставаться прерогативой только США и Российской Федерации.

Я действительно думаю, что результаты американских выборов создают новые возможности для продвижения контроля над вооружениями. Надеюсь, мы сможем воспользоваться такого рода возможностями.

АНТОНОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ,
заместитель министра обороны
Российской Федерации

Сегодняшний разговор, по-моему, как никогда актуален. Хочется верить, что сегодня мы не только обсудим темы, которые были поставлены организаторами этого мероприятия, но и попытаемся нащупать возможные пути для поиска развязок по столь сложным проблемам. Прошли президентские выборы в США, Б. Обама победил. Это заставляет нас задуматься о перспективах российско-американского диалога в области международной безопасности. Что будет дальше? Я думаю, что этот вопрос сегодня задают все, кто занимается данными проблемами. Как пишут газеты, будет продолжен прежний курс американской администрации. Это хорошо или плохо? Достаточно ли сегодня прежнего курса для нахождения прорывных решений в российско-американском диалоге по стратегической стабильности? А ведь у нас накопилось много проблем.

Владимир Путин поздравил Барака Обаму в связи с переизбранием на высший государственный пост. Российский Президент, в частности, отметил весомые результаты, достигнутые между нашими странами в предшествующие годы. Я сегодня специально еще раз посмотрел, какую телеграмму направил Владимир Владимирович, и хотел бы выделить его следующие слова: «Для более полного раскрытия потенциала взаимовыгодного сотрудничества нам предстоит еще решить целый ряд задач. Рассчитываю на конструктивную совместную работу. И наконец, взаимодействие России и США имеет ключевое значение для обеспечения стабильного и безопасного развития в мире». Считаю, что в этих словах российского Президента подтверждена наша готовность к конструктивной работе по поиску взаимоприемлемых решений на благо обеспечения мира и укрепления международной безопасности. Действительно, Россия и Соединенные Штаты несут особую ответственность в деле укрепления международного мира не только как постоянные члены Совета Безопасности ООН, но и как ядерные державы, обладающие наибольшими запасами ядерного оружия. Не случайно, что основные результаты в области ядерного разоружения были достигнуты в последние годы на российско-американском треке. Разумеется, главный результат — это новый Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений от 2010 года. До сих пор на страницах газет, в политологических кругах, на научных конференциях не прекращается спор: что удалось, и что не получилось в рамках нового договора?

Скажу откровенно: и нам, участникам этого переговорного процесса, также хотелось бы добиться большего. Но такова реальность, таковы

лимиты. Как мне кажется, мы выжали максимум из этой ситуации. Что дальше? Хотел бы напомнить, что с апреля 2011 года, то есть практически сразу после обмена в феврале того же года ратификационными грамотами на полях Мюнхенской конференции между министрами иностранных дел России и США, началось практическое выполнение нашего договора. За истекший период обе стороны провели более 60 инспекций различного уровня. Началась работа в двусторонней консультативной комиссии, и уже есть первые результаты, скажем, по количеству данных и порядку обмена телеметрической информацией.

Хотел бы подчеркнуть, что мы удовлетворены совместной работой с Соединенными Штатами Америки. Ход выполнения договора на практике подтверждает важный принцип, который лежал в основе российской позиции на переговорах об СНВ. А именно: в современных условиях доверие в сфере контроля над вооружением может быть достигнуто при существенно сниженном уровне контрольных обязательств по сравнению с периодом холодной войны. Это один из важных выводов из подготовки и начала реализации нового ДСНВ. Перед США и Россией стоит ясная задача: в согласованный срок выйти на установленный уровень носителей и боезарядов.

Второй вывод: подтверждена правильность российских усилий по отражению в договоре взаимосвязи СНВ и ПРО. Актуальность проблемы развертывания ПРО выросла в связи с глобальными масштабами создаваемой системы. На конференции по ПРО, которую организовало Министерство обороны России в мае этого года, было показано, с чем связаны российские озабоченности. Кстати говоря, до сегодняшнего дня мои коллеги из НАТО и из Соединенных Штатов Америки не представили никаких дополнительных аргументов, которые опровергали бы все то, что говорил начальник генерального штаба и другие мои коллеги из Министерства обороны о вредности глобальной системы по противоракетной обороне. В Министерстве обороны закончили работу над документом, который обобщает или, точнее, суммирует все выступления высших российских военачальников по данной проблеме.

Во время переговоров по ДСНВ наши переговорные команды постоянно сталкивались с проблемами, которые, хотя и не являлись предметом переговоров, однако непосредственно влияли и влияют на стратегическую стабильность. Главное, что от их решений зависят перспективы дальнейших сокращений ядерных вооружений. Одну из этих проблем я уже обозначил — взаимосвязь СНВ и ПРО. Среди других ключевых хотел бы выделить СНВ в неядерном оснащении, крылатые ракеты морского базирования, опасность реализации американских планов по размещению оружия любого вида в космическом пространстве, соотношение сил общего назначения.

Разумеется, есть и другие проблемы. Это многочисленные военные базы с развивающейся военной инфраструктурой вблизи территории России, ситуация с ракетами средней и меньшей дальности в мире, и так далее.

Безусловно, само сокращение СНВ — это не самоцель, сокращение ради сокращения. Такие сокращения задумывались на заре эры переговоров по ядерному разоружению и преследовали вполне определенную цель — обеспечить поддержание безопасности сторон на более низких уровнях группировок ядерных вооружений. Вполне очевидно, что безопасность России в настоящее время определяется не только соотношением стратегических ядерных вооружений России и США. Отдельно выделю проблему количественных показателей ядерного оружия Россия и США. Эти уровни по носителям становятся все более критичными. Вряд ли кто-то будет спорить, что в конечном счете именно от количества средств доставки, их технических характеристик, живучести и ряда других факторов зависит реальный потенциал сдерживания.

Все более актуальным становится участие всех без исключения ядерных держав в процессе ограничения и сокращения их ядерных вооружений. Важно, что понимание этого становится частью широкой общественно-политической дискуссии. Сегодня не получается игнорировать мнение общественности, неправительственных организаций, академических кругов. Считаю, что целесообразно использовать интеллектуальный потенциал этих структур для правильного выбора вектора движения по сокращению и ограничению ядерных вооружений.

Несколько слов по ПРО. Ситуация здесь пока патовая. Мы не прекращаем диалог ни с американцами, ни со странами НАТО. Однако ситуация в этой области не может нас не беспокоить. Диалог идет, а одновременно целенаправленно, последовательно реализуются американские планы по выстраиванию глобальной системы ПРО, чей потенциал создает угрозу для российских сил ядерного сдерживания. Процесс идет при игнорировании, добавлю, при полном игнорировании российских озабоченностей. Кроме призывов к сотрудничеству без определения условий и рамок такого взаимодействия нам практически ничего не предлагают. Хочется верить, что американский Президент сдержит свое слово и проявит разумную гибкость и конструктивизм при дальнейшем выстраивании своей политики в области ПРО. Российские озабоченности должны быть учтены. В противном случае вряд ли можно рассчитывать на сотрудничество. Нам нужны надежные гарантии в отношении неиспользования американской системы ПРО против российских СНВ.

Еще несколько слов по поводу того, целесообразно ли настаивать на том, чтобы получить от американских коллег юридически обязывающие гарантии.

Честно говоря, меня несколько удивляет такого рода постановка вопроса, которую я услышал сегодня в этой аудитории. Попробуйте просто ответить на вопрос: почему по запрещению производства оружейных расщепляющихся материалов американская сторона настаивает на выработке юридически обязывающего договора на конференции по разоружению или в другом месте? Почему по проблемам контроля над обычными вооруженными силами Европы натовцы настаивают на юридически обязывающих договоренностях? Почему проблемы негуманного оружия пытаются решить исключительно в рамках международно-договорных соглашений? И почему же, когда российская сторона ставит вопрос получения надежных гарантий в виде юридически обязывающего документа, тут же это предложение считается несерьезным, отсекается, потому что Сенат не готов поддержать такого рода соглашение?

Давайте зададим вопрос от обратного: если Сенат не готов поддержать это предложение, значит, большая часть американского общества исходит из того, что система ПРО может и должна быть использована против сил ядерного сдерживания России? Тогда понятна озабоченность российского политического руководства, российских военных и дипломатов в отношении будущего ядерного сдерживания, будущего нашего ядерного потенциала. Не получается взаимовыгодное сотрудничество по ПРО театра военных действий в Совете Россия-НАТО. Успешно проведя только недавно компьютерное учение в Германии, мы до сих пор не можем согласовать его итоги. Американцы не хотят соглашаться с очевидным: использование потенциалов России и стран НАТО позволяет легче, эффективнее, оперативнее перехватывать ракеты средней и меньшей дальности. Учения это показали. Технические эксперты это подтвердили. Однако американские политики соглашаться с таким выводом не хотят.

В этом контексте стоит вопрос, какой диалог по ПРО нам нужен в рамках НАТО на будущее? Нужно ли продолжать имитировать сотрудничество? Или настало время остановиться и задуматься, что сегодня необходимо России и странам НАТО в рамках такого взаимодействия для укрепления или реализации на практике принципа неделимой безопасности. Это принцип, под которым подписались все европейские страны, и принцип неделимой безопасности записан в преамбуле договора между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией о сокращении стратегических наступательных вооружений. Нам предлагают продлить программу сотрудничества по ПРО ТВД в НАТО на основе «business as usual». Все нормально, не обращайте внимания, что мы не можем договориться по принципиальным вопросам. Не обращайте внимания, как прошли командно-штабные учения по ПРО ТВД. Давайте покажем всему миру, что никаких противоречий между Россией и странами НАТО в этой области нет.

Честно говоря, просто соглашаться с таким подходом у меня не получается. Хотел бы вновь подчеркнуть и открыто об этом сказать: да, мы нацелены на сотрудничество. Я недавно попросил коллег дать все предложения по сотрудничеству, которые положило на стол российское Министерство обороны, и сравнить с тем, что предлагают нам натовские друзья. Могу сказать и готов это доказать потом, если потребуется, что российские предложения в этой области идут намного дальше того, о чем говорят сегодня американцы. И я хотел бы сегодня подтвердить, что мы заинтересованы во взаимодействии, мы заинтересованы в сотрудничестве, мы заинтересованы идти далеко настолько, насколько возможно, насколько готовы наши американские друзья. Я считаю, что переговоры по сокращению и ограничению ядерных вооружений возможны. Они будут востребованы после реализации задач, заложенных в новом договоре по СНВ, после нахождения взаимоприемлемых решений по обозначенным мною проблемам. Разумеется, такой разговор должен быть многосторонним с подключением всех ядерных стран. Мы к такой многосторонней работе готовы.

ПОЛЕМИКА

Д. Блиц: Благодарю вас. Позвольте сразу обратиться к вам, господин Пайфер, с тем, чтобы вы отреагировали на эти сообщения. Здесь прозвучал очень интересный вопрос. Почему США настаивают на юридически обязательных соглашениях в определенных областях, если США не готовы идти по данному пути в других областях?

С. Пайфер: Я вполне понимаю, о чем говорил заместитель министра. Рассмотренные им аспекты нужно обсуждать, и американскому Президенту, если он хочет снижения ядерных вооружений, надо делать определенный выбор. Необходимость сокращения ядерных вооружений влечет необходимость обязательств, носящих юридический характер. Но мы сейчас даже близко не стоим к таким решениям. Соединенные Штаты Америки сейчас развернули около 30 наземных средств перехвата, которые обладают возможностями в отношении МБР. По самому оптимистичному плану лишь к 2020 году будет готов второй блок стандартных ракет. Многие прогнозы добавляют к этому сроку еще два года. Если суммировать, то в результате останется не более 80 перехватчиков с ограниченными возможностями в отношении МБР. Не думаю, что это является существенной угрозой стратегическим силам Российской Федерации к 2022 году.

К сожалению, трудно будет заключить договор на 10 лет, который зафиксировал бы на практике все то, о чем говорил господин Антонов в отношении ПРО, и который позволил бы считать, что американская система ПРО не является угрозой для России. В принципе, разработать такой договор вполне реально. Но как только он поступит в Сенат, то просто не будет принят, поскольку для ратификации договора не наберется необходимых 67 голосов. Для определенной части Сената, всего Конгресса, система ПРО — это большой раздражитель, наряду с отказом от повышения налогов. Договор, который носит юридически обязательный характер, вполне возможно, когда-нибудь будет принят. Но если сегодня настаивать на принятии такого договора, это заведет всю ситуацию в тупик, не даст возможности продолжать путь к дальнейшему сокращению ядерных вооружений и сотрудничеству по ПРО. Вообще к созданию базы для нашего сотрудничества. Это будет означать, что Россия и США, останутся на тех уровнях, которые прописаны в принятых документах — по 500 боеголовок, если не ошибаюсь. Или чуть больше — в России. А как Вашингтон и Москва должны общаться в такой ситуации с Великобританией, Францией и Китаем, призывать их ограничивать вооружения? Если бы я представлял одну из этих стран, то сказал бы: ваше вооружение превышает наше в 20 раз. Так в чем суть таких призывов? Поэтому дискуссия о юридических обязательствах тупиковая и вредит не только двустороннему, но и многостороннему процессу.

Д. Блиц: Господин заместитель министра, вы знаете, что с политической точки зрения непрактично добиваться проведения договора через Сенат. Такова реальность. Разве нельзя ее принять? Кроме того, посол в своем докладе сделал несколько предложений по возможным уступкам, на которые могут пойти США. Начиная от ускорения применения договора к 2018 году, большей прозрачности и так далее. Конечно, вы не говорили от имени своего правительства, но если бы США пошли на такого рода уступки, предприняли бы такие шаги, какова была бы реакция России? Мне хотелось бы услышать Вашу точку зрения.

А.И. Антонов: Хотел бы сказать, что блестящим шагом Соединенных Штатов Америки в области ядерного разоружения — и я не называю это уступкой — была бы ратификация СТВТ. Я видел российского Посла, самого главного нашего переговорщика в области ядерных вооружений и нераспространения, Григория Берденникова, знаю, что он является одним из создателей этого договора, равно как и других договоренностей. Кстати говоря, очень хорошим показателем практического движения к ядерному нулю был

бы не разговор о том, что сегодня надо иметь 1500 боезарядов или 1300, или 1000. Все международное сообщество давно уже говорит: надо вводить в действие СТВТ. Давайте сделаем это вместе!

Теперь по поводу некоторых тезисов. Нам говорят: «В течение 10 лет американская система ПРО станет такой, что не сможет угрожать силам ядерного сдерживания России». Допустим. Но давайте пойдём от обратного, давайте заключим договор о том, что ваша система не будет использована против сил ядерного сдерживания России. Это же ничего не стоит Соединённым Штатам! Это не уступка. Практически Соединённые Штаты Америки ничего не дают России, а лишь подтверждают, что система не может быть использована, потому что ее не будет. В чем проблема? Но если все время говорят, что это невозможно, я задаю вопрос: «А почему?» Да потому что большая часть конгрессменов в Соединённых Штатах Америки считает, что система может и должна быть использована против России.

В подтверждение этому я приведу два примера: свой личный разговор с господином Кайлом, который приезжал к нам на переговоры по СНВ, и буквально полугодовой разговор с Элен Таушер, членом Конгресса. Я задал конкретный вопрос: «Элен, а что станет с американской системой ПРО, если завтра не будет Ирана и КНДР?» Она сказала: «Система ПРО останется». А сколько было заявлений в американской прессе, в политических кругах о том, что не было бы ядерного потенциала России — не было бы американской системы ПРО. Теперь скажите мне: я, как работник Министерства обороны, должен игнорировать эти заявления? Или я должен сказать: «Я вам верю, вы никогда систему не используете, все хорошо, давайте разоружаться»? Но так не получается. Мы сколько раз говорили, и американцы всегда поддерживали меня в этом: мы учитываем не только слова, потенциал, возможности, мы все суммируем и определяем, куда кто движется.

Вопрос: почему мы должны сегодня для переговоров выбирать только темы, которые интересны для Соединённых Штатов Америки? Я и сегодня их здесь слышал, слышал и в неправительственных кругах. Не надо бояться разговора по тактическому ядерному оружию, не надо бояться разговора по неразвернутым ядерным боезарядам. Я задам еще один вопрос, хотя понимаю, что никто не ответит. Как любые на сегодняшний день договоренности по ТЯО укрепят военную безопасность Российской Федерации? Российское ТЯО не создает угрозы военной безопасности Соединённых Штатов Америки. А то ТЯО, которое находится в Европе, создает угрозу военной безопасности Российской Федерации. Я готов согласиться как эксперт на начало любых переговоров и диалога при одном условии: нужно твердое решение разоружаться.

С.М. Рогов: Хочу напомнить, что первые советско-американские соглашения по сокращению вооружения были достигнуты только после того, как Советский Союз де-факто достиг паритета с Соединенными Штатами Америки. А до этого периода Соединенные Штаты не хотели проводить переговоры с Советским Союзом. И когда я смотрю на нынешнюю повестку дня, понимаю: в тех областях, где Россия идет впереди США, американцы хотят юридически обязательных соглашений. А там, где США вырвались вперед — допустим, по системе ПРО — нет никакого энтузиазма со стороны американцев к достижению юридически обязательных соглашений. Это серьезная проблема для нас, поскольку означает, что Российская Федерация должна опять начать гонку вооружений, чтобы догнать США. И что, тогда Конгресс будет готов ратифицировать любые соглашения по контролю над вооружением? Или нам нужны другие средства?

В.И. Есин: Я в данной ситуации больше пессимист, чем оптимист. Полагаю, что даже переизбрание Барака Обамы на новый срок не приведет к серьезному улучшению российско-американского диалога по стратегической стабильности и всему, что связано с сокращением или ограничением вооружения. Я поддерживаю мнение, которое высказал Сергей Рогов о том, что американцы настроены вести переговоры только по тем вопросам, где они видят российское преимущество. Стратегический договор уже заключен, и новый, я думаю, раньше 2021 года не появится. Поэтому моя позиция пессимистична.

Д. Шихан: Постараюсь вернуть нас к тому докладу, который мы подготовили, и к целям нашей сегодняшней дискуссии. Существует общий консенсус среди участников нашего обсуждения, что США и Россия не представляют друг для друга угрозы. Существует также общее понимание, что возможность возникновения ситуации, когда будет использоваться ядерное оружие, появится не из-за того, что предпримет та или иная сторона, а из-за действий террористической организации или третьей стороны. Вопрос тогда заключается в том: что делать, если возникает ситуация, которая превышает по своим масштабам террористические акты 11 сентября? Какой в таком случае нужен военный совет президенту? А ему обязательно зададут вопрос: «Какие у нас есть варианты для того, чтобы отреагировать на данную ситуацию?» Ни один президент, я вас уверяю, не захочет, чтобы я ему сказал: «У вас есть только один вариант действия — использовать ядерное оружие».

Ядерное оружие не имеет никакой целесообразности с военной точки зрения. Это политическое оружие. Но именно военные должны представлять

вариант решения своим правительствам, как реагировать на серьезный кризис. Я озабочен тем, что сегодня услышал. Эта озабоченность заключается в том, что на риторическом уровне существует излишняя надежда на ядерное вооружение как средство сдерживания. Это результат, а не стратегия. Политический потенциал — вот что дает возможность бороться с существующими вызовами, а не ядерное оружие.

С. Пайфер: Мне хотелось бы упомянуть три момента. Мне кажется, нужно говорить о комбинации договоров и других механизмов, политически обязательных мер, может быть, совместных мер, которые могут приниматься США и Россией в ближайшие годы. Когда мы упоминаем о российских и американских арсеналах, я говорю: «Зачем нужны 5 тысяч боеголовок США? Для чего России нужно такое количество оружия?». Это трудно понять, и одна из задач НПО заключается в том, чтобы задавать вопросы и россиянам, и представителям власти в США. Я могу задавать вопросы, поскольку не являюсь представителем официальных властей: для чего столько оружия, какой смысл хранить его в таком количестве? Несмотря на усилия некоторых российских докладчиков, что называется, нагнать здесь тучи, я по-прежнему смотрю с оптимизмом на проблему контроля над вооружениями. Я полагаю, у нас есть возможности для достижения хороших результатов на этом направлении, поскольку это отвечает интересам как России, так и США. Надеюсь, что оба наших президента помогут своим авторитетом лидеров найти точки соприкосновения.

Б. Блэр: Я обеспокоен тем, что, с моей точки зрения, является нелогичным в позиции российской стороны по вопросу о ПРО. Эта нелогичность заключается в том, что в отсутствие какого-то рода понимания в отношении ограничений на систему ПРО нет никакой возможности достижения прогресса в переговорах по сокращению наступательных ядерных вооружений. На самом деле, теоретически существующая угроза, которую представляет собой система ПРО, может существовать только наряду с наступательной угрозой США. То есть удар на удар, угроза удара на удар, о котором я говорил в рамках своего доклада. Если объединить систему ПРО с наступательными вооружениями, появляется больше возможностей достичь успеха, отвечая ударом на удар. Вот что надо рассматривать вместе, а не по отдельности — ограничения наступательных вооружений и ограничения развития ПРО. Эти темы сопряжены друг с другом, нет смысла заниматься одним направлением на основе другого.

Вот одно из направлений нашего доклада: мы рассматривали, как ограничить наступательные вооружения путем значительных сокращений — речь

идет о 80 процентах. Мы предлагали и механизмы таких сокращений. Например, поместить большое количество вооружений в резерв, который будет недоступен для создания наступательной угрозы, что позволило бы России чувствовать себя менее уязвимой перед нашими системами. Кроме того, надо перевести оставшееся вооружение в режим пониженной готовности с тем, чтобы предоставить российской стороне достаточное время для принятия мер по защите собственных стратегических сил во время кризиса. Я не понимаю логики российской позиции, поскольку я считаю, что она принципиально ошибочна. Необходимо активизировать переговорный процесс по ограничению наступательных вооружений с тем, чтобы эффективно снизить теоретическую возможность ущерба от системы ПРО.

МНОГОСТОРОННЕЕ ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ: ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ

**ЛЕОНТЬЕВ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ,
заместитель директора Департамента
по вопросам безопасности и разоружения
МИД России**

Обсуждение возможных путей придания ядерному разоружению многостороннего характера является одной из приоритетных тем в российской внешнеполитической повестке дня. Новый ДСНВ неслучайно обозначает в своей преамбуле перспективную цель расширения поэтапного процесса сокращения и ограничения ядерных вооружений в будущем, включая придание ему многостороннего характера. Мы действительно вплотную подошли к порогу, когда оставлять за скобками ядерные потенциалы третьих стран более не представляется возможным. Возникает вопрос и о подключении к дальнейшим согласованным сокращениям стран, обладающих ядерным оружием, но не являющихся членами ДНЯО: Индии, Пакистана и Израиля. Мы не забываем и о ядерной проблеме Корейского полуострова. Президент Владимир Владимирович Путин заострил тему придания процессу ядерного разоружения многостороннего характера на встрече с экспертами по национальной безопасности в Сарове в феврале 2012 года. Хотелось бы напомнить его слова: «Что касается дальнейших шагов в сфере ядерного вооружения, дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер. И в ходе этого процесса должны принимать участие все ядерные державы. Мы не можем бесконечно разоружаться на фоне того, что какие-то другие ядерные державы вооружаются — это исключено».

Действительно, на фоне проводимых Россией и США сокращений совокупный и неконтролируемый потенциал третьих стран становится сопоставимым с арсеналами каждой из двух крупнейших ядерных держав. При этом

подлинными размерами этого неконтролируемого потенциала неизвестны и поддаются только ориентировочным оценкам, при этом зачастую с весьма значительным разбросом во мнениях у отдельных экспертов. Даже официально объявленные цифры остаются туманными: менее 300 ядерных боеголовок у Франции, не более 225 у Великобритании. Проверить же эти цифры никак невозможно. Что касается средств доставки, то тут вообще царит стратегическая неопределенность или «une fluidité stratégique» в духе Клаузевица и Жомини. Но дело не только в количественных параметрах арсенала третьих стран, и даже не столько в этом. Все эти страны в той или иной форме применяют концепцию ядерного сдерживания. А ее основа, как известно, — это угроза нанесения вероятному противнику неприемлемого ущерба.

В подобных условиях конкретные цифры становятся вторичными, потому что они показывают лишь то, какой ядерный потенциал та или иная страна считает достаточным для гарантированного решения своих стратегических задач. Не будем забывать и о том, что три из пяти официальных ядерных держав являются союзниками в рамках одного военного блока и тесно взаимодействуют друг с другом в стратегических вопросах. Стратегия национальной безопасности России прогнозирует риск увеличения числа государств, обладающих ядерным оружием. И наша военная доктрина относит этот момент к числу основных внешних военных опасностей, отмечая, что наличие у государств ядерного оружия создает угрозу перерастания любого военного конфликта в ядерный. В этой связи в стратегии ставится задача содействовать вовлечению в процесс обеспечения стратегической стабильности всех государств, обладающих ядерным оружием, и выражается готовность российской стороны к дальнейшему обсуждению вопросов сокращения ядерных потенциалов как на основе двухсторонних договоренностей, так и в многосторонних форматах.

Придание процессу ядерного разоружения многостороннего характера потребует, на наш взгляд, формирование надлежащих правовых рамок, напоминающих сложную и разветвленную систему норм, определений, процедур и взаимных обязательств, выработанных на двусторонней основе Россией и США. При этом речь не идет о механическом копировании наших двусторонних договоренностей с американцами или о расширении сферы их применения. Контрольные и уведомительные механизмы нового ДСНВ выработывались применительно к существующим реалиям и адаптировались к конкретным системам вооружения. Применять их напрямую к ядерным арсеналам других государств вряд ли возможно. Но общие принципы и подходы, зафиксированные в договоре, носят универсальный характер. И именно поэтому они рассматриваются в качестве золотого стандарта в сфере сокращения и ограничения вооружения.

Мы, конечно же, приветствуем односторонние шаги отдельных государств по сокращению их ядерных потенциалов. Но не можем не учитывать тот факт, что подобные меры не являются международно-правовыми обязательствами, не предполагают проверки и в любой момент могут быть пересмотрены. Поясню эту мысль. Представим себе, что нового ДСНВ не существует, но что где-то в апреле-мае 2009 года президент России объявил о том, что к концу 2017 года наш стратегический арсенал будет состоять из 700 межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок и тяжелых бомбардировщиков, на которых будет размещено не более 1 550 боезарядов. Иными словами, он в одностороннем порядке установил бы количественные уровни, зафиксированные в договоре. Подобный шаг вряд ли имел бы столь же большую значимость, как подписание данного международного соглашения. Цифры, конечно, были бы те же самые. Но они представляют лишь малую толику положений договора. И я очень сильно сомневаюсь, что эти две цифры, содержащиеся в трех строчках статьи 2-й договора, могут считаться достаточной заменой всех пониманий и договоренностей, зафиксированных на более чем 300 страницах собственно договора, протокола к нему и приложений.

Очень непростой представляется задача придания многостороннего характера процессу ядерного разоружения. И, на наш взгляд, здесь вряд ли стоит фиксировать временные рамки для ответа. Чтобы осознать ее сложность, достаточно вспомнить, сколько копий было сломано вокруг проблемы защиты ядерных потенциалов Франции и Великобритании в период кризиса «евроракет», и то, как был встречен план Михаила Сергеевича Горбачева о всеобщей полной ликвидации ядерного оружия к 2000 году. Мы не хотим, чтобы эта проблема создавала напряженность в отношениях между государствами, обладающими военными ядерными потенциалами. И тем не менее мы призываем наших партнеров к совместным размышлениям над путями ее решения, в частности, в рамках «ядерной пятерки».

Вынужден отметить, что тема многостороннего ядерного разоружения пока явно не вызывает у других обладателей ядерного оружия большого энтузиазма. В лучшем случае звучат обещания рассмотреть данный вопрос, когда арсеналы России и США станут сопоставимыми с их собственными. Но каковы критерии этой сопоставимости, особенно в условиях отсутствия достоверной и проверяемой информации о размерах и структуре ядерных сил третьих стран? И означает ли подобный подход, что они должны сохранять полную свободу рук в разработке и реализации своих ядерных программ, пока русские и американцы не обеспечат требуемую сопоставимость? Вопросы такого рода обычно остаются без ответа.

Большое значение при формировании возможной модели многостороннего ядерного разоружения имеют соображения экспертного сообщества. В частности, интересные идеи на этот счет высказывал в России академик Арбатов. Хотелось бы, чтобы они вызвали широкую дискуссию в российских и зарубежных экспертных кругах. На наш взгляд, это было бы весьма перспективное направление для исследований, а их результаты были бы востребованы в контексте выработки подходов к решению этой актуальной проблемы.

**БЕРТ РИЧАРД,
руководитель проекта Global Zero
(«Мир без ядерного оружия»), один из
руководителей делегации США на переговорах
по ограничению стратегических наступательных
вооружений (соглашение СНВ-I, 1991 г.)**

Действительно существенной является проблема стабильности потенциала сил сдерживания США и России. Я уже говорил, что потенциалы сдерживания России и Америки могут оставаться главным фактором обеспечения нашей национальной безопасности в последующие 10, 20, 30 лет. Но проблема потенциала третьих стран тем не менее будет все больше волновать и Вашингтон, и Москву. Полагаю, в этом кроется основная причина общих попыток США и России обсудить в практическом формате переход от двустороннего разоружения к многосторонней повестке дня. Думаю, быстро перейти к такому формату не удастся, этого невозможно добиться разовыми мерами. Мы со Стивеном Пайфером уже говорили на предыдущем заседании о преждевременном подходе России в отношении многостороннего формата договоренностей в сфере сокращения ядерных вооружений. Повторяю, это преждевременный подход.

По-прежнему есть необходимость продолжения двусторонних переговоров по ядерной тематике между Россией и США, для того чтобы сократить ядерный потенциал обеих стран до более низкого уровня. И здесь обе страны должны предпринимать меры доверия, чтобы в политическом плане косвенно или напрямую вовлечь в переговорный процесс Китай, Индию, Пакистан, Великобританию, Францию, может быть, и другие страны. Когда США и Россия обладают 95 процентами боеголовок в мире, к ним нет достаточного политического доверия со стороны других стран. Как обращаться к этим странам с призывами о переговорах? Только глубокие

сокращения вооружений США и России будут стимулировать вовлечение других участников обсуждения. Как говорил предыдущий выступающий, процесс не будет легким. Я думаю, и американцы, и русские, что само собой разумеется, согласны с необходимостью обсуждать эту проблему хоть 30–40 лет. Они считают, что надо предпринимать постепенные шаги, чтобы достичь прогресса, как это было, например, с верификацией, с созданием режима прозрачности. Мы заключали первое соглашение СНВ, и если бы кто-то тогда сказал, что мы начнем посылать инспекторов для проверки шахтных установок по запуску ракет, такому человеку просто не поверили бы. Но со временем США и американские переговорщики сумели достичь большой гласности, большой прозрачности в процессе верификации. И объемы информации, и доступ к ней намного возросли по сравнению с 1970-ми годами. Сейчас россияне хорошо знают об американских ядерных стратегических силах, американцы знают очень многое о российском потенциале.

Однако мы очень мало знаем о таких же программах в Китае и о его планах. Нам известно, что там проходит модернизация, но мы абсолютно не знаем, что в Китае собираются делать дальше. Будут ли китайцы расширять свои ядерные силы? Если да, то насколько? Время идет, наши потенциалы становятся, может быть, менее востребованными, потому что мы не считаем возможной войну между нашими странами. Но у нас все большую озабоченность вызывает растущий потенциал Китая, Индии и Пакистана. Не дай бог, начнется гонка ядерных вооружений на Ближнем Востоке. Если ядерная программа Ирана заставит другие страны исследовать собственные возможности для таких программ, то возникнет большая головная боль как для США, так и для России. Сумеем ли мы адаптироваться к новым вызовам?

Я думаю, если мы перейдем к новому раунду двусторонних переговоров о глубоком сокращении ядерных потенциалов, если мы используем политическое давление и влияние наших стран для расширения обсуждения, то тогда можно подумать о каких-то креативных увязках. Например, США и Россия согласовывают сокращение до низких уровней своего количества боеголовок. Может быть, до 1000 единиц. Тогда США и Россия заявляют третьим странам, что они готовы сокращать свои потенциалы до 1000 единиц, если остальные согласятся, по крайней мере, не увеличивать их ядерный потенциал. В случае, если эти страны начнут наращивать ядерные потенциалы, Россия и США пересмотрят обязательство сокращать свои. Таким образом, мы создадим увязку между размером ядерных потенциалов США и России и ограничением потенциалов других стран. Насколько вероятен такой сценарий, сможет ли сработать такой подход?

Китай является ключевым игроком, и я в некоторой степени разочарован, что среди нас нет китайского представителя, который мог бы продемонстрировать подход к проблеме со стороны КНР. «Мир без ядерного оружия» — эту тему мы обсуждали с представителями военных кругов Китая. Встречались с высокопоставленными военными на наших глобальных саммитах. Может быть, год назад, до нынешнего переходного периода в руководстве КНР, китайцы, по крайней мере, начинали рассматривать возможность участия в многосторонних обсуждениях этой темы. Наверное, придется подождать, пока сложится такой подход и у нового руководства в Пекине. Вовлечем Китай в процесс — тогда и Индия им заинтересуется. У нее есть собственная озабоченность не только в связи с программой Китая, но и в связи с планами Пакистана, который сегодня очень динамично развивает свою ядерную программу. Уверен, что Великобритания поддержала бы многосторонние переговоры и участвовала бы в них, несмотря на стремление к свободе действий и самостоятельности. Даже французов можно было бы уговорить участвовать в переговорах подобного рода. Так что эта мечта не является несбыточной, однако американцам и россиянам необходимо вместе активно работать, чтобы начать новый раунд переговоров по масштабным сокращениям своих ядерных потенциалов.

КИЛЬЕ ПОЛЬ,
министр обороны Франции (1985–1986 гг.),
министр внутренних дел Франции (1992–1993 гг.)

В ходе дискуссии у меня создалось впечатление, что дух холодной войны окончательно не исчез. Хотя, конечно, в официальных речах это выглядит несколько иначе. В 1945 году было всего лишь три ядерных боеголовки, а в 1990-х годах в мире насчитывалось 70 000 ядерных боезарядов. Такой рост связан с бешеной гонкой вооружения, которой, надо признать, главным образом занимались Советский Союз и Соединенные Штаты.

Теория сдерживания формулируется по-разному в английском и французском языке. В английском говорится о гарантированном взаимном уничтожении. Это результат гонки вооружений — достаточно безумной, которая, конечно, протекала по-разному, в зависимости от того, какие режимы были у власти, какие руководители. В общем-то, реализация цели создания мира без ядерного оружия не может быть осуществлена вне рамок многостороннего подхода. Поэтому совершенно необходимо, чтобы все ядерные державы в той или иной перспективе, может быть, не сразу, но приняли бы участие в процессе разоружения. Господин Леонтьев сказал, что он не почувствовал большого

энтузиазма различных игроков по достижению цели построения мира без ядерного оружия. Я думаю, что как раз именно этот энтузиазм мы должны обеспечить. Естественно, Соединенные Штаты и Россия, которые обладают 95 процентами ядерного оружия, несут особую ответственность. И даже после выполнения нового договора о СНВ их потенциалы останутся все равно значительными, поскольку этот договор не предполагает никаких ограничений ни на те единицы вооружений, которые находятся в резерве, ни на тактическое оружие. А мы знаем, что на эти категории вооружений приходится в два раза большее количество единиц, чем на те, что затронуты договором. Поэтому в этом договоре нет особой обязательности.

Достигнуть уровня 1555 боеголовок к 2018 году... Разве это можно считать достойной целью? Ведь мы так и останемся далеки от сокращения до 1000 боеголовок, что могло бы привлечь другие страны к процессу разоружения. Однако надо сказать, что очень важным достижением нового договора о СНВ является создание механизма проверки и прозрачности. Можем ли мы считать, что так называемые малые ядерные державы оказывают существенное влияние на стабильность стратегического баланса? Мы знаем, что Франция и Великобритания имеют приблизительно одинаковые потенциалы: около 300 зарядов у Франции и 225 у Соединенного Королевства. То есть порядка 3–4 процентов российского и американского потенциалов. Но необходимо признать, что с 1974 года Североатлантический альянс признает за этими силами самостоятельную роль в сдерживании, которая способствует глобальному сдерживанию и безопасности союзников. Тот факт, что в Западной Европе существуют два независимых центра принятия решений, считается, вносит дополнительный элемент неопределенности для потенциального агрессора.

Сейчас, конечно, ситуация значительно изменилась. Нет столкновения между блоками, хотя нельзя сказать, что отношения между НАТО и Россией сегодня являются действительно доверительными и дружескими. Однако наличие ядерных потенциалов европейских государств-членов ЕС положительно сказывается на безопасности Евросоюза, поскольку эти потенциалы не зависят от решений США. С другой стороны, возникают вопросы о вкладе в безопасность, которая осуществляется при помощи 200 единиц американских тактических устаревших вооружений, которые фактически подчиняются только американскому командованию. Здесь нет никакой необходимости балансировать их каким-то другим оружием такого же вида. Япония, которая также имеет гарантии сдерживания со стороны США, не размещает на своей территории технических ядерных вооружений. Полагаю, Франция должна задуматься над статусом своей военно-воздушной составляющей, своих ядерных сил, поскольку ракеты класса «воздух-земля» типа ASMP-A не имеют достаточной дальности, чтобы их можно было классифицировать

как стратегическое вооружение. Но как бы то ни было, ничто не обуславливает того факта, что Франция и Великобритания не должны принимать участие в процессе ядерного разоружения. И мне кажется, что мы должны в определенный момент присоединить к этому процессу и Китай.

Пойду чуть дальше, чем господин Берт. Полагаю, что на будущих американско-российских переговорах в качестве наблюдателей должны присутствовать представители Франции, Великобритании и Китая. Это позволит впервые в глобальном процессе разоружения задействовать все пять ядерных стран, которые подписали договор «О нераспространении ядерного оружия», а кроме того, укрепить доверие и прозрачность. Очень важно создать условия для того, чтобы Индия, Пакистан и Израиль могли присоединиться к будущим договорам. Что касается Северной Кореи, то на данном этапе, как мне кажется, ее потенциал не может иметь реальных последствий для состояния стратегического баланса.

Чтобы решить это очень сложное уравнение, которое подразумевает участие различных акторов с различными интересами, важно учитывать три аспекта. Первый — это доверие. Оно уже предопределяет прозрачность. Только это может гарантировать прогресс. И гарантии, которые американцы и Североатлантический альянс могут предоставить России в области системы ПРО, являются очень важными. Поскольку нынешняя идея — лишь слабое подобие того, что раньше называлось стратегической инициативой США. Когда я был министром обороны, у меня возникали серьезные разногласия с нашими американскими коллегами по этому вопросу. Нужна дискуссия и по системе ПРО, и по гарантиям, которые надо предоставлять России. И в этом смысле важны дискуссии как с российской стороны, так и с американской. Ядерные державы среднего масштаба должны сыграть определенную роль в улучшении климата доверия. Франция и Великобритания также должны проводить политику прозрачности в том, что касается уровня и характера их ядерных потенциалов.

С удовлетворением отмечу практику, ставшую уже регулярной, — практику встреч между пятью ядерными державами, на которых и обсуждаются вопросы доверия и прозрачности. Надеюсь, что эти контакты не останутся чисто формальными. Установление доверительных отношений очень важно и в Азии. Мне кажется, что международное сообщество должно принимать более активное участие в разрешении разногласий между Индией и Пакистаном, а также между Китаем и Индией. Необходимо думать о снятии напряженности, которая может возникнуть на морских границах Китая.

Очень важное понятие — многосторонний подход. Конференции с обзором выполнения ДНЯО позволяют государствам хорошо представлять, как выполняется, в частности, статья 6-я этого договора. И вообще нужно

эту статью почаще перечитывать, размышлять над ней. Конференция по обзору ДНЯО в 2000 году позволила выработать дорожную карту, включающую 13 приоритетных мер, которые позволяют четко оценить вклад каждого государства в процесс ядерного разоружения. Есть две важные многосторонние платформы. Это платформа, связанная с договором «О запрещении ядерных испытаний», и платформа, связанная с договором «О прекращении производства расщепляющихся материалов в военных целях». Надеюсь, что важные события, которые произошли в Соединенных Штатах совсем недавно, будут способствовать конструктивным обсуждениям в рамках этих договоров. Однако существует блокирующая позиция Пакистана, который озабочен проблематикой существующих запасов. Необходим более устойчивый консенсус и других государств-участников.

И, наконец, проверка. Господин Берт сказал, что в 1970-х годах особой проверки не было и что к сегодняшнему дню произошел прогресс. Но хочу напомнить, что в 1970-е годы была безумная гонка вооружений и люди только делали вид, что осуществляют какие-то проверки. На самом деле число боеголовок только росло, а их качество повышалось. Поэтому нужно разрабатывать адекватные механизмы для процесса ядерного разоружения. Здесь появляются очень важные проблемы технического, военного и политического характера, потому что необходимо переходить от проверки носителей к проверке боеголовок, их снятия с вооружения и проверки расщепляющихся материалов. Но, учитывая разоруженческий прогресс, который наблюдается в сфере химического оружия, мне кажется, что эта цель вполне достижима. При наличии, конечно, необходимой политической воли. Наша дискуссия должна породить такую политическую волю, которая соответствовала бы угрозам существования 1000 единиц ядерного оружия. Мне было очень приятно слышать заявление генерала Шихана о ядерном разоружении, которое я полностью поддерживаю. В этом смысле вклад гражданского общества, НПО и таких независимых экспертных сообществ, как Global Zero, является незаменимым.

КОРАБЕЛЬНИКОВ ВАЛЕНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ, генерал армии

Все действующие доктринальные документы пяти ядерных держав свидетельствуют, что ядерное оружие и на обозримую перспективу будет оставаться для них главным инструментом сдерживания в мирное время, тем более в случае серьезной дестабилизации международной обстановки. Поэтому поднимать вопрос об отказе России и США от взаимного ядерного сдерживания как основы стратегической стабильности пока рано.

История показывает, что никакого другого более надежного средства предотвращения глобального конфликта, чреватого возникновением третьей мировой войны, человечество еще не придумало. Как ни парадоксально, но именно благодаря наличию этих противостоящих и угрожающих друг другу ядерных потенциалов мы и имеем ту в целом бесконфронтационную международную обстановку, которая позволяет нам сегодня спокойно обсуждать поднятые вопросы и рассматривать перспективы возможного отказа от такого сдерживания.

На современном этапе развития международного сообщества никто не может дать гарантий, что в отсутствие ядерной угрозы страна либо коалиция стран, добившаяся военного превосходства в обычных вооружениях и силах общего назначения по отношению к геостратегическому противнику, не поддастся соблазну воспользоваться этим в своих интересах. В итоге главным аргументом в международных отношениях опять станет фактор военной силы и достижения решающего превосходства на поле боя. В данных обстоятельствах именно риск понести в ходе акта возмездия неприемлемый ущерб лишает агрессора побудительных мотивов прибегнуть к упреждающему ядерному удару даже в условиях экстремального военного превосходства.

Вместе с тем в конечном итоге отказ от концепции взаимного ядерного сдерживания неизбежен. Россия и США будут все дальше продвигаться по пути проверяемых и необратимых сокращений ядерного оружия в соответствии с обязательствами по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия, что на определенном этапе, как я полагаю, весьма длительного процесса сделает ядерное сдерживание практически недееспособным. Однако к этому результату можно придти только при комплексном подходе к сохранению стратегической стабильности, обязательном соблюдении принципа равной и неделимой безопасности для всех и обеспечении, среди прочего, ряда первостепенных условий.

Среди них продолжение процесса ядерного разоружения всеми государствами, обладающими ядерным потенциалом, их постепенное присоединение к усилиям в этой сфере, уже предпринимаемых Россией и США, предотвращение размещения оружия в космосе, обеспечение гарантий отсутствия у государств «возвратного ядерного потенциала». Недопустимо наращивать стратегические наступательные вооружения в обычном оснащении (создавать так называемый компенсирующий потенциал). Необходимо отказ от одностороннего развития стратегических систем противоракетной обороны, чреватого эрозией системы стратегической стабильности и разбалансировкой режима сдержек и противовесов, обеспечивающих глобальный паритет.

К первостепенным условиям я также отнес бы ликвидацию количественных и качественных дисбалансов в области обычных вооружений в сочетании с параллельным решением других международных проблем, включая урегулирование региональных конфликтов. А также — вступление в силу договоров о всеобщем запрещении ядерных испытаний и запрещении производства расщепляющихся материалов и надежное обеспечение жизнеспособности ключевых многосторонних разоруженческих и нераспространенческих инструментов.

Понадобится серьезная и длительная работа по укреплению взаимного доверия и наполнению двустороннего сотрудничества конкретной субстанцией в экономической, политической, военной сферах. Иными словами, потребуется проведение целого комплекса конкретных двусторонних действий, благодаря которым наши страны оказались бы связаны множеством нитей, разрыв которых в будущем был бы не только болезненным для обеих сторон, но и практически привел бы к таким же катастрофическим последствиям, как и слом ядерного сдерживания.

Таким образом, для того чтобы в перспективе отказаться от взаимного ядерного сдерживания как основы стратегической стабильности, Россия и США должны уже сейчас стремиться к достижению такого состояния, когда синергия от многопланового взаимодействия обеих стран будет заведомо превосходить возможные выгоды от существующего взаимного противостояния. Только в этом случае ядерный фактор будет все в большей степени терять качество ключевого, серьезно сократится роль стратегических арсеналов и рисков, связанных с их возможным задействованием.

Одним из наиболее значимых факторов, существенно влияющих на современный характер российско-американских отношений и стратегическую стабильность в целом, являются именно планы Соединенных Штатов по развертыванию глобальной противоракетной обороны.

Риск развертывания подобной широкомасштабной стратегической системы ПРО состоит в том, что она создает иллюзию неуязвимости ее обладателя. Необходимо отметить, что существенное повышение эффективности создаваемой системы на каждом из последующих этапов ее развития приобретает чрезмерно опасный характер — такое наращивание возможностей ПРО может вызвать иллюзию полной защищенности уже не только от агрессии, но и от ответного ракетного удара. Полагаю, не надо объяснять, чем это чревато.

Подобный подход рождает стремление обрести потенциал безнаказанного первого удара при понимании, что вероятный ответный удар может быть отражен с помощью системы противоракетной обороны. Перспектива обладать такой суперсистемой и получить тем самым статус единственной неуязвимой сверхдержавы, естественно, вызывает отклик в общественном сознании.

В результате возникает эффект «священной коровы». Во внимание даже не принимается вся неадекватность якобы существующей ракетной угрозы со стороны Ирана и КНДР, которой обосновывается необходимость развертывания данной системы.

Фактически не учитываются озабоченности Российской Федерации, серьезная обеспокоенность Китая, который уже предпринимает определенные шаги как в направлении разработки собственных систем ПРО, так и наращивания национального ядерного арсенала. В ответ на возможные действия Пекина могут последовать соответствующие реакции со стороны Дели, а затем и Исламабада, что в конечном итоге способно привести к гонке вооружений не только между главными геостратегическими соперниками, но и между ключевыми региональными государствами.

Россия вынуждена настаивать на предоставлении ей юридических гарантий ненаправленности разворачиваемой ПРО против российского ядерного потенциала сдерживания. США, в свою очередь, упорно отказываются брать на себя такие обязательства, четко осознавая, что это накладывает принципиальные ограничения на развитие задуманной системы.

Вместе с тем считаю, что здравый смысл все же возобладает, и Соединенные Штаты смогут найти правильное решение данного чрезвычайно важного для международного сообщества вопроса. История показывает, что при наличии доброй воли решались и более сложные проблемы. Россия готова к дальнейшему равноправному и уважительному диалогу не только с США, но и со всеми другими государствами для поиска соответствующего взаимоприемлемого решения, при котором не пострадала и даже укрепилась бы существующая система безопасности. А для этого важно не только уметь слушать, но и слышать друг друга.

Мы убеждены, что разрешенные новым Договором СНВ уровни стратегических ядерных потенциалов Российской Федерации и США достаточны для надежного сдерживания любого противника. На данном этапе разоруженческого процесса ядерные арсеналы третьих стран не являются фактором, влияющим на устойчивость двустороннего российско-американского сдерживания в силу их несопоставимости.

Великобритания и Франция имеют по четыре атомных подводных лодки с 16 ПУ БРПЛ на каждой. Кроме того, Франция располагает порядка 70 самолетами — носителями ядерного оружия.

Китай обладает более внушительным набором разнотипных ядерных вооружений, но потенциал его стратегического арсенала как в качественном, так и в количественном отношении также значительно уступает российско-американскому.

Запасы ядерного оружия Индии, Израиля, Пакистана и КНДР несоизмеримо малы по сравнению с имеющимися у России и США. При этом их оружие не является стратегическим и концептуально предназначено для решения сугубо региональных задач.

Вместе с тем на последующих этапах ядерного разоружения по мере снижения уровней потенциалов Российской Федерации и США значимость арсеналов третьих стран может возрасти настолько, что без их учета дальнейшие взаимные сокращения могут нанести ущерб безопасности наших стран. Это неизбежно приведет к тому, что указанные ядерные арсеналы больше не смогут оставаться за рамками процесса дальнейших согласованных сокращений.

Полагаю, что подключение других ядерных государств к российско-американским переговорам в сфере ядерного разоружения должно осуществляться поэтапно. Вначале следует учесть потенциалы Китая, Великобритании и Франции. При этом два последних должны суммироваться с американским и рассматриваться в качестве совокупного ядерного потенциала НАТО. Остальные страны, обладающие ядерным оружием, должны подключаться по мере сопоставимости их уровней с ядерными державами.

Следует также отдавать себе отчет в том, что мы вплотную подошли к черте, когда значительное понижение уровней ядерных потенциалов делает более глубокие сокращения немислимыми без должного учета всех других процессов, происходящих в сфере международной безопасности. Я убежден, что любые дальнейшие шаги по пути ядерного разоружения должны рассматриваться и осуществляться при неукоснительном соблюдении принципа равной и неделимой безопасности и с учетом всей совокупности факторов, способных расшатывать стратегическую стабильность. К таковым относятся перспектива появления оружия в космосе, планы по созданию стратегических ракетных систем в неядерном оснащении, одностороннее наращивание стратегической ПРО, возрастающий дисбаланс в обычных вооружениях.

Международные институты и механизмы противодействия угрозам распространения ядерного оружия и ядерного терроризма вполне адекватны угрозам (в большей степени, чем в биологической и химической сферах). Как представляется, в количественном отношении их вполне достаточно. Требуется лишь качественное совершенствование.

Так, одним из главных инструментов реализации указанных задач является Договор о нераспространении ядерного оружия. За более чем 40-летний период своего существования это международное соглашение доказало свою уникальную ценность и незаменимость для продвижения по пути ядерного разоружения, противодействия ядерному терроризму, обеспечения ядерного нераспространения и свободного доступа государств к мирному атому.

В частности, если в 1960-х годах ядерные военные программы велись в 21 государстве, то к настоящему времени число таких стран сократилось до девяти.

Вместе с тем, несмотря на позитивные сдвиги в сфере многостороннего разоружения, полностью преодолеть инерцию прошлого пока не удается. Вне Договора остаются Индия, Пакистан и Израиль — государства, фактически обладающие ядерным оружием, но не признанные в качестве таковых. Кроме того, в январе 2003 года о выходе из этого соглашения заявила КНДР, хотя до настоящего дня юридически она является его участником.

С другой стороны, деление мира на две группы государств — имеющих ядерное оружие и не обладающих таковым — становится все более характерной чертой современной международной политической обстановки.

Усложняет ситуацию отказ ядерных держав предоставить юридические гарантии неприменения ядерного оружия против неядерных государств. Такая политика ведет к постепенному разрушению ДНЯО, так как подталкивает отдельные страны к обладанию ядерным оружием как единственному надежному средству обеспечения национальной безопасности.

Иран, являющийся участником ДНЯО и выполняющий его условия, испытывает на себе беспрецедентное давление со стороны Запада, в то время как государства, не подписавшие данное соглашение, могут практически беспрепятственно создавать ядерное оружие, обеспечивая себе за счет обладания им гарантируемую безопасность от возможной агрессии.

Вышеперечисленные ядерные риски дополняются угрозой ядерного терроризма. Обеспечить надежную сохранность ядерного материала становится гораздо сложнее, потому что необходимо поставить под контроль не только ядерные, но и радиоактивные материалы, являющиеся предметом активной торговли между государствами. В связи с этим сохраняется возможность создания террористами так называемой «грязной» (радиологической) бомбы или попадания в их руки уже готового ядерного боеприпаса и последующего его применения против военных или гражданских объектов «страны-мишени».

Террористические организации в своем стремлении к обладанию ядерным оружием и радиационно-опасными материалами, могут пойти на крайние меры, включая широкомасштабный захват заложников. Они также могут использовать несовершенство национальных законодательств для осуществления преступных акций.

Все эти обстоятельства способствовали принятию международных конвенций о борьбе с актами ядерного терроризма, физической защите ядерного материала и плана МАГАТЭ по защите от ядерного терроризма.

Эффективной мерой укрепления международного режима ядерного нераспространения является создание зон, свободных от ядерного оружия.

Являясь участником Квартета международных посредников по ближневосточному урегулированию, Россия последовательно поддерживает усилия по созданию в этом регионе зоны, свободной от ядерного и других видов ОМП.

Немаловажную роль в деле укрепления стратегической стабильности играет активизация совместных усилий в рамках Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения и Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового поражения (ИБОР).

Удалось также выйти на конкретные американо-российские договоренности по вопросам в области борьбы с международным терроризмом. В частности, налажен обмен информацией о террористических организациях, включая «Аль Каиду», достигнута договоренность о немедленном взаимном информировании о готовящихся терактах против гражданского населения и объектов. Перспективным представляется расширение взаимодействия в ходе пресечения потоков финансирования экстремистских организаций, подготовки кадров и обмена опытом по защите объектов от терактов. Реализацию данных механизмов следует рассматривать как наиболее эффективный путь международных усилий по противодействию указанной угрозе.

Одним из способов предотвращения дальнейшего развития вызывающих опасение ядерных программ является обеспечение строгого выполнения механизмов экспортного контроля. Помогают повысить эффективность существующих международных институтов и механизмов наши совместные усилия в рамках Группы стран-поставщиков ядерных материалов, Комитета Цангера, Режимы контроля за ракетной технологией, ряда резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, дополненные сотрудничеством в сфере совершенствования экспортного контроля и расследования конкретных проблемных ситуаций, связанных с ядерным распространением. Эти усилия показывают, что именно путем взаимного сотрудничества с целью продвижения общих интересов можно достичь многого. Однако здесь также не должно быть никаких двойных стандартов.

Таким образом, у международного сообщества уже накоплен впечатляющий послужной список в области укрепления ядерной безопасности, напрямую связанной с ней стратегической стабильности и противодействия глобальным угрозам. Многие базовые решения по данной проблеме были выработаны именно благодаря нашему тесному сотрудничеству и взаимопониманию.

Наша задача — не останавливаться на этом направлении, а двигаться дальше. Этого требуют объективные реалии формирующегося полицентричного мироустройства, в котором любые проблемы могут решаться только на основе взаимного доверия и уважения.

**ДУРРАНИ МАХМУД,
бывший советник по национальной безопасности
премьер-министра Пакистана,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Пакистана
в США (2006–2008 гг.)**

Мне хотелось бы подчеркнуть, что я всецело верю в мир без ядерного оружия. Конечно, эта задача нелегка, но, я думаю, нам удастся ее решить. Несмотря на то что мы все согласны в отношении цели, я имею в виду мир без ядерного оружия, нам необходимо рассмотреть основные принципы. Конечно, можно всегда дополнить принципы, которые я собираюсь изложить, они в любом случае дают возможность сфокусироваться на самых главных аспектах.

Эти принципы хорошо известны: всеобщая, универсальная применимость, прозрачность, возможность контроля, верификации, реалистичные временные параметры. Все меры должны предприниматься в рамках ООН. Это принципы, которые очень часто называют. И я думаю, что они никогда не увязывались вместе, хотя о них говорили неоднократно. С моей точки зрения, их необходимо учитывать в усилиях по разоружению. Для того чтобы наши усилия были успешными, страны «большой пятерки», постоянные члены Совбеза, должны дать хороший пример государствам, уже имеющим ядерное оружие, и тем, кто собирается его приобрести. «Поступайте так, как я говорю, а не так, как я делаю», — такой принцип не работает.

На Россию и США приходится 95 процентов всех ядерных боеголовок. Только серьезные обязательства со стороны России и США смогут стать действенной мотивацией для того, чтобы такие страны, как Пакистан, присоединились к общим усилиям. Когда я говорю об универсальной применимости, я имею в виду, что разоружение должно касаться не только количества вооружения, но и средств их доставки, а также запасов ядерных материалов. Договоры будут работать только в том случае, если мы задействуем принцип универсального применения. Простое сокращение не играет никакой роли, если существующие массивные запасы ядерных вооружений и материалов не принимаются во внимание.

Важны усилия, которые предпринимает организация Global Zero, поскольку они позволяют нам создать соответствующий настрой в обществе. Несмотря на мой личный скептицизм в отношении полезности Организации Объединенных Наций, факт остается фактом: ООН — пока единственный мировой орган, который имеет правовые и моральные полномочия осуществлять переговоры от имени государств — членов этой организации.

То, что происходит в Женеве — это действительно правильный подход. С моей точки зрения, первая специальная сессия «большой восьмерки» по разоружению достигла успеха в выработке финального документа. И сейчас мы имеем возможность продвинуться к практическим мерам по имплементации данного соглашения. В июне 2011 года руководство Пакистана выразило желание конструктивным образом внести свой вклад в реализацию концепции «Мир без ядерного оружия» и способствовать нераспространению ядерного оружия на основе равенства и партнерских отношений при решении проблем в рамках международного сообщества. Эта декларация не оставляет сомнений в отношении намерений Пакистана участвовать в целях создания мира без ядерного оружия, особенно если эти усилия справедливы, честны и имеют универсальный характер.

Не сомневаюсь, что все участники нашего саммита имеют полное представление об усилиях, которые потребуются для достижения этой цели. Поэтому я позволю себе осветить основные принципы реалистичных временных рамок программ. Достижение таких целей является очень важным. Если мы уменьшаем небольшое количество ядерных вооружений, то нам необходимо начинать с более мощных вооружений. Вторая рекомендация, которая уже принята во внимание Global Zero, состоит в том, что необходимо устранять триаду и полагаться на ядерную диаду в качестве постепенной программы отказа от ядерного оружия. Такая программа также должна быть увязана с реалистичными временными рамками.

Я действительно надеюсь, что будут продолжены усилия по созданию безъядерных зон. Несмотря на амбициозные цели, которые ставит перед собой Global Zero, ядерное оружие будет существовать, по крайней мере, еще два десятилетия. Безопасность ядерных материалов и вооружения также является важным фактором в нашем нестабильном мире, особенно при наличии большого количества террористов и экстремистов во всех уголках планеты. В то время как мир пытается выйти на уровень без ядерного оружия, мы должны концентрироваться на обеспечении безопасности ядерных материалов и ядерного вооружения. Делать все, чтобы они не попадали в руки террористов. Согласно плану действий Global Zero, в современном мире самую крупную угрозу мировой стабильности представляют террористы. И я считаю, что такого рода план действий должен включать в себя меры по обеспечению безопасности.

Страны, не присоединившиеся к ДНЯО, являются реальностью нашего мира, мы не можем их игнорировать. Нельзя рассматривать их как государства второго сорта в ядерном мире. Если они не участвуют во всех процессах — это не очень правильный подход. Стратегический альянс, перестройка ядерных альянсов и соглашений повлияют на ядерную стабильность

США. И в этой связи у меня есть две рекомендации. Первая — это включение третьих ядерных государств в текущие переговоры между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией. На начальном этапе, при необходимости, в качестве наблюдателей. Вторая рекомендация — устранить различия между подписантами ДНЯО и странами, не подписавшими ДНЯО. Это может быть непросто, но немаловажно. И в конечном итоге, как я уже говорил, Пакистан готов вносить конструктивный вклад в реализацию усилий по созданию мира без ядерного оружия и достижения целей нераспространения при условии, что все эти цели осуществляются на основе равенства всех государств-участников.

БЛИЦ ДЖЕЙМС, редактор отдела обороны и дипломатии Financial Times

Я как журналист попытаюсь задать несколько провокационных вопросов некоторым участникам. Позвольте с самого начала заявить, что я не представляю британское правительство. Хотя мои слова могут как-то перекликаться с тем, что говорят его члены.

Выражу общую точку зрения. Если появится другое соглашение по сокращению между Россией и США в ближайшие несколько лет, то нам придется вовлечь в этот процесс другие державы. Это доступно излагается в книге Стивена Пайфера, где прописаны уровни в 1000 развернутых единиц. Именно для того чтобы выйти на глобальный уровень сокращений, необходимо вовлекать другие страны. То же самое сегодня касается и мира без ядерного оружия как цели. Причина проста: на дальнейшее сокращение ядерного вооружения страны будут готовы пойти, если увидят, что Россия и США участвуют в этом процессе. Однако, если США и Россия начнут сокращать ядерные силы до уровня китайских арсеналов, возникнет риск того, что китайцы ускорят производство ядерных вооружений. И получится стратегическое преимущество, в котором никто не заинтересован. Поэтому необходимо вовлекать в диалог между США и Россией все три неофициальные и три официальные ядерные державы. Полагаю, что из шести ядерных держав Великобритания в большей степени готова пойти на многостороннюю вовлеченность. Недавно я разговаривал с бывшим министром иностранных дел Милибэндом, а также с представителями консервативного правительства. Они заявляли: мы готовы от 220 боеголовок выйти на 160, то есть готовы усилить ДНЯО. Следовательно, в одной из официальных ядерных держав есть желание пойти на значительные сокращения вооружений.

С другой стороны, есть неядерные державы, готовые взять на себя обязательства не приобретать ядерные вооружения.

Полагаю, нужно пойти еще дальше. В моей стране идут более глубокие политические дискуссии в отношении ядерного оружия, чем в какой бы то ни было другой ядерной державе. И это происходит потому, что люди понимают, каковы затраты, необходимые для поддержания ядерного статуса. Когда мы говорим в нашей стране о сокращении обычных вооружений, то понимаем, что это приведет к существенной экономии. Мы пошли на существенное сокращение оборонных расходов в 2010–2011 гг. и сейчас вышли на самый низкий уровень со времен Наполеона. В то же самое время у нас есть обязательства затратить 20 миллиардов фунтов стерлингов на строительство трех или четырех новых подводных лодок, чтобы заменить подводные лодки класса «Авангард», которые несут сейчас ядерные боеголовки «Трайдент».

На обсуждениях, которые сейчас идут в Великобритании, мы должны решить не позднее 2013 года, готово ли правительство инвестировать 20–25 миллиардов фунтов стерлингов в создание таких подводных лодок. И это действительно серьезная дискуссия. С одной стороны, консерваторы во главе с премьер-министром Кэмероном готовы заменить системы «Трайдент», которые находятся на вооружении, независимо от затрат. Они считают, что эта система позволяет нам гарантировать стратегическую независимость как ядерной державы. С другой стороны, либеральные демократы и некоторые лидирующие эксперты говорят, что со стратегической точки зрения нам не нужно делать с «Трайдентом» то, что было необходимо во время холодной войны. Стратегическое мышление холодной войны заключалось в том, что если Великобритания будет разрушена в ходе ядерного удара, то останется командный пост с «Трайдентом» в Атлантическом океане, который сможет преодолеть «московский критерий». Зачем нам сегодня это? Вот вопрос, который нужно задать.

Действительно ли нам нужна передовая система сдерживания? Почему бы не сказать другим державам, что мы и сейчас способны нанести им невосполнимый ущерб? Второй аргумент связан с затратами: 20 миллиардов фунтов стерлингов после 2020 года. Средства на строительство субмарин составят треть всех затрат министерства обороны Великобритании. Мы не можем себе этого позволить, если собираемся выполнять обязательства на других направлениях. И поэтому мы говорим сегодня: почему бы внимательно не пересмотреть существующую систему и не принять более ограниченную? Может быть, создать систему, которая будет запускать ракеты с крейсеров, а не с подводных лодок? Почему бы в конечном итоге не выйти на пороговый уровень сдерживания в случае кризисной ситуации?

Слушая выступающих из других стран, я все больше и больше понимаю, что дискуссии в Соединенном Королевстве проходят намного острее, чем в других странах. Поэтому хотелось бы услышать представителей Франции, Израиля, Пакистана — как у них обсуждаются в обществе подобные проблемы? Я утверждаю: если мы продолжим развивать многосторонние обсуждения, другим придется соотносить свои усилия с нашими. Что касается Франции, то я по-прежнему считаю ее страной, которая не хочет брать на себя обязательства в отношении многостороннего процесса. В завершение подчеркну, что мы, британцы, намного дальше, чем другие государства, продвинулись в обсуждении этой проблемы.

**БЕН-АМИ ШЛОМО,
министр иностранных дел Израиля
(2000–2001 гг.), министр национальной
безопасности Израиля (1999–2000 гг.)**

Я согласен, что очень многое зависит от примера, который показывают две основные ядерные державы. Но, по простой логике, не было бы мира, свободного от ядерного оружия, если бы в процессе не участвовали другие, в том числе малые державы. Процесс должен быть, конечно, многосторонним. Многосторонность — очень важный момент, иначе разоружения не будет, потому что оно подрывает баланс влияния. Мы это видим на глобальном уровне во взаимоотношениях США и России. Это относится и к региональному уровню успеха в переговорах между США и Россией. За ним должны последовать конкретные усилия по созданию зон, свободных от ядерного оружия, а не только от оружия массового уничтожения. Это особенно важно на севере Африки, на Ближнем Востоке, где в конечном итоге есть возможность достижения безъядерной зоны.

Северная Корея, Иран, Пакистан, Индия — на них не произведет особого впечатления тот факт, что две основные ядерные державы сократили свои потенциалы от многократного уничтожения до уничтожения в несколько раз. Необходимо кардинальное развитие взаимоотношений, улучшение условий в нестабильных регионах мира, для того чтобы компенсировать ощущение второсортности в этих странах. Эти факторы увязаны: ядерное разоружение, сокращение и контроль над обычными видами вооружений. Это касалось в 1990-х годах стран Ближнего Востока, во время «Мадридского процесса». Тогда велись двусторонние переговоры по достижению мирного соглашения. В то же время шли переговоры о сокращении вооружений. Необходимо извлекать опыт из нашего прошлого. Дело в том,

что переговоры на двухсторонней основе потерпели неудачу из-за позиции арабской стороны. Арабы настаивали на разоружении Израиля в одностороннем порядке, чтобы он отказался от своего так называемого ядерного потенциала до достижения мирного урегулирования.

Я думаю, что мир и ядерное разоружение должны идти рука об руку. А когда заявляют, что Израиль сначала должен разоружиться, не думаю, что это хорошее начало переговоров. Израиль никогда не согласится с таким подходом, когда обязательным условием ставится ядерное разоружение. Если мы хотим открыть переговоры, то мы должны вести их по традиционному пути. Напомню слова Шимона Переса о мире и атоме: сначала — мир. Нужна конференция по Ближнему Востоку, на которой надо поставить вопрос о безъядерной зоне или о зоне, свободной от оружия массового уничтожения. Такая конференция должна пройти, как мы смеем надеяться, с участием Ирана и Израиля. Мне кажется, что иранцы заявляли о своей готовности участвовать в такой конференции. Надеюсь, что Израиль тоже согласится на участие.

Если такая конференция в Хельсинки действительно состоится в декабре этого года, не надо искать на ней нереалистичных кратких путей и сроков. Если Израиль и США станут требовать, чтобы участники ДНЯО, такие как Сирия и Иран, соблюдали свои обязательства, это будет плохим началом переговорного процесса. И если задача конференции заключается в том, чтобы заставить Израиль вступить в ДНЯО без проведения широких переговоров о безопасности на Ближнем Востоке, это тоже плохое начало. Это не только мое личное мнение, это попытка проанализировать, каковы реальные послы для конференции в нашем регионе. Я хотел бы, чтобы Израиль вступил в ДНЯО, это мой взгляд на мир, но я сюда приехал не для того, чтобы рассказывать о своих мечтах. Я приехал, чтобы говорить о реальных условиях в регионе, и это важно понять.

Я бы рекомендовал Израилю — и это мой вывод после прозвучавших сегодня выступлений — следовать благородной цели: стряхнуть пережитки прошлого, идти в ногу со временем, использовать новые инструменты, руководствоваться новым менталитетом. Российские участники сегодня говорили американским участникам о доверии. Дело не только в доверии. Есть проблемы, связанные с определением влияния власти в наши революционные времена. Дело не в количестве, и это надо понимать не только России, Америке и Израилю, но и региональным странам. Хочу вернуться к ближневосточной конференции, которая должна состояться до конца года. Я надеюсь, что в Израиле меня поймут, хотя очень сложно размышлять о региональных отношениях, потому что существует строгая цензура на эти темы. Практически отсутствует их публичное обсуждение. Израиль

должен понять, что ядерная стратегия не может быть устойчива в течение долгого времени, что Иран — не единственная страна, которая хочет войти в круг избранных.

В случае с Израилем ядерное оружие никогда не срабатывало в качестве оружия сдерживания. Израиль стал, как говорят, ядерной державой, но тем не менее применял в нескольких войнах обычные виды вооружений. Выходит, так называемое ядерное оружие Израиля не выполнило свою сдерживающую роль и региональные акторы готовы изменить подходы. В 1990-х годах не сработал мирный процесс, не привел к каким-то достижимым результатам именно потому, что ставился вопрос о ядерном разоружении Израиля до переговоров о мирном процессе. Израиль для арабского мира — крестовый сек с высокими технологиями. Вопрос касается не количества вооружений. Если даже Израиль полностью разоружится в одностороннем порядке, у него все равно останется потенциал, ноу-хау, технические знания, технологии. Эти преимущества и хотели бы аннулировать арабские страны.

Я предлагаю следующую идею: выработать модель с тремя направлениями. Во-первых, мирный процесс. Вторая администрация Обамы во время его второго президентского срока, надеюсь, займется конфликтом между Израилем и арабскими странами. Арабский мир надеется на это, там высокие ожидания. Поэтому вторым направлением является мирное урегулирование, контроль над обычными видами вооружений. Наконец, в-третьих, необходимо создание зон, пусть не свободных от ядерного оружия, но возможных для его замораживания. Я настаиваю на том, что надо принимать во внимание не только ядерное оружие, но и оружие массового уничтожения. В нашем регионе после Второй мировой войны использовалось химическое оружие. Иракцы применяли его против курдов, египтяне — против Йемена, Ирак — против Ирана. Поэтому надо расширить повестку дня и включить в нее не только ядерное оружие, но и оружие массового уничтожения.

А принцип должен быть такой: согласовывать все три направления. Не будет отдельного создания безъядерной зоны, пока не урегулирован вопрос мирного сотрудничества. Все три направления надо разрабатывать одновременно, потому что они не существуют в вакууме, независимо друг от друга. Невозможно получить дивиденды от мира, пока мир не установлен. Арабский мир не должен относиться к мирному урегулированию как к вознаграждению Израиля. Это абсолютно необходимые инструменты для того, чтобы начать процесс разоружения. Мир и разоружение наряду с контролем — это не альтернативы, это процессы, которые дополняют друг друга. Как можно созвать в декабре 2012 года конференцию на основании — я цитирую этот документ — договоренностей, которые были выработаны государствами региона, когда многие из этих стран сейчас переживают трудные времена,

там назревает конфликтная ситуация? Зоны, свободные от ядерного оружия, которые были созданы в последнее десятилетие в Латинской Америке, Раротонга в тихоокеанском регионе, можно было создать только благодаря тому, что страны региона доверяли друг другу. При этом Декларация 1992 года о денуклеаризации Корейского полуострова остается просто листком бумаги из-за того, что идет латентная война между двумя Кореями.

Конференция 2012 года по Ближнему Востоку может стать очень важным инструментом укрепления доверия и сокращения напряженности, если будет принято решение отказаться от ОМУ. Надеюсь, что Израиль примет эту идею, но остальные участники должны согласиться с тем, что в противном случае нельзя наращивать обычные вооружения. Наша философия является следствием Холокоста, у нас есть собственные психологические настрои. Мы помним наше прошлое, мы помним наши переживания, и наша философия и подход к ядерному оружию таковы: это оружие последнего прибежища. Но оно в конечном итоге бесполезно, оно не является средством сдерживания, поэтому пора в Израиле начать обсуждение этой темы.

Международное сообщество должно действовать более активно на Ближнем Востоке, где сейчас наблюдается переходный период к новым политическим условиям. Это характерно для всего региона, и Израиль должен понимать, что его будущее в регионе зависит не от авторитарных режимов. Надо говорить с населением соседних стран, и наилучший способ — решить палестинский вопрос. Думаю, немногих волнует присутствие Израиля на Голанских высотах. В основном это проблема Палестины. Но необходимы серьезные переговоры о контроле над вооружениями. И не надо ждать, что крупные державы начнут этот процесс. На этот процесс не должно оказывать влияние все, что происходит в других регионах. Это вопрос для обсуждения между нашими странами. Ближний Восток без оружия массового уничтожения — это очень важный фактор мира. А два ядерных государства в этом регионе покажут пример остальным странам, которые тоже могут стать ядерными. Ядерная анархия — вот результат, вот чего мы не видели даже во времена холодной войны, когда две крупные державы могли проводить политику сдерживания. Если ядерное оружие будет у всех, мир станет совсем другим.

ПОЛЕМИКА

Д. Блиц: Выступление Шломо Бен-Ами было очень интересным. Я нахожусь под влиянием его предложений. Соглашусь с послем Бертом, когда мы вспоминаем об Иране, мы говорим о санкциях, подрывающих его ядерную

программу. Вопрос: если в 2013 году мы заставим Иран согласиться подписать совместные документы, не останется ли Израиль на нынешних позициях полной апатии? Вы говорите, что две ядерные державы в регионе — это плохо, что если одна страна откажется от своего ядерного потенциала, то и другой придется отказаться от ядерного вооружения. Думаю, Израиль не сможет сохранять нынешние позиции, если от ядерной программы откажется Иран. Что вы думаете?

Ш. Бен-Ами: Согласен. Когда я уезжаю из Израиля, я стараюсь не критиковать правительство. Но, по моему мнению, соглашение между пятью плюс одним государством, то есть с Ираном, должно в какой-то степени быть для него компромиссом. Оно поможет ему сохранить лицо. Не думаю, что нашему премьеру Нетаньяху такая идея понравится. Таким образом, устраняется важный для него в политическом плане вопрос, потому что он практически премьер-министр «одного вопроса», а внутренняя политика всегда оказывает влияние на все соображения. Если появится согласие в международном сообществе в отношении Ирана, если оно поддержит такое решение, то у Израиля появится большая проблема. Второй возможный вариант, о котором не хочется думать, это нападение Израиля или США, если дипломатия не сработает. И в такой ситуации непланируемые последствия в том, что касается Нетаньяху, будут теми же. Я не могу представить себе войну против Ирана с целью положить конец его ядерной программе или заставить отложить такую программу на несколько лет. После этого ситуация никогда не вернется к нормальному состоянию.

Международное сообщество, если оно хочет называться международным, должно заняться ядерными арсеналами других стран или сделать Ближний Восток свободным от ядерного оружия, регионом, где не будет конфликта между израильтянами и арабами. Иначе, допустив войну, международное сообщество должно будет объявить себя банкротом.

П. Килье: Если у Ирана нет ядерного оружия, то чему должна служить противоракетная оборона? Вот вопрос, который следует задать Соединенным Штатам и НАТО, поскольку они неоднократно повторяли, что принцип обороны ПРО — это как раз защита от возможной атаки со стороны Ирана. Этот вопрос я переадресовываю американским участникам, а также тем, кто хорошо знает доктрину Североатлантического альянса.

Р. Берг: Вопрос, на который и США, и НАТО должны будут ответить. Но давайте поговорим о хорошем сценарии. Для его реализации нужны дипломатические прорывы в переговорах с правительством Ирана и

соглашение, которое позволит ему пользоваться своими правами в рамках ДНЯО. То есть заниматься обогащением урана до определенного уровня и развивать свою гражданскую ядерную программу. Но в эту систему будут встроены элементы верификации, проверки, инспекции. Мы будем знать, что иранцы не превышают уровни обогащения, не получают расщепляющиеся материалы. Появится дополнительное соглашение, которое даст право инспекторам МАГАТЭ посещать сооружения в Иране и проверять, не идет ли процесс создания ядерного оружия. Когда Иран будет готов согласиться с таким режимом, Соединенным Штатам и НАТО придется пересмотреть свою программу ПРО. Будет ли это означать ее конец? Не думаю. Существует слишком много потенциальных угроз в Азии, в других странах Ближнего Востока, поэтому останется высокий уровень деятельности или продвинутые системы ПРО. Они сейчас планируются. Например, так называемая фаза № 4, которая сможет выступать единственной системой, способной сохранять потенциал против российских МБР в рамках Соглашения. А если Иран не будет использовать МБР, тогда четвертая фаза станет не нужна. Но все, включая наших российских друзей, должны понять, если мы сможем решить иранскую проблему, то не останется необходимости размещения систем, которые предусмотрены фазой № 4 и которые могут серьезным образом угрожать потенциалу сдерживания России.

Б. Блэр: Поразмышляем о ядерной идеологии. Смогут ли государства, имеющие ядерное оружие, обеспечить демократическим решением будущее ядерное вооружение в своих странах? Здесь есть представители четырех стран, которые в последние годы пытались сократить или уже сокращают порог использования ядерного оружия. Это США, Израиль, Россия и Пакистан. Только в Соединенных Штатах это делается открыто, демократично, демонстрируется оппозиция против снижения порога. Напомню, в прошлом десятилетии обсуждалось производство миниатюрных ядерных зарядов, способных подрывать бункеры. Программа помогла бы США блокировать некоторые угрозы, но ее обсуждение прекратилось из-за возражений России. Многие до сих пор считают, что можно компенсировать недостаток обычных вооружений наличием ядерного оружия. Но публично эта тема не обсуждается. В основном она дискутируется в правительствах. Ядерные программы России повысили риск применения оружия благодаря созданию нейтронной бомбы, по отношению к использованию которой вырабатывается следующий подход: данного рода устройство можно применять на практике, потому что это более чистые ядерные заряды. И в Пакистане, и в России обсуждается подобный нейтронный компонент. Внутренний контроль в обеих странах, я думаю, не сработал. В Израиле вообще нет публичного

обсуждения, эта тема — табу. Вопрос следующий: может ли ядерная политика быть мудрой? В каком направлении она должна развиваться не только в тех странах, которые представлены здесь, но и в Иране, в Северной Корее? Ведь там вообще не идет обсуждение этой темы? В Израиле развернуты новые системы, подводные лодки и крылатые ракеты. Можем ли мы быть уверены в том, что внутренняя политика этих стран не скажется отрицательно на многосторонний процесс?

П. Килье: Я не собираюсь отвечать за всю Францию, поскольку не представляю здесь официальную точку зрения. Я достаточно критично отношусь к этой проблематике, много пишу об этом, но это не повод концентрировать внимание на Франции, как это было сделано британским коллегой. Задан вопрос общего плана, который касается демократических стран. В этих демократических странах, в частности во Франции, существует определенное количество идей, которые я называю стереотипами. Они напоминают молитвы в религии. Мы их все время повторяем и не подвергаем сомнениям, принимая на веру. В нашем случае вера — это ядерное оружие как гарант жизни. Наш британский коллега говорил о независимости принятия решений. Что это за независимость принятия решений в ядерной сфере? Значит ли это, что британский или французский руководитель сам решает, как использовать ядерное оружие, не предупреждая союзников? Это смешно.

Но совсем не смешно выглядит другая идея, которую постоянно обсуждают. Это такое клише: ядерное оружие позволяет выживать в сложном международном контексте. Подтверждение тому — пять стран, обладающих ядерным оружием, которые и являются пятью постоянными членами Совета безопасности. Но ведь это случайное совпадение, поскольку в 1945 году, когда образовывался Совет безопасности, далеко не все его члены обладали ядерным оружием. Клише повторяются промышленниками, военными, политиками и, конечно, журналистами. Сначала каждый повторяет одно и то же, а потом начинают проводить опросы общественного мнения. Выясняют, что граждане думают так-то и так-то. Но граждане повторяют то, что им уже не раз говорили. Вот почему нет настоящих демократических дебатов, нет дискуссии, не обсуждается ответственность, нет необходимого давления, которое бы заставило политиков в определенный момент учитывать цели, диктуемые здравым смыслом. Будучи министром, я занимался политикой, был членом Парламента, и поэтому могу сказать вполне обоснованно, что существует стремление избегать дискуссии по этим вопросам. А потом нам говорят, что выработан совершенно очевидный консенсус. Если нет обсуждения, это тоже можно назвать консенсусом.

Такая политика не дает новым поколениям, гражданскому обществу высказывать свою точку зрения. Люди начинают считать, что решения должны принимать политики. Однако как они их принимают? Я помню, как направляли мои решения. Мне давали краткие двухстраничные справки, подготовленные специалистами. Но специалистов готовили военные или промышленники. Значит то, что решается на высоком уровне, представляет набор клишированных идей. Я не могу согласиться с такой практикой, и поэтому считаю, что на самом деле в демократических странах нет демократической дискуссии.

М. Дуррани: Напомню, я не представляю правительство Пакистана. В нашей стране мы не можем прийти к согласию по многим проблемам. Но есть один вопрос, по которому есть консенсус практически на девяносто процентов. Любая политическая партия, любой политик и средство массовой информации сходятся в одном вопросе — это ядерный вопрос. Все они очень серьезно поддерживают создание в Пакистане ядерного оружия. Конечно же, есть группы псевдоинтеллектуалов, которые против, но они малочисленны. Поверьте мне, по этому вопросу у нас есть консенсус. Наша программа создавалась с единственной целью. У нас нет никаких глобальных амбиций, да мы и недостаточно велики, чтобы иметь такого рода амбиции. Программа, по сути, направлена против того, что делает Индия в последнее время. Мы полагаем, она угрожает нам. Мы создали систему, которая отвечает на такого рода обеспокоенность. Развитие в данной области нейтронного оружия или других видов вооружений способствует повышению тактических возможностей. Но что касается Пакистана, это направление не рассчитано на тактическое использование. Если принять нашу точку зрения, то не останется вопросов в создании нашего ядерного арсенала.

В.А. Леонтьев: Тема нашей конференции не относится к области государственного права. И, соответственно, ее предмет — это не механизмы принятия решений и функционирования государственных институтов в той или иной стране. Что касается дискуссии по стратегическим вопросам, то, как вы можете наблюдать, она ведется в России достаточно интенсивно. Я с большим интересом слушал выступления экспертов и далеко не со всем согласен. Тем не менее я взял на заметку некоторые положения. Подобного рода обмена мнениями, которые мы, кстати, проводим регулярно, в том числе с экспертным сообществом, позволяют лучше понимать друг друга, оттачивать позиции. По подобной тематике решения в России вырабатываются, что называется, в межведомственном формате, то есть с привлечением экспертов из всех заинтересованных структур. Но решения действительно

принимает Президент. После этого исполнительная власть занимается тем, что ей и положено. То есть исполняет решения.

Ш. Бен-Ами: Поскольку не существует общественного обсуждения, трудно понять, каково мнение общественности по данному вопросу. Но я полагаю, что ситуация в Пакистане особенная. Здесь 90 процентов согласны по какому-то одному вопросу, чего нельзя сказать о других странах. У нас есть другие многочисленные примеры разрыва, того, что французы называют «illegal», между правительством и общественным мнением. Например, 60 процентов израильтян, согласно всем опросам, выступают против нападения на Иран, а правительство, с другой стороны, обдумывает такую идею уже продолжительное время. Эта идея не очень популярна среди народа, она шовинистична, если угодно, националистична. И вряд ли стоит самонадеянно полагать, что мы сможем ее осуществить. Нужно добавить, что не только 60 процентов граждан, но и весь военный истеблишмент против данной идеи, что делает легитимным отказ от нее. 47 процентов населения выступают за проведение переговоров с ХАМАС. А правительство упорно, я бы сказал фанатично, выступает против данной идеи. Создание двух государств по границам 1967 года поддерживает большинство жителей Израиля, но правительство при осуществлении своих программ не принимает во внимание мнение общественности. Отсюда — непрозрачные, скрытые решения, которые не обсуждаются, а только проявляются в виде последствий в той или иной сфере, когда правительство, в частности, меняет свою политику. Никакое давление общественности не действует, все решает правительство.

У нас разные взгляды с Ричардом Бертом, но сформулирую вопрос: почему арабские государства рассматривают возможность приобретения ядерного оружия вслед за Ираном, а не вслед, например, за Израилем? Это очень важная проблема для понимания сложности процессов, происходящих в регионе. Израиль и Иран ни в коем случае нельзя считать естественными врагами, нет ничего, что могло бы препятствовать созданию нормальных отношений между ними. А все, что сегодня происходит, служит всего лишь политическим целям в обеих странах. В Израиле политические решения позволили снять важность палестинской проблемы, что служит идеологии находящегося у власти правительства. А что касается Ирана, то, как научила российская и французская революции, лучший способ защитить себя — это экспортировать революцию. Это лучший способ самозащиты. Иранцам не удалось экспортировать революцию, как это, например, произошло в Судане. Что осталось? В качестве защиты используется несменяемость режима, и отсюда мысль, высказанная господином Бертом: важно исключить смену режима в Иране.

Вторая иранская возможность защититься — мобилизовать исламистские настроения в арабском мире против Израиля. Эти способы защиты, как полагают в Иране, могут успешно сработать в отношении его естественных врагов. Но это не Израиль, это арабский мир. Самым большим врагом Ирана является процесс примирения между арабами и Израилем, поскольку результатом такого процесса станет изоляция Ирана. У него есть возможности выйти на лидерские позиции в мусульманском мире, поэтому идет отрицание Холокоста, проводится антисемитская политика, поскольку это хорошо работает в арабском мире. На самом деле, нет никаких оснований для раздувания конфликта ни у иранцев, ни у израильтян. Зато есть общий интерес. Он заключается в установлении мира с соседями.

Г.Г. Тищенко: Григорий Тищенко, начальник отдела оборонной политики Российского института стратегических исследований. Сторонники «ядерного нуля» активно выступают за разоружение Соединенных Штатов и России, но резко против подключения других стран. Мне непонятно: если их мысли и помыслы чисты, то почему бы не подключить другие страны, которые обладают ядерным оружием? Кроме того, как считается, ядерное оружие — это оружие бедных. Почему же оно отнимается у третьих стран в условиях, когда развитые страны обладают огромным преимуществом в высокоточных вооружениях, в современных вооружениях? Если отнять такую ядерную «дубину» для самообороны у развивающихся стран, то, вполне вероятно, может начаться настоящий разбой в борьбе за ресурсы. И еще один момент. Между Соединенными Штатами и Великобританией было, согласно рассекреченным документам, соглашение об общих ядерных вооруженных силах. То есть ядерная кнопка была не только в Вашингтоне, но и в Лондоне. Однако Лондон был выведен в тень, а на передовой остался Вашингтон. Недавно заключено соглашение в ядерной области между Францией и Великобританией. Если соглашение между Соединенными Штатами и Великобританией сохраняется и ядерная кнопка первого удара по России находится в Вашингтоне и в Лондоне, то, выходит, к ней теперь допускают, вернее, подтягивают Париж? Значит, при сокращении ядерных вооружений Соединенных Штатов Париж будет компенсировать это сокращение? У меня вопрос к представителям Франции и Великобритании: не создается ли сегодня новая ядерная Антанта?

П. Килье: Это соглашение чисто технического плана, не имеющее ничего общего с процессом принятия решений, который полностью проходит в рамках НАТО. Есть еще Комитет ядерного планирования, в который входит Великобритания, а Франция не входит. И когда мы говорим о

самостоятельности решений, нужно учитывать, что это за самостоятельность на самом деле.

Д. Блиц: Между Францией и Великобританией есть договоренности, подписанные в рамках Соглашения в Ланкастере (Lancaster House Agreement) в 2010 году, когда мы начали разделять общие объекты для проведения симуляционных учений. Может быть, это не самый значительный, но первый аспект, по которому мы сблизились. Сейчас идет обсуждение: нужно ли Франции и Великобритании объединить свои потенциалы сдерживания? У Франции собственная система, с самостоятельными компонентами, а в Великобритании — система «Трайидент», которая поставляется из США. Боеголовки и подводные лодки производятся в Великобритании. Идея объединения потенциалов довольно часто реанимируется, но на практике трудно себе представить, чтобы британский премьер-министр и французский президент сохраняли независимое право запускать систему в любой момент. Британия и Франция могут думать над расширением сотрудничества, и я полагаю, у них достаточно точек соприкосновения во внешней политике и обороне с тем, чтобы продвигаться в данном направлении. Но не думаю, что мы сможем достичь существенного успеха в объединении потенциалов.

А. Соловьев: Меня зовут Андрей Соловьев, я студент МГИМО. Мой вопрос может показаться наивным, но мне хотелось бы уточнить для себя процесс ядерного разоружения. При постепенном сокращении ядерных боеголовок сокращается ядерный потенциал государства. Но государство, обладающее ядерным оружием, одновременно является и хранителем технологии создания ядерного оружия. При необходимости в короткие сроки такое государство способно восстановить ядерный потенциал. Если это так, то какой смысл в ядерном разоружении, в затратах, ему сопутствующих?

Р. Берт: Позвольте дать очень простой ответ. Когда историки станут изучать последнюю половину XX века и посмотрят на наращивание ядерного вооружения, которое происходило в США и России, они скажут: «Эти люди были сумасшедшими». Когда я начал работу в правительстве в 1980 году, у США и Советского Союза на тот момент было более чем по 20 тысяч ядерных единиц. Мы разрабатывали планы, в рамках которых направляли сотни боеголовок на те или иные города, пытаюсь найти новые цели вследствие переизбытка ядерных вооружений. Вот вопрос, не обсуждавшийся на такого рода конференциях: способны ли мы это воспринимать как само собой разумеющееся? Мы уже сократили количество вооружений, потому что согласны с требованиями Договора, поскольку военный истеблишмент

не смог найти надлежащее применение для такого рода вооружений. Его находят слишком дорогим и не способным поддерживать инфраструктуру. Обе наши страны начали предпринимать существенные односторонние сокращения. У нас и сегодня нет существенных разногласий в отношении мировой стабильности. Мы не соглашаемся по тем или иным отдельным вопросам, допустим, по Сирии или в отношении того, насколько сильное давление нужно оказывать на Иран. У нас разные приоритеты в той или иной области национальной безопасности. Но когда у нас еще сохраняются тысячи ядерных единиц, чтобы многократно разрушить наши города, было бы большой ошибкой не воспользоваться возможностью показать, в каком направлении нужно двигаться, другим странам.

Через 20 лет вы будете вовлечены в процессы принятия решений. Не знаю, останется ли к тому времени у США и России большое количество вооружений. Но сегодня нужно понять, как жить с остальными ядерными державами. Когда я был подростком, разразился Карибский кризис. Нам с трудом удалось избежать ядерного конца света. Сегодня в мире существует более 20 проблемных стран в нестабильных регионах Южной и Северо-Восточной Азии. Как в этих условиях избежать ядерного холокоста? Вот чем мы должны быть озадачены, а не только совместными проблемами России и США. Мы должны иметь в виду интересы всего мирового сообщества.

Д. Блиц: Вернусь к тому, о чем говорил господин Берт. Это очень интересная проблема: что меняется в мире, если мы выходим на серьезный уровень разоружения, а большое количество стран отказываются от ядерного оружия? Ведь существует вероятность того, что одна из таких стран может внезапно ускорить производство ядерного оружия, обладая технологиями и научно-промышленным потенциалом. Это приведет к нестабильности. А что дальше? Именно на такой вопрос эксперты из Global Zero пытаются ответить в своем докладе.

Здесь два момента, которые необходимо осветить. Первый момент. Как только мы переходим на более низкие уровни вооружений, необходим строгий и обязывающий договор между государствами, договор, который регулирует создание и инспекцию расщепляющихся материалов. Надо предусмотреть большое количество механизмов верификации, проверок. И второй момент. Если вы не сопровождаете разоружение укреплением мира между различными игроками в нестабильных регионах, существует вероятность возникновения более нестабильной ситуации. Об этом говорил господин Бен-Ами: необходим дипломатический контекст, который не позволит разногласиям возобладать до того, как вы выйдете на определенный уровень согласия.

В.А. Леонтьев: Теоретически, на определенном этапе разоруженческие меры обратимы. Но, во-первых, это требует значительного времени, во-вторых, это стоит очень дорого. По Договору СНВ отработаны и прописаны процедуры ликвидации ракет, самолетов, пусковых установок. Самолетам необходимо отрезать крылья и хвосты. Как вы понимаете, после этого отремонтировать самолет и опять его поставить в строй просто невозможно. Шахтная пусковая установка обкапывается на определенную глубину, взрывается так называемый оголовок, то есть верхняя часть, снимается защитная крышка, и она засыпается грунтом. Дешевле и проще не восстанавливать ее, а строить новую. То же самое с ракетами: из них выжигается топливо, они прорезаются и пилятся, то есть приводятся в негодность совершенно необратимым образом. Для того чтобы сделать новые, нужно принять политическое решение, нужно найти источники финансирования и производственные мощности.

П. Килье: Отвечая на вопрос, возможно ли в принципе ядерное разоружение, хотел бы процитировать довольно короткий пассаж, который я недавно прочитал. В нем сравниваются рабство и ядерное вооружение. Конечно, это не один и тот же уровень страданий, поскольку, если ядерное оружие будет использовано, это будет гораздо страшнее. Как и в отношении ядерного сдерживания, правами на рабство обладали Соединенные Штаты, Великобритания и Франция. Руководящие классы этих стран поддерживали аморальную установку на то, что рабство является необходимостью и его нельзя отменять. Но рабство в конечном итоге было отменено, потому что смелые политики Франции, Соединенных Штатов и Великобритании многое сделали для того, чтобы мобилизовать общественное мнение. Мне кажется, что здесь есть аналогия с ядерным сдерживанием. Мы должны полностью с ним распрощаться, перейти на другие концепции безопасности, если мы хотим сохранить нашу экосистему и обеспечить выживание нашей планеты.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ ЯДЕРНОГО ТЕРРОРИЗМА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

БЕРДЕННИКОВ ГРИГОРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, посол по особым поручениям МИД России

Обозначу наши основные позиции в области нераспространения. Вы слышали, что сегодня утром прозвучали две противоположные точки зрения на Договор о нераспространении ядерного оружия. Первая заключалась в том, что договор — это бумажка, а вторая, что это — золотой фонд, проверенный временем документ, основа режима нераспространения. Официальная точка зрения России, конечно, вторая. Я, поскольку являюсь представителем России, буду придерживаться этой точки зрения.

Мы считаем, что ДНЯО является краеугольным камнем международного режима нераспространения. В договоре сейчас участвует 190 государств, и это рекорд. Других таких договоров в этой области не существует. Договор не подписали только Израиль, Индия и Пакистан. Кроме того, о выходе из договора в свое время заявила Корейская Народная Демократическая Республика. Однако многие государства исходят из того, что выход был оформлен неверно с юридической точки зрения. Договор, как мне кажется, — это небольшое чудо, которое было возможно только в тот период, когда оно было разработано. Договор, как вы знаете, объединяет и государства, обладающие ядерным оружием, и государства, не обладающие ядерным оружием, которые внутри этого договора взяли на себя разные обязательства. Этот уникальный договор, на наш взгляд, должен быть обязательно сохранен.

Конечно, к нему могут быть определенные претензии. Например, в нем есть статья 5 о мирных ядерных взрывах, которые не проводятся и, надеюсь, не будут проводиться. Кроме того, в нем есть перечень ядерных держав, который уже на практике не соответствует реальности. Но внести какие-либо изменения, мы в этом совершенно убеждены, нет никакой возможности, потому

что его ратифицировали 190 стран, а любая поправка потребует ратификации. То есть, по существу, мы получим развал договора, если будем вносить в него поправки. Некоторые государства ратифицируют, некоторые — не ратифицируют, и мы получим разные договоры для разных стран.

Россия полностью выполняет все свои обязательства по договору, и мы призываем другие страны поступать таким же образом. Мы за то, чтобы все ситуации, связанные с вопросом соблюдения договора, решались мирными средствами, путем переговоров, включая, разумеется, и иранскую, и северо-корейскую ситуацию.

За 42 года после вступления договора в силу были совершены значительные шаги по выполнению его знаменитой статьи 6, которая, я напомним, гласит: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». Упомянутая в этой статье цель, прекращение гонки ядерных вооружений в ближайшее время, на наш взгляд, уже достигнута. Гонка ядерных вооружений прекращена. Сейчас главная забота состоит в том, чтобы она не началась вновь. Осуществляется — пока, правда, только на основе двусторонних российско-американских соглашений — и существенное сокращение ядерных арсеналов. На основе нового соглашения по СНВ к 2018 году арсенал России и США опустится до уровней начала 60-х годов, то есть до периода, предшествующего заключению Договора о нераспространении ядерного оружия. Таким образом, мы движемся по пути к ядерному разоружению, как это и сказано в статье 6. Что касается дальнейших сокращений, и здесь об этом уже много говорили до меня, такие сокращения следует рассматривать в контексте учета всех факторов, влияющих на глобальную стабильность, таких как развертывание системы стратегической ПРО, появление стратегического оружия в неядерном исполнении, дисбаланса в области обычных вооружений и так далее. И, конечно, в таком движении должны принимать участие все ядерные державы.

Главной задачей ближайших лет до обзорной конференции по ДНЯО 2015 года мы считаем вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который был подписан в теперь уже далеком 1996 году и который президент Клинтон, как вы знаете, назвал главным призом в области ограничения вооружений. Надеемся, что сейчас, после переизбрания президента Обамы на второй срок, ратификация этого договора с Соединенными Штатами наконец-то состоится. Напомню, что именно ДВЗЯИ всегда рассматривался во многих международных документах как главное требование со стороны неядерных стран к ядерным державам.

Уверены, что ратификация договора в США (Россия его ратифицировала еще в 2000 году) была бы значительным вкладом в создание благоприятной атмосферы для успеха обзорной конференции 2015 года.

Россия поддерживает развитие мирного использования ядерной энергии, разумеется, при соблюдении нераспространенческих обязательств по ДНЯО. Поддерживаем также развитие системы гарантий МАГАТЭ на основе объективных подходов и с учетом юридических обязательств сторон Соглашения о гарантиях. Этот инструмент должен вызывать уважение и доверие у всех заинтересованных сторон. Считаем, что Соглашение о гарантиях и дополнительный протокол должны стать международным стандартом и нормой в этой области путем их универсального принятия и применения.

Поддерживаем многосторонние подходы к ядерному топливному циклу. В России на основе одобренного Советом, управляющим МАГАТЭ, соглашения между Россией и агентством, создан и функционирует гарантийный запас низкообогащенного урана в Ангарске, который может быть задействован для обеспечения ядерным топливом тех стран, которые испытывают трудности при получении низкообогащенного урана для своих АЭС по неэкономическим обстоятельствам. Мы также делаем все необходимое, чтобы было выполнено решение предыдущей обзорной конференции о проведении в 2012 году международной конференции по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки. Как раз сегодня в Брюсселе проходит важная встреча спецкоординатора конференции, финского заместителя министра иностранных дел, с представителями секретариата ООН и государств-депозитариев ДНЯО по вопросам, связанным с созывом этой конференции. Надеемся, что на этой встрече будет принято важное и позитивное решение.

**САФОНОВ АНАТОЛИЙ ЕФИМОВИЧ,
вице-президент ЗАО «Русатом Оверсиз»,
генерал-полковник**

Ведущие, открывая сегодняшнее мероприятие, сразу назвали категории мечтателей и реалистов. По возрасту и биографии меня трудно отнести к категории мечтателей. Но тем не менее я еще не потерял некоторые надежды — естественно, применительно к сегодняшней повестке. Поэтому, так или иначе, буду балансировать, придерживаясь этих двух категорий, потому что примеры есть и те, и другие. Вначале о грустных реалистах. В середине прошлого века великий Эйнштейн произнес достаточно грустную фразу о том, что расщепить атом оказалось легче, чем изменить сознание людей. Время показало, что

актуальность этого выражения не уменьшилась. Скорее наоборот. И все-таки фактор надежды, фактор взгляда в будущее, на человечество, всегда остается. Для меня наглядным примером этот фактор сработал в 2001 году, после сентябрьских событий. Настолько это время было спрессовано не только надеждой, но и желанием превратить эту надежду в результат. И это было глобальным измерением, потому что охватывало и объединяло и политиков, и простых граждан. И в этом плане политикам было легко. Но легко было и гражданам, потому что они чувствовали, что их воля оплодотворится.

К сожалению, это недолго длилось. Тем не менее я во многом живу под впечатлением этого события. Оно случилось 11 сентября, а 25 сентября мы с Игорем Сергеевичем Ивановым уже были в Брюсселе на первой сессии НАТО, посвященной терактам. Более того, за 10 дней в России был учрежден в Министерстве иностранных дел пост заместителя министра по этим вызовам. Кстати, очень многие государства пошли по такому же пути, и в ведущих странах были введены должности национальных координаторов. Уже 2-го или 3-го октября в Москву прилетела большая группа специалистов по антитеррористической деятельности, несколько десятков высокопоставленных чиновников Соединенных Штатов. Мы в течение короткого времени приняли буквально прорывные решения. Помню, как один из генералов военной разведки Соединенных Штатов подошел и сказал: «Я иногда не понимаю, где я нахожусь. Дергаю себя за ухо. Не мог представить, что мы будем за одним столом смотреть на карты, за которыми охотились десятилетиями, будем обсуждать проблему Афганистана». Этот эпизод — тоже свидетельство того, что именно к этому времени глобальная активность дала результаты. Это были не просто открывшиеся возможности, а результативная, напряженная работа.

Везде, начиная с ООН и кончая региональными и национальными организациями, были созданы антитеррористические структуры. Причем это были авторитетные структуры, укомплектованные лучшими специалистами. В российско-американской группе была сразу создана подгруппа по борьбе с ОМУ-терроризмом, то есть терроризмом, предполагающим возможность использования оружия массового уничтожения. И особенно активно она работала после того, как войска коалиции вошли в Афганистан и нашими партнерами были добыты документальные свидетельства о том, что «Аль Каида» имела целенаправленные разработки, специалистов и активно разрабатывала планы получения и нанесения ядерных или иных ударов.

Упомяну еще одно прорывное решение. К тому времени уже несколько лет лежали на столе две конвенции, касающиеся терроризма — российский вариант Конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма и индийский вариант Всеобъемлющей конвенции по терроризму. Они безнадежно застряли. Столько противоречий было, начиная от определений и кончая

многими другими вопросами. Но именно в это время поработали все. Прежде всего, мы до сих пор признательны нашим партнерам в Европе и особенно Соединенным Штатам, третьим странам. И мы приняли эту Конвенцию по борьбе с актами ядерного терроризма. Это первая конвенция, когда не после событий, а превентивно рассматривается угроза такого масштаба.

Конечно, стоит напомнить и о глобальной инициативе по борьбе с актами ядерного терроризма, которая тоже родилась благодаря совместным усилиям России и США. Сегодня к ней присоединилось уже более 80 стран. Проходили также саммиты по ядерной безопасности. Условно говоря, последнее десятилетие можно разделить на три этапа. Консолидированная, активная работа шла примерно до 2005 года. После 2005 года график подъема вышел на ровное сотрудничество, которое продолжалось до 2008 года. После известных событий в Закавказье мы наблюдали спад. Сейчас снова появилось некоторое выравнивание.

Хотелось бы остановиться на августовских событиях 2008 года. Поговорим о том, как важно сотрудничество и понимание тематики. С моим партнером, национальным координатором США, а в то время это был Делл Ли Дейли, опытный боевой генерал, у нас уже было несколько встреч, и мы заранее договорились встретиться в Мюнхене для частного обсуждения очень важных вопросов. Но происходят августовские события. Я звоню генералу, чтобы обговорить технические детали нашей встречи, и понимаю, что встреча пробуксовывает. Мы не получаем подтверждения. Лишь буквально в день отъезда приходит подтверждение, что коллега едет. При встрече он мне откровенно сказал: «Знаешь, Анатолий, мне настоятельно рекомендовали в Госдепе не ехать». Я спрашиваю: «Как же ты приехал?». Делл Ли Дейли так ответил: «Я сказал: меня назначал Конгресс. Я генерал. И сознаю меру ответственности. Если я дал слово и знаю, что еду не для протокола, я поеду, хотя вы можете мне запретить». Вот то, чего нам не хватает иногда для ответственных шагов. Казалось бы, мелочь, которую можно отнести к протоколу, но это, на самом деле, позиция.

Что касается терроризма и ОМУ — это два понятия, два больших фактора, огромных и объемных вопроса, и каждый сам по себе сложен. Вместе же они сливаются в гремучую смесь. В этой связи тоже приведу конкретный пример. Году, наверное, в 1997–1998-м я прочитал интересную оценку ЦРУ, послание Президенту, в котором была буквально следующая фраза: «В ближайшие 3–4 года территория Соединенных Штатов подвергнется террористической атаке с применением оружия массового уничтожения». Это 1997 год! Потом, находясь в Вашингтоне, я беседовал с авторами этого прогноза. «Как же так? Вы отгадали, полностью написали сценарий. Несмотря на то, что 11 сентября не было применено оружие массового уничтожения, по своей психологической, разрушительной, информационной нагрузке

это вполне сопоставимо». Они говорят: «Ты знаешь, очень сложный вопрос, но, скорее всего, он лежит в плоскости «сущее и должное». Мы подразумевали, что это может быть, но никогда не думали, что произойдет».

Очень многие политические деятели за это десятилетие по-разному оценивали вероятность и возможность ядерного терроризма. Часть из них говорили очень красивую фразу, что ядерный терроризм переместился из плоскости «если» в плоскость «когда». То есть смирились. И тем самым тоже подтолкнули к этой черте «сущего». Мне кажется, что в целом сообщество отреагировало на угрозу ядерного терроризма достаточно адекватно.

В заключение буквально два тезиса. Первый. Конечно, мир становится меньше. Понимание этой аксиомы заставляет нас подойти к следующему тезису: понимая, что становится меньше, мир должен становиться безопаснее. Скорее всего, это произойдет через муфтовое соединение — вначале он станет опаснее. Потому что, становясь меньше, он становится новым, настороженным. Требуется время и усилия для того, чтобы он стал безопасным. Иначе у нас впереди полная неопределенность. Опять-таки, сошлюсь на авторитеты. Великий Ферми, по-моему, в 1948 году выступал в Лондоне перед студентами. Его спросили: «Почему мы не получаем из космоса, из Вселенной сигналы от другой цивилизации?» Ферми дал такой грустный ответ: «Одно из двух: либо мы одни во Вселенной, либо любая цивилизация, технологически овладевшая возможностью подать этот сигнал, самоуничтожается».

Но мы все-таки двигаемся к прогрессу, к технологическим возможностям. Понимая малость мира, мы уже работаем не только на свои национальные правительства, но, сотрудничая, поднимаем планку. Это огромная ответственность, и я искренне хочу пожелать всем нам в России надежды. Это я говорю и для международного сообщества. В России на протяжении многих десятилетий очень популярна одна песня. Особенно ее любят космонавты. Это песня о надежде. Там есть замечательные слова: для того, чтобы получать иногда «радости скупые телеграммы», надо быть спокойным и упрямым. Спокойным — чтобы идти к цели, а упрямым — для того, чтобы ее достичь.

**МУСАВИАН СЕЙД ХУССЕЙН,
руководитель комитета по международным
отношениям Совета по национальной
безопасности Ирана (1997–2005 гг.)**

Я твердо верю, что ДНЯО является краеугольным камнем системы нераспространения. Вместе с тем нам предстоит еще многое сделать для того, чтобы реализовать три основные цели ДНЯО. Первая цель, которая была

прописана, — это разоружение. Но через 40 лет после принятия ДНЯО у нас по-прежнему существует более 20 тысяч боеголовок. Вторая цель — это нераспространение. Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея на самом деле заняты распространением ядерного оружия. И третья цель — развитие мирных ядерных технологий для всех подписантов Договора. Иран борется за использование мирного атома, но его право на подобное использование оспаривается Западом на протяжении многих лет. Иранская проблема увязана с двумя проблемами, прописанными в ДНЯО: это нераспространение и мирное использование ядерных технологий. Организаторы конференции, Российская Федерация и Global Zero, верят в дипломатические усилия. Однако вопрос заключается в следующем: как можно добиться успеха на дипломатическом поле при разрешении данного кризиса? Прежде всего, я не думаю, что Иран следует считать угрозой № 1 для процесса нераспространения, поскольку у Ирана нет ядерного оружия. Иран является страной, подписавшей ДНЯО. Существует международный консенсус, и даже США и национальная разведка США полагают, что у Ирана нет ядерной бомбы. Более того, нет и решения о создании ядерной бомбы. МАГАТЭ после 4 тысяч инспекций подтвердило, что нет никаких признаков того, что мы отклонились от заявленных целей. Почему Ирану угрожают военным ударом, мне до сих пор непонятно.

Но для того чтобы добиться истинного успеха на дипломатическом направлении, необходимо отвергнуть старые подходы. Призыв к военному удару, вне всякого сомнения, лишь усложнит дипломатические усилия. Положительным является тот факт, что на Западе существует консенсус о катастрофических последствиях войны против Ирана. Принимая во внимание мнение большинства о последствиях военного вмешательства, правительство Нетаньяху в Израиле выступает против войны, но проблема в другом аспекте — в политике двойных стандартов «Большой пятерки + один». С одной стороны, здесь верят в дипломатию и давление, но на практике, особенно западные державы, концентрируются в 90 процентах случаев на давлении, и всего лишь в 10 процентах — на дипломатии.

Санкции, с моей точки зрения, являются контрпродуктивными. Нельзя убедить Иран с помощью санкций. В 2003–2005 годах мы занимались проблемой, и господин Игорь Иванов очень активно принимал в этом участие. Не было никаких санкций, когда мы сотрудничали. Иранское дело не рассматривалось в Совете Безопасности ООН. Ирану не угрожали ни военный удар, ни санкции. На тот момент мы имплементировали соглашение «3+1», мы предоставили доступ инспекциям МАГАТЭ, даже выходя за пределы положений протокола. Мы даже приостановили обогащение урана на некоторое время. Что произошло в промежутке между тем днем, когда иранское

досье было представлено на рассмотрение ООН и когда были приняты санкции? Иран научился повышать степень обогащения с 3,5 процента до 20. Получено 7000 килограммов урана, обогащенного до 3,5 процента, и почти 200 килограммов урана, обогащенного до 20 процентов. На обогащение работает почти 10 тысяч центрифуг. Вот результат всех санкций и давлений, которые оказываются на Иран.

Поэтому я не считаю, что санкции — верный инструмент. Для того чтобы достичь успеха в дипломатии, необходимо помнить: это не правовой, а политический аспект. Вот пример. Индия, Пакистан, Израиль поддерживают стратегические отношения с «Большой пятеркой», с постоянными членами Совбеза и в то же время не являются членами ДНЯО. Но у них есть тем не менее ядерное оружие. Почему? Ведь они, повторяю, не входят в число стран — подписантов ДНЯО. Эта парадоксальная ситуация объясняется природой политических отношений. А Северная Корея входила в число стран, подписавших Договор. Она вышла из ДНЯО и провела испытания ядерной бомбы. Иран является членом режима ДНЯО и не обладает бомбой, но давление на него со стороны постоянных членов Совбеза значительно выше давления на Северную Корею. А почему? Опять проявляется природа политических отношений между Ираном и США, с одной стороны, и Ираном и Израилем, с другой стороны.

Наконец, существует наиболее очевидная причина. На протяжении всего правления шаха Иран был американским союзником, и США решили помочь становлению ядерного Ирана. Они предложили построить в нашей стране 23 ядерных электростанции. Первый реактор был построен в 1967 году американцами. В 1976 году Генерал Форд, президент США, издал директиву, позволяющую Ирану осуществлять полный топливный цикл, в том числе обогащение. Европейцы соревновались с Соединенными Штатами в сфере нуклеаризации Ирана. Франция, например, подписала соглашение с Ираном по обогащению на 1,2 миллиарда долларов. Европа добивалась расположения Ирана и выгодных проектов в сфере ядерных технологий. Но как только в Иране произошла революция, изменился характер политических отношений с Соединенными Штатами, и они прекратили всякое сотрудничество в данной сфере. США и западные страны теперь отказывались признавать право Ирана на обладание даже таким единственным гражданским ядерным объектом, как атомная электростанция.

Как видим, нужна новая политика. Не политика двойных стандартов, которая практикуется постоянными членами Совбеза, а двойная политика. Она должна заключаться в следующем. Первое направление — сотрудничество между членами Совета безопасности по ядерным вопросам, а второе — сотрудничество между Ираном и США по более широким вопросам.

Если восторжествует враждебность между США и Ираном, я сомневаюсь, что восторжествует дипломатия. В двусторонних отношениях необходимо обсуждать то, что не получается обсуждать в формате «Совбез + 1». Мандат постоянных членов Совбеза позволяет рассматривать ядерные проблемы, не так ли? Президент Обама выиграл выборы, и, я думаю, он в меньшей степени связан какими-то обязательствами, а потому будет более заинтересован в заключении соглашения с Ираном. Какими видятся элементы такого соглашения? Через месяц, если я не ошибаюсь, пройдет следующий раунд переговоров. Необходимо прийти к согласию в отношении пакета мер. Иранцы хотят увидеть их конечную цель. Поэтому нельзя пользоваться огульным подходом, нужно по частям все рассматривать. Пакет нужно изменять постепенно, пошагово, на основе пропорциональной взаимности.

Иранцам необходимо принять свои меры. Первый комплекс мер связан с обеспечением прозрачности. Можно провести серьезное обсуждение с постоянными членами «Совбеза + 1» по операционализации, допустим, FATF по ОМУ, по другим вопросам. Под этим зонтиком Иран может пойти до самого конца. Нужно выработать соглашение по гарантиям или дополнительный протокол. У FATF нет ограничений по прозрачности. Применение дополнительного протокола и дополнительных договоренностей станут своего рода мерами, которые Иран должен также принять для обеспечения прозрачности.

Второй набор мер, который должен принять Иран, — это, допустим, ограничение обогащения до 5 процентов. Это инициатива по отсутствию хранения запасов ядерного материала. Лучше всего материалы экспортировать, либо превращать их в паллеты. Тогда можно говорить, что никакой угрозы из Ирана не исходит, что существующие ядерные материалы не могут быть приспособлены для военных целей. Все эти меры Иран готов осуществить при условии пакетного соглашения. При этом постоянные члены Совбеза должны быть готовы признать законные права Ирана на обогащение и снять, пусть и постепенно, санкции. Если Европа не готова пойти на эти шаги, иранцы не смогут проявить готовность обсуждать более широкий пакет ядерных соглашений.

**ХЛОПКОВ АНТОН ВИКТОРОВИЧ,
Директор Центра энергетики и безопасности,
главный редактор журнала «Ядерный клуб»**

Я бы хотел продемонстрировать несколько примеров политизации иранского вопроса. Нравятся они нам или нет, не следует их забывать. Достоверно известно, что Иран участвовал в качестве наблюдателя как минимум в

одном ядерном испытании. Но мало кто знает, в каком именно. А ведь это было ядерное испытание в США. При шахе, естественно. Иран в качестве наблюдателя участвовал в ядерном испытании недалеко от Маршалловых островов. Это сегодня можно узнать из архивов Новой Зеландии, поскольку ее представители участвовали в том испытании, описали, как все происходило. Это факт государственного архива, а не выдумки желтой прессы.

Надо помнить, как началась незадекларированная деятельность Ирана в ядерной сфере. Она началась при шахе. Тогда были созданы первые лаборатории, у которых не было никаких ограничений, они находились под гарантиями. И первые проекты в области обогащения и средств доставки — опять же не задекларированные ни перед кем — Иран осуществлял ни с кем-нибудь, а с Израилем. Было два проекта: один по обогащению урана, другой по средствам доставки, который, согласно архиву, мог нести ядерный боезаряд. Это ныне рассекреченная запись беседы заместителей и руководителей оборонного ведомства Ирана и Израиля.

И последний пример. Недавно наш центр, который достаточно много работает с архивными материалами по иранской тематике, опубликовал доклад о том, как начиналась программа ядерного обогащения Ирана. Так вот, когда была создана соответствующая лаборатория в Тегеранском центре, в числе первых ученых, принятых туда на работу в конце 1970-х годов, были американец, израильтянин и два иранца. Так начинались исследования Ирана в области ядерного обогащения. Мы это должны помнить, предлагая сегодня возможные решения кризиса, который, безусловно, вызывает озабоченность и здесь, в Москве. Появление ядерного оружия у Ирана, если программа реализуется, станет дестабилизирующим фактором на Ближнем Востоке, что, безусловно, не отвечает национальным интересам Российской Федерации.

**ПАЙФЕР СТИВЕН,
Директор инициативы по контролю над
вооружениями Института Бруггингс,
бывший Чрезвычайный и Полномочный
Посол США**

Позвольте сконцентрироваться на трех аспектах. Полагаю, для администрации Обамы в области нераспространения приоритетом должна стать попытка выйти на резолюцию по Ирану. Это очевидно. Если Иран получит ядерное оружие, это будет примером для Египта, Турции и Саудовской

Аравии. Можно представить ситуацию в регионе, когда там появятся четыре, а то и пять ядерных держав. Такую ситуацию не назовешь кроме как чрезвычайно опасной. С точки зрения нераспространения есть лишь одна четкая позиция: необходимо найти такой выход из проблемы, при котором Иран остался бы без ядерного оружия.

Теперь несколько комментариев к выступлению Посла. Есть более простое объяснение того, почему существуют санкции в отношении Ирана и отсутствуют в отношении Северной Кореи. Речь идет не только о враждебности США по отношению к Ирану. Вне всякого сомнения, у нас не было и не может быть и дружеских отношений с Северной Кореей. Но между Кореей и Ираном есть существенные различия. КНДР — очень закрытая страна, и, по заключению большинства экспертов, единственный способ оказать давление на Северную Корею — ввести санкции со стороны Китая, поскольку остальные державы не имеют на нее никакого влияния. Иран же более интегрирован в мировую систему, и это дает возможность Западу применять санкции в отношении этого государства.

Что вызывает беспокойство на Западе? Прежде всего, нет ясности в отношении намерений Ирана в сфере обогащения. Программа началась в то время, когда он закупал западные реакторы для «Бушер», а россияне были готовы частично поставлять топливо. То есть не было понятно, для чего предназначалось топливо. И другой момент, вызвавший вопросы в отношении намерений Ирана. Он не заявлял о существующих объектах для обогащения, пока об этом не заговорили западные источники.

О пакете мер, который упомянул господин Посол Мусавиан. Это очень хороший пакет для разрешения кризиса. Я бы не хотел говорить от имени правительства США, но, если Иран готов ограничить обогащение по тем показателям, которые назвал господин Мусавиан, готов экспортировать основную часть материала, это стало бы хорошей основой для переговоров. Сложно будет отрегулировать временные рамки постепенного процесса со стороны Ирана и контроль со стороны западных стран. Но есть еще один вопрос, который необходимо упомянуть: готов ли Тегеран принять предложения, подобные тем, о которых говорил господин Мусавиан?

Второй момент в отношении приоритетов господина Обамы. Надо сделать все, чтобы не допустить попадания ядерных материалов в руки террористов. Сдерживание не работает в отношении такого рода групп. Когда мы говорим о террористах, нередко мы даже не знаем, где они находятся. Группы вроде «Аль-Каиды» невозможно остановить никаким образом. То есть основные усилия администрации в контексте ядерной безопасности будут направлены на то, чтобы усилить меры по контролю запасов плутония. Конечно же, необходимо добиваться более активного сотрудничества

между Россией и США, которое шло на спад последние два года. США и Россия обладают большим опытом, который приобретен в 1990 годы в области сокращения вооружений, развития механизмов контроля над ядерными материалами. Я думаю, что наши государства могут работать более тесно, чтобы установить, так сказать, золотые стандарты сотрудничества для других стран.

Третий момент — уже по поводу выступления господина Берденникова. Действительно, если страна отказывается от испытаний, это было бы победой в сфере нераспространения. Это должно стать личным приоритетом президента. Доверие к Америке станет только расти, если она перестанет проводить ядерные испытания. С точки зрения верификации, это даст возможность США и другим странам быть уверенными в том, что любое ядерное вооружение будет обнаружено. Полагаю, что администрация США поделится своими соображениями с Сенатом, чтобы выйти на какое-то соглашение. Сенатор Кайл уходит в отставку. А он отвечал за договор о полном запрещении испытаний. Нужно сказать, что большинство экспертов считает, что в отношениях с Конгрессом останутся сложности, когда Договор о всестороннем запрещении ядерных испытаний будет представлен на ратификацию. Необходимо очень тщательно считать голоса, иначе всем нашим усилиям грозит провал.

Вот в каких направлениях, я думаю, администрация продолжит свою работу. Надеюсь, господин Обама сформулирует свои приоритеты на второй срок без каких-либо задержек. Думаю, он сможет оставить политическое наследие, которым мы будем гордиться после его ухода в отставку по истечении срока его полномочий.

БЕН-АМИ ШЛОМО,
министр иностранных дел Израиля
(2000–2001 гг.),
министр национальной безопасности Израиля
(1999–2000 гг.)

Поскольку Израиль присоединился к этим усилиям, мы никогда не действовали в качестве страны, которая занимается распространением оружия. Единственное в регионе сотрудничество в этой области — между Иорданией и Израилем. Мы помогаем соседям выбрать надлежащее место для выработки ядерной энергии в мирных целях. Это часть добрососедского сотрудничества, которое существует между Израилем и Иорданией. Помимо

этого можно, конечно, справедливо критиковать израильскую стратегию непрозрачности в этой области, однако позвольте мне поразмышлять, могу ли я вам представить и хорошую сторону.

Конечно же, это является целью многих арабских государств, поскольку это работает не против распространения, это своего рода алиби для арабских режимов — не развивать ядерный потенциал собственной страны. Представьте ситуацию, в которой Израиль открыто говорит: «Да, мы являемся ядерной державой, мы имеем все, о чем говорит международная пресса». Тогда нашим соседям будет трудно противостоять давлению общественного мнения и отказаться от получения ядерного оружия. Поэтому, так или иначе, в интересах этих режимов не начинать этот длительный и дорогостоящий процесс, который приведет к получению ядерного статуса.

Ответственное поведение Израиля по ядерному вопросу можно также усмотреть, когда мы признаем, что такие потенциалы существуют. Возьмем войну Йом Кипур, которая вызывала существенную обеспокоенность в Израиле, когда страна была застигнута врасплох. Сирийская армия подошла очень близко, буквально разделила страну пополам. А египтяне пересекли канал, и существовала возможность, что они пойдут через пустыню, поскольку им никакая армия не препятствовала. Министр обороны, на тот момент господин Даян, пришел к Голде Меир, премьер-министру, и сказал, что это — конец третьего храма. Напомню, это связано с историей Израиля. Мы — единственная нация в мире, государство которой, согласно истории, разрушалось дважды. Выражение «конец третьего храма» означало, что нам необходимо перейти к другим способам защиты страны. И, конечно же, Голда его урезонила. Опять-таки, это еще один пример ответственности Израиля, когда мы говорим о ядерном оружии.

Есть два направления, так сказать, две школы по ядерной проблеме в Израиле. Первое направление — когда выступают против ядерной стратегии страны. Его возглавляли такие лидеры, как Рабин. Перес принадлежал к другому направлению. Те, кто принадлежал к направлению, выступающему за создание стратегии ядерной непрозрачности, не хотели занимать арабские земли, они не стремились к территориальному захвату, но полагали, что нам необходимо пользоваться другими способами получения преимущества. Рабин придерживался милитаристских взглядов и полагал, что можно достичь того, что назвалось освенцимской границей 1967-го года, чтобы воспользоваться ядерной возможностью. Именно об этой возможности я говорил раньше в докладе. Мирный договор крайне важен. Он помогает изгнать из нашего ума самую возможность создания ядерного компонента.

Теперь я хотел бы перейти к иранскому аспекту. Господин посол Му-савиан высказал очень разумные идеи. Я понимаю, почему Иран с его

тысячелетней историей, с таким научным потенциалом спрашивает: почему двойные стандарты, почему к Индии один подход, к Пакистану другой? У Индии существует договор с США, согласно которому с Индией можно торговать ядерными ноу-хау, хотя она не подписывала ДНЯО. Так почему к Пакистану, к Израилю другой подход?

Контекст важен, господин посол. Индия вдруг становится ядерной сверхдержавой. Беназир Бхутто где-то в 1960-х годах сказала, что «Пакистан будет есть траву, чтобы соответствовать потенциалу Индии». Нам надо смотреть на конкретную ситуацию, контекст. Вот две страны, которые противостоят друг другу в вопросах жизни и смерти, по крайней мере, в их представлении.

Что же касается Ирана, то мы слышим, что он развивает ядерный потенциал то ли для гражданских целей, то ли для военных. Между тем, есть доказательства того, что Иране выходит за пределы гражданского использования ядерной энергии. Возникает вопрос: зачем? Напомню, что в умах многих граждан этой страны сидит параноидальная идея: Израиль нужно разрушить. Сколько раз Ахмадинежад делал подобные заявления! Это напрямую провоцируется политиками типа Нетаньяху в Израиле. Барак Обама, например, не думает, что Иран представляет экзистенциальную угрозу. Стратегическую угрозу — да. Но стратегическую угрозу можно решить либо обычными видами вооружения, либо через дипломатию. А если появляется экзистенциальная угроза, сразу же вспоминается Гитлер и Германия. Экзистенциальная угроза вытекает из политической философии Нетаньяху. В 1999 году глава Моссада Леви сказал мне, что если Иран станет ядерной державой, мы не сможем помешать этому. Сейчас важно быть первым.

Я думаю, что, с точки зрения иранцев, Израиль — это злостный режим. Мы друг на друга смотрим через испорченное зеркало, но мы должны снизить накал нашей риторики в отношении друг друга. Взаимоотношения между Ираном и Израилем, по историческим меркам, совсем недавно были вполне нормальными. Давайте не забывать дело «Иран-контрас», мы тогда помогали иранцам в борьбе с Ираком. Разделительная черта возникла не потому, что установился режим Хомейни. Я считаю и постоянно говорю об этом: разделительную черту между нашими странами проложили соглашения в Осло в 1993 году. Эти соглашения радикально изменили ситуацию, стали открываться наши посольства в Марокко, Тунисе, Омане, в странах Персидского залива, мы стали частью региона. Но Иран в те годы сделал все, чтобы сорвать прогресс в наших взаимоотношениях.

О санкциях. Мы не хотим быть жесткими, и я не думаю, что режим санкций полезен. Формат «пять плюс один» и мировое сообщество в целом должны разграничить проведение переговоров и применение санкций.

Мне кажется, что санкции приводят только к конфронтации, а не наоборот. Та же ситуация с распространением. Оно может быть результатом военного столкновения с Ираном, которое подтолкнет дальнейшее распространение ОМУ. Иран рассматривается как страна, которая пытается создать ядерное оружие и укрепить свою стратегическую гегемонию. Современный арабский мир чрезвычайно изменился. Здесь больше нет дружественного для Израиля режима Мубарака в Египте. Никто не знает, чем закончится противостояние в Сирии. Режим в Иордании, честно говоря, тоже достаточно неустойчив. В этой штормовой ситуации, когда непонятно, кто завтра уцелеет, нельзя ожидать спокойной реакции арабских стран на вмешательство Израиля и западных держав, которые мешают им получить продвинутое технологии. Когда мы говорим о распространении ядерного оружия, то оставляем за скобками Северную Корею. А ведь она сыграла большую роль в попытках Сирии развернуть ядерную программу. КНДР очень активно экспортирует ракетную технологию в Иран. Это лишний аргумент в пользу необходимости вовлекать Китай в динамику развития переговоров между США и Россией о сокращении ядерных потенциалов.

ПОЛЕМИКА

В.Е. Новиков: Владимир Новиков, заместитель начальника отдела оборонной политики Российского института стратегических исследований, специалист в области нераспространения ядерного оружия и борьбы с угрозой ядерного терроризма. У меня два вопроса к Анатолию Сафонову. Когда вы говорили, как хорошо работалось с нашими западными коллегами, то у неспециалиста законно появляется вопрос: какое еще трагическое событие должно произойти, чтобы мы снова так же эффективно работали? И второе. Говоря о ядерном терроризме, по-моему, важно четко пользоваться понятийным аппаратом. Ядерный терроризм — это общий термин. А есть конкретная угроза — создания самодельного ядерного взрывного устройства. Не кажется ли вам, что настало время для экспертов, знающих проблему не из газет, ответить на вопрос: возможно или невозможно самодельное ядерное взрывное устройство? А если возможно, то не следует ли тогда сконцентрировать силы на противодействии созданию «грязной бомбы»?

А.Д. Чеков: Александр Чеков, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО. Мой вопрос адресован, в первую очередь, господину Сафонову. Но, может быть, на него захочет ответить господин Берденников. Анатолий Ефимович, вы подробно осветили

потенциал сотрудничества, который был заложен между Россией и Соединенными Штатами Америки после событий 11 сентября. В первую очередь, в области борьбы с терроризмом и с распространением оружия массового уничтожения. Мой вопрос звучит так: был ли в российской политике в тот момент расчет, что углубление сотрудничества в этих сферах автоматически повлечет за собой углубление сотрудничества в области противоракетной обороны и сокращения стратегических наступательных вооружений? Реакция России на выход США из договора по ПРО в 2002 году была мягче, чем на развертывание новой системы в Европе. Мы тогда не угрожали, что выйдем из договора СНВ и прекратим процесс дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений. Были ли в то время надежды, что прогресс в отношениях автоматически приведет к разрешению спорных вопросов по противоракетной обороне и стратегическим вооружениям?

А.В. Хлопков: Хотел бы добавить свой вопрос Анатолию Ефимовичу и Стивену Пайферу, поскольку Стивен также упомянул проблематику ядерного терроризма как потенциальный приоритет для второго срока администрации Обамы. Анатолий Ефимович, Стив, насколько, на ваш взгляд, достаточны существующие механизмы в области противодействия ядерному терроризму? И по какому пути, в первую очередь, необходимо развивать эту систему? Можно универсализировать то, что создано. К сожалению, существующие конвенции далеко не универсальны, и даже США, которые инициировали саммит по ядерной безопасности, пока не ратифицировали все ключевые документы в этой области. Что делать? Продолжать развивать эту систему, то есть наращивать международные документы в этой области для того, чтобы противодействовать потенциальному ядерному терроризму?

А.Е. Сафонов: Вспомним 1941–1945 годы. Беда сплачивает. А что не должно произойти? Не должна происходить беда, которая стучится в чужие двери. Ощущение беды надо воспринимать из-за малости нашего мира, когда беда стучится к соседу. Несколько десятилетий назад российский космонавт произнес такие первые слова в космосе: «Господи, какая же она маленькая!». Это о нашей Земле. Но от первого одиночного ощущения и до того, чтобы дошло до каждого, требуется время.

Ваши вопросы находятся на уровне каждодневного рефрена: «По ком звонит колокол?», и мы должны спрашивать об этом на каждой дискуссии и тематическом форуме. Исследования самодельной ядерной бомбы провели Институт США и Канады, российско-американская группа «Эльба». Когда говорят специалисты, нужна точность и понимание угрозы ядерного терроризма, имея в виду использование «грязной бомбы».

Был ли расчет на прогресс в отношениях? Интересный вопрос, потому что нет абсолютного ответа. На первой российско-американской встрече в Москве, которую я упоминал, один из руководителей американской делегации в самом начале произнес: «Конечно, мы предлагаем вам сотрудничество, но я понимаю, вы еще не знаете, кто возьмет верх, и вам нужно время для того, чтобы определиться». И мы сразу сказали: «Нам не нужно время. И мы знаем, кто победит. Мы не будем выбирать, это не вопрос выбора». Думаю, эту эмоциональную тональность задал президент. В.В. Путин тогда сказал, что, когда увидел кадры 11 сентября, у него были слезы на глазах — слезы бессилия и сострадания. Поэтому расчета как такового не было. Но когда мы увидели, как это направление набирает энергию, то, действительно, подумали: было бы хорошо эту энергию перенести на другие площадки. Примерно в 2007 году проводилась конференция по терроризму, на которую приехал известный генерал Джеймс Джонс. Он выслушал наше мнение о терроризме и озабоченности по ПРО и сказал: «Я это внимательно изучу». Вскоре он стал помощником президента США по национальной безопасности. И именно под его руководством был составлен доклад, который, по сути дела, стал сигналом к перезагрузке. Другое дело, что это не принесло больших результатов. Но мы используем сотрудничество по антитеррору как формат для достижения договоренностей и в других областях.

По поводу достаточности механизмов. Мне кажется, они достаточны, хотя ничего не стоит на месте. Сегодня достаточны, а завтра придется их развивать. Это жизнь. Мы с американским коллегой возглавляли в составе нашей большой группы подгруппу по борьбе с ОМУ-терроризмом. И по инициативе американской стороны — сегодня это не такой большой секрет — между координаторами этой тематики была налажена по санкции высшего руководства страны автономная, абсолютно закрытая срочная связь. Это тоже говорит о механизмах — если есть доверие, желание и воля работать.

С. Пайфер: В отношении механизмов по борьбе и по сдерживанию ядерного терроризма. Есть резолюция Совета Безопасности, есть конвенция, есть документы. Надо, чтобы США их ратифицировали, если уж подписали. Если есть дополнительные предложения, мы с удовольствием их рассмотрим. Следующий аспект — контроль над распространением ядерных материалов. У негосударственных игроков, у террористов, нет возможностей производить плутоний, им надо откуда-то получать компоненты. Поэтому государство является ответственным актором, оно должно контролировать запасы ядерных материалов, и это наилучший способ предотвратить возможность ядерного терроризма. Мои коллеги в Институте Брукингс считают, что нужна обязывающая декларация со стороны США и других стран: если негосударственные

акторы используют расщепляющиеся материалы, то страна, которая предоставила эти материалы, будет отвечать перед мировым сообществом наравне с теми, кто проводит террористические акции. Это, я считаю, хороший сдерживающий фактор. Иначе мы столкнемся с настоящим кошмаром.

Г.В. Берденников: Прозвучал вопрос о взаимосвязи сотрудничества в борьбе с терроризмом и надеждой на сотрудничество по ПРО. Мы, конечно, не увязываем эти два вопроса. Мы считаем, что вопрос предотвращения ядерного терроризма важен сам по себе. Мы являемся вместе с Соединенными Штатами инициаторами глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом, активно участвуем в саммитах по ядерной безопасности и очень надеемся, что улучшение отношений в одной сфере приведет к улучшению отношений и, может быть, к корректировке позиций Соединенных Штатов даже по такому вопросу, как ПРО. Но прямой здесь увязки нет, и мы такую задачу перед собой не ставим.

Ш. Бен-Ами: Несколько слов об «арабской весне», о распространении грязных ядерных материалов и опасности, что они попадут в руки террористов. Надо понимать, что «арабская весна» будет очень длительным и мучительным процессом. Это не отдельно взятая революция, которую можно просчитать по времени. Повторяю, это большой и мучительный процесс XXI века. На это уйдет много лет, думаю, произойдут государственные перевороты. Все, что угодно. Поэтому угроза распространения на Ближнем Востоке ядерных материалов должна рассматриваться и теми странами, которые не контролируют полностью то, что есть у них в распоряжении. Напомню об озабоченности международного сообщества в отношении химического оружия в руках режима баасистов в Сирии. Мы не хотели бы такого развития событий, но в регионе сложилась ситуация, напоминающая взрыв вулкана. Нужно добавить сюда еще и деятельность «Аль-Каиды», ее ярость и разочарование, потому что «Аль-Каида» рассматривает «арабскую весну» как свое крупное поражение. Она хотела добиться изменений силой, но тот факт, что «Братья-мусульмане» и другие организации становятся ответственными правительствами, которые решают государственные проблемы, для «Аль-Каиды» — поражение.

С.Х. Мусавиан: Думаю, Иран не является экзистенциальной угрозой для Израиля, как Израиль не является экзистенциальной угрозой для Ирана. Такова реальность. Дело в том, что Израиль создал бомбу до нашей революции. Она никак не связана с исламской революцией. Бомба была создана в 1970-годах, когда шах Ирана был союзником Израиля. Поэтому

мы не должны увязывать исламскую революцию с ядерной программой Израиля. Следующее замечание о заявлениях, что Израиль нужно стереть с лица земли. Я считаю, что они не соответствуют национальным интересам Ирана. Несколько месяцев назад заместитель премьер-министра Израиля дал интервью израильской газете, где сказал: «Мы с самого начала знали, что Ахмадинежад не говорил, что Израиль нужно стереть с лица земли. Это был неправильный перевод». Это заявление в вашей газете.

Да, в 1993 году возникла серьезная напряженность в наших отношениях как следствие соглашений в Осло. Я тогда был послом в Германии, передал свое послание от имени президента страны канцлеру Колю. Мы заявили, что готовы создать рабочий комитет для рассмотрения иранской вовлеченности в процессы, дестабилизирующие мир. Канцлер Коль передал наши предложения президенту США Клинтону, и тот их отклонил. Я уже говорил европейцам, что проблема мира — не в Иране, она — внутри Израиля. Именно господин Нетаньяху, а не президент Ахмадинежад, выступает против стремления президента Обамы к созданию двух государств в регионе. Премьер Израиля против мирного урегулирования, а не Иран.

По поводу замечаний господина Пайфера об иранском обогащении урана. В 1980-е годы я принимал участие в переговорах с европейцами и говорил, что нам не нужно обогащение, если представители Германии закончат строительство Бушерской станции и если Франция продолжит следовать соглашению с Ираном о предоставлении топлива для «Бушера». Это было в 1980-е годы, напомним. Договор с Россией появился только в середине 1990-х годов. У нас было четкое послание европейцам: нам не нужен цикл по обогащению урана. Они не приняли это предложение. Они не были готовы закончить строительство электростанции, хотя вложили огромные средства. И Франция отказалась от контракта, который изначально заключала по предоставлению топлива. Поэтому Иран выбрал путь самостоятельного обогащения урана.

Когда мы говорим о вопросах нераспространения, надо понимать, что их обсуждение международным сообществом обязано исламской революции. У шаха был план создания ядерной бомбы. В 1974 году в докладе ЦРУ президенту США говорилось: если шах останется у власти, то страна обзаведется ядерной бомбой. Через 33 года после революции у Ирана по-прежнему нет ядерной бомбы. Американцы когда-то хотели, чтобы к 1990 году у Ирана было 23 станции, но сейчас у Ирана нет ни одной. Американцы хотели, чтобы Иран обладал полным циклом обогащения, но у нас нет такого цикла. Именно этим обязано международное сообщество революции. Нельзя наказывать Иран. Если бы шах остался у руководства страной, у Ирана была бы сейчас ядерная бомба, 23 ядерных электростанции и большое количество обогащенного урана. Сейчас у нас нет ничего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ,
президент Российского совета
по международным делам,
член-корреспондент РАН**

Уважаемые коллеги! Спасибо за ваше участие в конференции. У всех много информации для того, чтобы ее осмыслить, сделать соответствующие выводы.

Первый вывод, который мы можем сделать: тема конференции была выбрана правильно. Мы убедились, что в этом зале и на сцене находились очень квалифицированные специалисты, эксперты в этой области. Мы увидели, насколько разнятся точки зрения. И не потому, что участники не хотят найти общий знаменатель, а потому что действительно в позициях есть различия, которые требуют серьезного осмысления и понимания.

Второй вывод: тема ядерного оружия, действительно, является одной из ключевых. Без ее понимания, без нахождения точек соприкосновения будет трудно выстраивать систему международной безопасности в XXI веке. Это тема, вокруг которой необходимо продолжать очень активный диалог.

Третий вывод: мне кажется, что эта тема уже вышла за пределы только официальных переговоров. В ее обсуждении должны все шире участвовать экспертные, научные круги, представители гражданского общества, потому что эта тема напрямую затрагивает многие другие вопросы, которые выходят за пределы чистой безопасности. Недоговоренность или разногласия по теме ядерного оружия и всего, что с ним связано, приводит к росту недоверия между нашими странами, к возникновению преград на пути сотрудничества в сферах, где мы реально заинтересованы в партнерстве. Это касается вопросов противодействия современным угрозам,

экономического и гуманитарного сотрудничества. Поэтому чем больше мы будем обсуждать тему, чем больше наши позиции будут сближаться по ключевой проблеме ядерной безопасности, тем больше будет открываться возможностей для более широкого сотрудничества по всем другим направлениям.

Сегодня многие задавали вопрос: насколько повлияет на российско-американские отношения повторный приход президента Обамы? Здесь находятся люди со значительным опытом дипломатической деятельности, и мы прекрасно понимаем, что чудес в политике и в дипломатии не бывает. Здесь нужна очень длительная, кропотливая работа, и я думаю, что мы с вами вместе сегодня, обсуждая эту тему, помогаем как раз нашим президентам и нашим правительствам находить пути сближения позиций.

Еще раз всех хочу поблагодарить за откровенное и уважительное к позициям друг друга обсуждение. Я думаю, что только такое обсуждение и позволяет находить взаимопонимание. Еще раз всем большое спасибо, и от имени Российского совета по международным делам хочу сказать, что мы всегда открыты к сотрудничеству.

БЛЭР БРЮС, соучредитель Global Zero («Мир без ядерного оружия»)

Должен поблагодарить вас, господин министр, за ваше гостеприимство, за ваше радушие, за то, что вам удалось собрать большое количество экспертов, которые могут работать и с вашей командой, и с командой Global Zero, и с другими российскими институтами, которые представлены сегодня в аудитории. Конечно же, я абсолютно согласен с вашей оценкой, что это была чрезвычайно важная конференция, сконцентрированная на очень сложных вопросах. И она прошла в очень важное и непростое время.

Хотелось бы высказать одно наблюдение. Вы упомянули, что недавно прошли выборы в США и звучали вопросы в отношении того, какова будет политика новой администрации. Позвольте мне напомнить, что одним из отцов концепции мира без ядерного оружия был сам президент Обама. В свое время он поддержал как новый член Сената идею полного устранения ядерного оружия в мире. Он говорил об этом после избрания на первый срок, он проводил встречи с президентом Медведевым и убеждал его, что это большая цель. Он выступил с важным заявлением в Праге, призывая к уничтожению ядерного оружия во всем мире. Он был первым президентом США, который посетил заседание Совета Безопасности в ООН в 2009 году

и убедил Совет Безопасности поддержать эту цель в качестве долгосрочной перспективы работы Совета Безопасности.

Не думаю, что господин Обама уклонится от цели, которую мы с вами обсуждаем — мир без ядерного оружия. Полагаю, он полностью готов поддерживать идею о дальнейшем сокращении ядерного оружия. Но есть очень важное «но». Поскольку вы недавно тоже прошли через выборы, то знаете, что, когда они проходят, это трудный год для принятия трудных решений. У господина Обамы большой список того, чем необходимо заняться в первую очередь. У нас серьезные экономические проблемы, которые необходимо решать внутри страны. И это потребует больших усилий со стороны президента Обамы: нужно добиться определенного консенсуса и согласия со стороны оппозиции в отношении подходов к решению дефицита бюджета. У нас есть проблемы, как и в Российской Федерации, в модернизации инфраструктуры. Есть ряд социальных проблем, которым необходимо уделять большое внимание. Если мы с вами посмотрим на широкую международную повестку, на горизонте появляются новые проблемы. Люди в США говорят об азиатском направлении, а что это означает для нас с вами? Нам нужно смириться с растущим потенциалом супердержавы Китая, с военной, политической, экономической точек зрения. Опять-таки для этого потребуются много внимания и времени в отношении развития нашей стратегии в Азии. Есть намерение вывести войска из Афганистана. Россия сыграла существенную роль и поддерживает усилия, предпринимаемые США в Афганистане. Но это будет очень сложный и болезненный процесс.

Как говорил господин Бен-Ами сегодня, Ближний Восток остается своего рода вулканом, здесь есть большое количество проблем, ими тоже нужно заниматься. Речь идет не только о ядерной программе Ирана, но и о последствиях возможного расширения войны в Сирии, которая может перекинуться на Турцию, Ливан, вовлечь Иорданию, курдов. То есть существует большое количество вопросов, которые потребуют внимания президента Обамы непосредственно после выборов.

Таким образом, вопрос заключается в том, в какой степени он может концентрироваться, сосредотачиваться на цели развития отношений с Россией и создания системы сокращения и контроля над вооружениями. Думаю, часть ответа на этот вопрос будет заключаться в том, какого рода интерес проявит Москва, какого рода поддержку наш президент получит из Москвы со стороны правительства господина Путина. Я полагаю, что если Россия заинтересована в укреплении взаимоотношений с Соединенными Штатами Америки, если она заинтересована в работе по целому ряду проблем, может быть, отдав приоритет сокращению ядерных вооружений и ядерной безопасности, вы сможете увидеть в президенте Обаме партнера,

который готов идти на сотрудничество. Но я не знаю на данный момент, насколько важным приоритетом является это для российской стороны. Это именно тот вопрос, на который нужно ответить не только в Вашингтоне, но и в Москве. Я надеюсь, что ответ, по крайней мере здесь, в Российской Федерации, в Москве, будет заключаться в том, что россияне готовы сесть за стол переговоров. Не обязательно сегодня прийти к полноценному соглашению с подходами США, но в любом случае надо подойти творчески и выработать решение. Если готова Россия, если господин Путин готов потратить часть своего политического капитала на этот вопрос, в господине Обаме вы увидите очень заинтересованного партнера.

Я думаю, что сегодня мы с вами проделали подготовительную работу для продуктивного диалога по данному вопросу между Россией и США в ближайшие годы. Господин министр, еще раз должен поблагодарить вас и ваших коллег. Позвольте также поблагодарить участников, представляющих не Россию и не США, поскольку они сделали очень важное напоминание, что вопросы безопасности больше не относятся к сфере двусторонних отношений. Они все больше и больше приобретают многосторонний и глобальный характер. Особая благодарность за их участие и готовность напомнить и американцам, и россиянам, что нам необходимо включать все больше людей в обсуждение данного вопроса. Благодарю вас и надеюсь увидеться в ближайшем будущем.

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ В XXI ВЕКЕ»**

Издательство «Спецкнига»

т. (495) 744-6179

www.specialbook.net

Верстка — В.В. Брызгалова

На обложке использовано фото

Юрий Сергеев, РСМД

Формат 70×100/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Гарнитура Варнок Про. Усл. печ. л. 8,0.

Тираж 500 экз.